

Николай
Красильников

ОХОТНИЧЬЯ

избушка

8+

В книгу «Охотничья избушка» вошли рассказы и повести Николая Красильникова о живой природе. Как сказал известный писатель-натуралист Леонид Сергеев, «Николай Красильников так ёмко, живописно, с лёгким юмором рассказывает о четвероногих и пернатых любимцах, что ощущаешь себя участником многих событий... Красильников не просто литератор, владеющий своим ремеслом, а Писатель, открывающий детям окружающий мир».

Николай Николаевич Красильников пишет о природе, о «братьях наших меньших». Многие книги писателя отмечены престижными литературными наградами. Он является лауреатом премии Союза писателей России, Международной литературной премии имени С.В.Михалкова и целого ряда других наград.

ISBN 978-5-905730-16-0

9 785905 730160

 КВИЛЕГИЯ-М

Николай
Красильников

ОХОТНИЧЬЯ *избушка*

 КВИПЕГЛЯ-М

Москва

ББК 84 (2Рус-Рос) 6
УДК 82-32
К 78

Красильников Н.Н.

К 78 Охотничья избушка. Рассказы и повести / Художник
Н.Соколова. – М: Аквилегия-М; 2013. – 352 с. – Б.ц.

В книгу «Охотничья избушка» вошли рассказы и повести Николая Красильникова о живой природе. Как сказал известный писатель-натуралист Леонид Сергеев, «Николай Красильников так ёмко, живописно, с лёгким юмором рассказывает о четвероногих и пернатых любимцах, что ощущаешь себя участником многих событий. Красильников не просто литератор, владеющий своим ремеслом, а Писатель, открывающий детям окружающий мир».

Серия
«Тузик, Мурзик и другие...»

ББК 84(2Рос-Рус) 6

© Красильников Н.Н., 2013
© Издательство «Аквилегия-М»,
оформление серии, 2013

ISBN 978-5-905730-16-0

О КНИГАХ НИКОЛАЯ КРАСИЛЬНИКОВА

Среди литераторов моего далеко не молодого поколения немало людей, которые пришли в детскую литературу по большей части потому, что в своё время только в книгах для детей разрешалась определённая доля формализма, символов. В работах таких литераторов попадаются целые россыпи словесных находок, что само по себе прекрасно — они обогащают язык и, бесспорно, интересны профессионалам. Изощёренные критики называют это литературщиной, я называю «фигурным катанием в литературе» и с удовольствием читаю этих своих сверстников, как, думаю, и большинство взрослых, но... не детей. Ребёнок попросту многого не понимает в таких книгах. Именно поэтому подобное произведение следовало бы отнести к разряду «взрослым о детях». Как ни рассуждай, главными в литературе всё же остаются образ, сюжет, а в детской ещё

и нравственные понятия о вечном противоборстве добра и зла, плюс — элемент игры и юмора и, конечно, простота изложения.

Среди литераторов молодого поколения сейчас тоже немало последователей «формалистического метода»; в их работах видна стеснительность текста, его зависимость от формы, а то и просто желание пооригинальничать. Сейчас модны всякие «страшилки, ужастики, вредные советы, импровизация на тему» и, ясное дело, — подтексты. Но где тексты?! Да и всё это уже было, и от этого мало что осталось. А вот «Каштанка» и «Белый пудель» останутся навсегда.

Читая рассказы и повести Николая Красильникова, я всегда испытываю облегчение и радость, словно выхожу из тесной комнаты на просторную солнечную улицу, словно после выставки абстрактной живописи, несущей разрушительную, злую энергетику, вижу умиротворяющие пейзажи Шишкина, Левитана, Куинджи... Простые, безыскусные (и потому истинные) рассказы и повести Николая Красильникова находятся в русле традиций русской литературы. Конечно, они окрашены колоритом природы России и Средней Азии, иначе и не может быть, ведь экспозиция, атмосфера — основа прозы. Неторопливая, вдумчивая манера письма, внимательное отношение к деталям, а главное, мера ответственности за всё, что происходит вокруг нас (а эта ответственность и определяет талант

художника) — всё это идёт от наших предшественников, мастеров прозы. Это особенно важно сейчас, в период засилья западной массовой культуры: всяких черепах-каратистов, роботов, космических воинов. Уже сами западники с тревогой говорят о нервном истощении детей от «монстров», а наши дельцы от искусства выпускают их всё нарастающим валом. На таком фоне книга «Охотничья избушка» выглядит настоящим откровением.

Рассказы и повести Николая Красильникова излучают добро, лёгкий юмор, призывают детей бережно относиться к природе, любить животных. В них проводится понятная ребёнку мысль: делать добро необходимо не только потому, что приобретаешь друзей, но и потому, что собственная жизнь наполняется смыслом и, в конечном счёте, сам становишься счастливым.

Николай Красильников так ёмко, живописно, порой с лёгким юмором рассказывает о ребятах и их четвероногих и пернатых любимцах, показывает далёкую неизвестную местность, что ощущаешь себя участником многих событий. Вместе с автором встречаешь зорьку в заволжских лесах, богатых боровой и болотной дичью, путешествуешь с егерем по таёжным урёмам и буйным рекам. Вдыхаешь запахи пустыни, плывёшь по Сырдарье, «общаешься» с местной флорой и фауной... И, конечно, сидишь в чайхане, слушаешь местных балагуров. Герои рассказов и повестей Николая Красильникова,

совершенно незнакомые люди, становятся близкими — ведь, в сущности, заботы и мечты большинства простых людей на земле очень схожи. Знакомясь с героями Николая Красильникова, забываешь о различии культур. Потому что мальчишки с бывшего Аральского моря и их сверстники с берегов Эгейского похожи в своих поступках и в общении с окружающим миром. Они одинаково любят природу своего края.

Я благодарен автору вдвойне: прочитав его новую книгу, я словно вновь, спустя полвека, побывал в Средней Азии, и ностальгия по нашей некогда великой стране разбередила душу.

И ещё несколько слов о манере письма Николая Красильникова. В его произведениях нет ничего лишнего, а рассказы, такие как «Музыкальный медведь», «Поздние ласточки», «Чуня», «Самое большое чудо» написаны с таким мастерством, что выглядят стихо-творениями в прозе.

Николай Красильников искренний прозаик, со светлым взглядом на жизнь (что сейчас встречается крайне редко). Он не просто литератор, владеющий своим ремеслом, а Писатель, открывающий детям окружающий мир.

Леонид СЕРГЕЕВ,
*писатель, художник,
лауреат литературных премий.*

**Друзья
моего
детства**

ПРО КИСТОЧКУ И ЦЕЗАРЯ

У нас во дворе каждый мальчишка или девчонка хоть какую-нибудь живность да держали у себя дома. О собаках и кошках уж и не говорю — они почти у всех имелись. Я о красавцах попугайчиках, ярких рыбках, морских свинках...

Только у меня никого не было — ни собачки, ни рыбок... Как только я начинал просить маму купить ну хоть кого-нибудь, она сразу же всплёскивала руками, начинала ахать:

— А кто будет ухаживать?! Папа на работе, мне некогда.

— Как кто? А я зачем?..

— Ну, если ты, то это на день, самое большее на два, — говорила мама. — Поиграешь,

а потом забросишь, как надоевшую игрушку. А за живым существом уход нужен, — при этом она многозначительно поднимала вверх палец. — Ты за него должен нести ответственность! Понимаешь, от-вет-ствен-ность!

В ту осень я должен был пойти в первый класс. И вот за неделю до занятий пошли мы с мамой в зоопарк. Не спеша, ходили мы от вольера к вольеру. Смотрели на павлина, слона, бегемота, тигра... А мартышке мне даже удалось кинуть карамельку. И она, на удивление всем, словно жонглёр, поймала её на лету! Вокруг дружно захлопали. Потом я катался на карусели, стрелял в тире и даже один раз попал в волка, ел вкусное мороженое на палочке...

Когда мы, немного уставшие, вышли за ворота зоопарка, я ещё издали увидел девочку. Она несла банку с рыбками. Рядом с ней, смешно подскакивая на одной ноге — должно быть, от радости, — шёл рыжий мальчик. В руке у него болталась клетка из проволоки. Когда они поравнялись с нами, мальчишка опустил клетку на асфальт и стал считать мелочь на потной ладошке. Я тоже остановился и посмотрел на клетку: в уголке металлической загородки сидел какой-то зверёк. Был он крохотный и лохматый, будто варёжка.

- Это кто? — спросил я владельца клетки.
— Хомяк, — не поднимая головы, ответил он.
— Где купил?
— В зоомагазине, — сказал мальчик и показал свободной рукой на противоположную сторону улицы.
— Красивый, — грустно сказал я.
— Ага, — согласился мальчишка и, по-прежнему не глядя на меня, обратился к девчонке: — Ещё на мороженое осталось...
Пойдём!

Я вопросительно посмотрел на маму. Но она уже всё поняла и без слов.

— Ну, зачем тебе этот хомяк? — вздохнула она и брезгливо сморщила нос. — Наверное, он блошистый, к тому же очень похож на крысу.

— Нет, он очень симпатичный, — запротестовал я, и из глаз у меня закапали слёзы.

Всем детям кого-нибудь покупают, а мне нет. Даже обидно. Я боком-боком отошёл в сторонку и прислонился лицом к дереву, чтобы скрыть от прохожих свои слёзы.

— Стоит из-за такого-то пустяка реветь, — попробовала урезонить меня мама.

Я ничего не ответил, только ещё сильнее задрожал плечами. И мама не выдержала:

— Ну, хорошо, куплю тебе хомячка. Но что ты с ним будешь делать?

Не веря в своё счастье, я кулаком размазал по лицу слёзы.

— Как что? Как что? Целовать!

Мама рассмеялась.

— Ну, любить... — смущённо поправился я. — Ухаживать, вовремя кормить, воду наливать...

В общем, из зоопарка я вернулся счастливый: наконец-то у меня появился свой хомяк! Нового жильца мы поселили в небольшой клетке для попугайчиков. Поставили её на балкон, положили вовнутрь баночку с зерном, нарезанное яблоко. Налили в блюдечко воды. Но хомячок лежал в углу и ни к чему не притрагивался, только принюхивался. Должно быть, привыкал к новой обстановке, новым людям.

— Надо бы сделать ему норку, — озабоченно сказал папа. — Хомяк — животное полуночное. Ну-ка, неси сюда коробку от сандалий!

Я мигом сбегал в спальню и вернулся с коробкой. Папа тут же при помощи ножниц и клея соорудил из неё крохотную будочку. И не успели мы оглянуться, как хомячок тут же юркнул в своё новое убежище!

К вечеру меня осенило: «Надо же показать ребятам своего нового приятеля! Пусть все знают, что и у меня кто-то есть». Я не

стал вытаскивать хомячка наружу, а прямо с клеткой вышел на детскую площадку.

Что тут началось! Меня со всех сторон окружили мальчишки и девчонки! Кто с мячиком, кто со скакалкой. А Юлька — соседская девочка с огромным малиновым бантом — подошла со своим догом Цезарем. Все ребята показывали пальцем на клетку, разводили руками, цокали языком, удивлялись. Оказывается, только у меня дома жил хомяк.

— Это что за зверь? — спросил маленький Славик.

— Никакой это не зверь, а хомяк! — солидно сказал первоклассник Витька. — А ещё ходишь в детсад, в старшую группу. Чему вас там только учат, не понимаю.

— Ой, покажите! — протиснулась к клетке Юлька.

Цезарь остался привязанным за поводок к скамейке и с явным интересом, высунув розовый язык, наблюдал оттуда за ребятами.

— Какой кругленький, пушистый! Ну, прямо мячик!.. — Юлька посмотрела на меня большими удивлёнными глазами и спросила: — А как ты его назвал, Игорёк?

Честно говоря, я ещё не придумал достойной клички своему питомцу и неожиданно — не знаю, почему — выпалил:

— Фомкой!

— Здорово! — похвалил Витька.

— А вдруг он — девочка? — засомневалась Юлька.

— А разве у хомяков бывают мальчики и девочки? — удивился Славик.

— Конечно, бывают, — хмыкнул Витька и легонько щёлкнул Славика по носу. — Как же они тогда плодятся, если не бывают? Понимать надо...

В самом деле, с кличкой я попал впро- сак, тем более что Юлька оказалась права. На другой день папа внимательно осмотрел хомяка и пришёл к выводу, что зверёк действительно девочка. Я малость приуныл. Но папа потрепал меня по волосам:

— Не грусти. Это же хорошо! Хомяк... гм... прости, хомячиха вырастет и народит тебе много-много хомячков.

Настроение моё сразу поползло вверх.

— А как же мы тогда её назовём? — спросил я.

— Это ты уже придумай сам, — разрешил папа.

Я пошёл в свою комнату, сел за стол и начал думать. Однако ничего подходящего в голову не приходило. Тогда я взял лист из альбома, карандаш и начал рисовать. На листе стал постепенно вырисовываться...

хомяк! Я даже удивился, как это могло получиться. Не такой уж я, честно говоря, художник...

И тут в комнату вошёл папа.

— Ну, что? Придумал? — весело спросил он.

— Не-е, — вяло промямлил я. — Ничего, кроме Фомки, в голову не приходит...

— А это что ты нарисовал? — кивнул папа на лист. — Хомяка?

— Угу.

— Ну-ка, дай сюда кисточку...

Папа обмакнул кисточку в баночку с водой. Подобрал краску. Легонько провёл ею несколько раз по рисунку, и... хомяк получился как живой. Серо-буро-малиновый. Точь-в-точь как моя кисточка! Папа вымыл кисточку, зачем-то поднёс её к глазам.

— А знаешь что? — сказал он и улыбнулся. — Давай назовём хомячка... Кисточкой!

— Отлично! — обрадовался я, вскочил и захлопал в ладоши. — Очень похоже!

... Кисточка росла неприхотливой. Она с аппетитом ела не только яблоки, морковь и капустный лист, но и кукурузу, ячмень, пшеницу... Охотно отзывалась на своё забавное имечко. Днём наша девочка обычно пряталась в своей тёмной норке, а с наступлением сумерек гуляла по клетке. Очень легко ходила по жёрдочке, лазала по

металлическим прутьям и смешно стояла на задних лапках. Теперь я — да что я, и мама с папой тоже! — просто не мыслили своей жизни без Кисточки.

И вдруг... Как-то мама насыпала Кисточке горсть зерна, а дверцу в клетке забыла захлопнуть. Когда я вернулся из школы — а я уже целый месяц учился, — хомяка на месте не оказалось. Мы обыскали все комнаты, перетрясли все половики, осмотрели шкафы и щели... Кисточка словно сквозь землю провалилась!

А вдруг хомячок убежал на улицу? Проветривая квартиру, мама иногда оставляет дверь приоткрытой. И вот тут-то я помчался во двор. Созвал на поиски и Славика, и Витьку, и других мальчишек. Мы облазили весь двор: и сарай, и кусты. Даже заглянули в трубу, оставленную строителями. Кисточки нигде не было.

Усталый и расстроенный, вернулся я домой. Лёг на диван, отвернувшись от всех, и уткнулся носом в спинку.

— Не переживай, — попробовала успокоить меня мама. — Может, ещё отыщется...

Где там! Во дворе бегают разные кошки, бродячие собаки... Они, видно, и схватили.

Ближе к вечеру, когда я уже немного успокоился, в коридоре раздался звонок:

дилинь-дон! Тихий такой, какой-то нерешительный. Дилинь-дон! Я соскочил с места и стрелой метнулся к двери.

— Кто там?

— Я — Юля. Открой, — услышался знакомый голос.

Я мигом откинул цепочку, распахнул дверь и увидел на площадке свою соседку. Рядом с ней на поводке стоял Цезарь. Пасть у него была слегка приоткрыта, как будто пёс приготовился улыбнуться.

— Плакал, да? — спросила Юлька.

— А тебе какое дело? — рассердился я.

— А такое! — сказала соседка искомандовала: — А ну-ка, Цезарь, верни Кисточку хозяину.

Дог опустил голову, и мне прямо под ноги выкатилась наша беглянка. Живая и целёхонькая.

— Где нашли? — завопил я.

— Там, в клумбе с цветами, — махнула Юлька в сторону двора. — Цезарь нашёл. Случайно, на прогулке. Его благодари, растеряха.

— Цезарь, спасибо, — упал я на колени. Тут Юлька весело засмеялась и утянула Цезаря за поводок обратно во двор.

Пожалуй, в этот вечер я был даже счастливее, чем тогда, когда мы несли Кисточку из зоомагазина.

За ужином папа рассуждал:

— Вообще-то дог — порода очень умная. Надо же! Принести в пасти такую кроху и... не оцарапать даже. Поразительно. Одно слово — Цезарь. Благородство и сообразительность.

Я, конечно, был согласен с папой, а ещё подумал: всё-таки отличная девчонка — Юлька! Когда вырасту, обязательно женюсь на ней. Будем вместе кормить Кисточку, выводить во двор Цезаря. И каждое воскресенье, не пропуская ни одного, ходить все вместе в зоомагазин.

ВЕСНА, ГИТАРА, МУХОЛОВКИ...

Я открываю окно, снимаю со стены гитару, сажусь на табурет. По комнате плавают тени. Кружевные. Полдень, цветёт черешня. И солнце из сада вместе с её цветением пробивается к нам...

Я кладу гитару на левое колено и вспоминаю, что задавал учитель. Мажорные или минорные гаммы? Ах, да! Осторожно, с прилежностью примерного ученика, перебираю пальцами струны.

Вообще-то мама говорит, что у меня нет слуха: «Тебе медведь на ухо наступил».

А вот учитель мой по гитаре, Зот Палыч, иного мнения.

«Не верю. Не бывает на свете бесталан-ных людей, — говорит он. — Есть люди лени-вые. А одержимые всегда добьются цели».

Значит, я одержимый! Это меня и подстё-гивает. Каждый день занимаюсь. Зот Палыч не щедр на похвалы. Но как-то мимолётом обронил: «Толк будет!».

Я от радости чуть не взлетел к потолку вместе с гитарой.

Когда пальцы у меня начинают уставать, а звуки смешиваются, я бережно кладу ги-тару на стол и подхожу к окну.

Вот и сегодня. Глянул на черешню и... за-мер.

На ветке сидела птичка: маленькая, со-всем крохотная. Крылышки как будто в су-глинке испачканы. Красивая! Таких я у нас раньше не встречал. Колибри, что ли?

Птаха посмотрела в мою сторону. Резвая такая, будто внутри у неё пружинка спрята-на. Прыг-прыг! — и скрылась.

Мама сказала, что это мухоловка. И очень удивилась, отчего я раньше её не замечал.

Мало ли птиц залетает в сад! Разве упом-нишь всех? А эта птаха, оказывается, пятую весну прилетает к нам. Выводит птенцов в дальнем углу сада — у забора, в зарослях

сирени — и с первым осенним дождиком исчезает.

Действительно, почему это я раньше не замечал такую симпатичную мухоловку? Наверно, у меня не только со слухом неблагополучно...

После уроков попросил у Кати Евстратовой — она учится в нашем классе — справочник «Определитель птиц». Отец у неё — учёный-орнитолог и всю жизнь занимается изучением пернатых. Катя пожалала плечиком, но вынесла тяжёлый том.

Дома я отыскал, что написано о мухоловке: «Зимует в Африке, в западных областях Индии... Летом придерживается гор, на пролётах встречается в оазисах, пустынях и по долинам рек...»

О-го-го! Вот откуда, оказывается, гостя... И чем её привлёк наш сад?

Как-то в перерыве я спросил Зота Палыча, сколько живут птицы. Ребята постарше говорили, что учитель всё знает — ходячая энциклопедия.

Он хитро прищурился:

— Зачем тебе это?

— Интересно.

— Как-то у Ходжи Насреддина поинтересовались: «Сколько лет живёт гусь?» — «Восемь», — последовал ответ. «А корова?» —

«Двадцать...» — «Сколько же тогда живёт мышка?» — «Э, брат, всё зависит от кошки», — смеясь, ответил Ходжа.

Заметив мою кислую улыбку, Зот Палыч похлопал меня по плечу:

— Если серьёзно, то мало... Всего восемь или десять вёсен.

Я снова восседаю на табурете. Учю ноты, гаммы. Иногда мне кажется, мы с гитарой большие друзья. Она всё лучше понимает меня, хотя я её не всегда... Как будто в этом деревянном ящичке с «талией» какая-то тайна. Когда я её разгадаю, тогда, наверно, и научусь играть. И зазвучит моя гитара легко, свободно, как человеческий голос. Как у Зота Палыча. Или как у птицы...

— Серёжа, обедать! — раздаётся из кухни мамин голос.

— Сейчас.

Откладываю гитару в сторону, по привычке подхожу к окну. Терпеливо стою у окошка, ожидая встречи... С кем? Ну, конечно, с мухоловкой. Где же она?

Над черешней кружатся пчёлы, вьются мошки.

И тут появляется птаха. Она висит над пышной веткой, мелко трепеща крылышками. Потом резко идёт вниз — прямо по вертикали. Словно крохотный вертолётчик.

Занятно!

Иду на кухню, размышляя о мухоловке. Мечтой о крыльях человек, конечно же, обязан птице. Это точно. А как изобрели вертолёт? Подняться с места вверх, сесть в намеченную точку... Нет, и тут, наверно, не обошлось без какой-нибудь птахи...

Пообедав, собираю крошки, рассыпаю на подоконнике специально для неё, мухоловки. Но та почему-то не торопится. Крошки склевали воробьи. А может, гостье пришлась не по вкусу лепёшка?

Кстати, что говорит по этому поводу «Определитель птиц»? «Пища мухоловок состоит из летающих насекомых, кроме крупных жуков...» Так вот отчего она постоянно кружится под окном: ищет вредителей. А я почему-то решил, что мухоловку привлекает моя гитара... Увы!

... Наконец-то подушечки моих пальцев начали затвердевать. И струны стали как будто более податливыми. Отдельные, отрывистые звуки сплетаются теперь в длинный мелодичный перебор. И мама чаще останавливается возле открытой двери. Слушает. Чему-то улыбается...

А мухоловка всё порхает за окном. Как-то села она на раму открытой форточки.

Смешно, чуть набок склонила маковку головки: кто, мол, там бренчит?

А может, моя мелодия показалась ей лесным ручейком?

Мы встретились взглядом. Несколько секунд изучали друг друга.

И тут, откуда ни возьмись, появился наш Пушок. Мухоловка тотчас же упорхнула. А бесовестный кот довольно потерся о мою ногу.

Впрочем, любопытная птаха потом ещё не раз прилетала на своё место, в мою «филармонию»...

... В один из майских дней я увидел на черешне ещё одну мухоловку. Ясное дело: «моя» решила обзавестись парой, строить гнездо.

Теперь я играл на гитаре в одиночестве. И струны сами выводили минорные, протяжные мелодии.

Мухоловки даже не мелькали за окном. Словно исчезли. И вдруг меня пронзила мысль: не схватил ли их Пушок?

Я выбежал в сад. Стал осматривать деревья.

— Что случилось? — забеспокоилась мама.

Я отмахнулся.

Осматривая дерево за деревом, дошёл до густых зарослей сирени. Большой куст у же

отцвёл. Но чья там, в ветвях, тёмная шапочка? Да это же гнездо!

Я сбегал в сарай за стремянкой. В шапочке из соломы и пуха покоились четыре яичка. Были они зеленоватые, с коричневыми пятнышками. А уж какие крохотные, мухоловочные!

Но где же сами мухоловки?

Я огляделся и на ветке соседней яблони увидел пару мухоловок. Птахи с какой-то оцепенелой обречённостью наблюдали за моими действиями.

Пришлось быстренько убрать стремянку на место и возвратиться восвояси.

В тот день я до самого вечера брэнчал на гитаре — неустанно и вдохновенно. А напрасно заподозренный Пушок старался лапой сбить с моей правой ноги тапочек.

... Зот Палыч сказал, что успехи мои налицо. Если так пойдёт и дальше, можно будет через месяц-другой выступать в школьном ансамбле. «Знай наших!» — возгордился я.

Мухоловки снова мелькают у окна, но слушать мои пассажи им явно недосуг. В чём тут дело, догадаться нетрудно. Проходя как-то мимо сирени, я услышал писк. Он, словно космический радиосигнал,

раздавался из «спутника» — шапочки. Птенцы!

В тот же день я вернул Кате Евстратовой «Определитель птиц».

— Интересно? — спросила она.

— Угу! — кивнул я.

— Может, тебе ещё про животных дать?

— Спасибо.

— Как знаешь, — повела плечиком Катя и почему-то ослепительно улыбнулась.

А я подумал про себя: «Симпатичная девчонка! Вот бы как-нибудь её в кино пригласить...»

Лето шло, и я уже не обращал внимания на мухоловок. Их стало слишком много, целых шесть. Не разберёшь, где родители, а где дети.

Однако, когда я садился у окна с гитарой, мухоловки тотчас же слетались на черешню. Так что слушателей у меня прибавилось. Иногда все шесть, как одна, замирали на своих ветках. А я лихо перебирал струны, вполголоса напевая:

*Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаваньё
К далеким берегам.*

*Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию —
К далёким берегам!*

Однажды во время «Ливерпульской гавани» я почувствовал за спиной мамино тёплое дыхание. С последним аккордом мама положила руку мне на плечо и сказала:

— Молодец, сынок! Ты у меня упрямый...
Рассердишься — и добьёшься своего.

— Нет уж, — улыбнулся я. — Это благодаря Зоту Палычу! И вот им... моим мухоловкам.

А потом в школе был концерт. И я выступил на нём в составе ансамбля. И на концерт пришла Катя Евстратова. И я наконец-то пригласил её в кино.

Мухоловки улетели так же неожиданно, как и появились. Сад сразу же словно опустел. Негромкий свист ветра заполнил кусты сирени, крону черешни.

... Я часто думаю о тех птицах. Как им живётся в далёкой Африке? Вспоминают ли они нас — меня, маму, наш дом? А главное — свою черешню напротив распахнутого настежь окна, из которого льётся, не переставая, тот самый грустно-озорной мотивчик:

*Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаваньё
К далеким берегам...*

МАРФУША

Серёжа хорошо запомнил этот весенний день. Над городом плыли низкие лохматые тучи. Накрапывал дождик. А молоденькие листья смородины с удовольствием подставляли каплям свои зелёные ладошки.

И вдруг дождик прекратился. Сквозь тучи брызнуло огромное оранжевое солнце. И вместе с его лучами на влажные крыши, мостовые и сады пролились непривычные звуки: «Кур-лы!.. Кур-лы!..»

Кто-то из мальчишек закричал:

— Журавли летят!

— Ура! Журавли! — подхватил другой.

Серёжа зачарованно смотрел вверх. В небе, раскачиваясь, как огромные качели, летел журавлиный клин.

— Кур-лы!.. Кур-лы!.. — голоса птиц смешивались с криками мальчишек, с отдалёнными звонками трамваев...

Серёжа сидел возле старого сарая на бревне. Он тоже хотел присоединиться

к ребятам, скачущим посреди двора, но тут до его слуха донёлся какой-то странный шум. Будто кто-то молоточком медленно и глухо постукивал по металлу: бух... бух...

Серёжа встал, прислушался и нерешительно направился к сараю. Осторожно толкнул носком сандалии какую-то ржавую железяку. Постукивание тут же прекратилось.

Неужели... домовичок? Мальчик потянул к себе железку, оказавшуюся старым водосточным желобком, и... в глазах его вспыхнул радостный огонёк. Под жестяной, затаившись, лежала... живая черепашка!

— Черепаша! — радостно закричал Серёжа и высоко над головой поднял свою добычу.

Мальчишки, только что буйно радовавшиеся журавлям, быстро окружили приятеля. Со всех сторон раздавалось:

- Ух, ты!..
- Смотри, настоящая!
- Где поймал?
- Чья она?
- Наверное, убежала из дома...
- Дай поддержать!

Но испуганная черепашка спрятала в панцирь голову и уже не подавала признаков жизни.

— А она живая? — испугался маленький Виталик.

— Живая, — успокоил его Серёжа. — Просто кричите вы очень...

Тем временем самые нетерпеливые совали черепашке одуванчик, кустик крапивы, листок подорожника. Но хозяйка «кожаной куртки» по-прежнему не высывалась.

— Да подождите вы, — прикрикнул Серёжа. — Пусть немного привыкнет.

— Черепашка, черепашка, покажи свою мордашку! — попросил Виталик.

Ребята засмеялись, но гостя почему-то не высунулась.

— А можно я её поглажу? — не унимался Виталик.

— Гладь, — разрешил Серёжа. — Только осторожно.

Малыш провёл пару раз ладошкой по гладкому панцирю, и — о чудо! — черепашка осторожно выглянула из панциря: кто это, мол, такой вежливый здесь объявился?

Мальчишки от удивления дружно раскрыли рты. Вот так да! Ни одуванчик, ни крапива, ни подорожник не помогли. А ласка подействовала. Ай да Виталик!

И тут все увидели, какая черепашка симпатяга: треугольная мордочка так и лоснится, глазки поблёскивают.

Малыш преданно посмотрел на Серёжу и вдруг тихо попросил:

— Серёжа, подари мне черепашку. А я тебе дам плитку шоколада...

Ребята притихли, а Серёжа, всё ещё державший в руке черепашку, покачал головой:

— Нет, пусть черепаха будет общей. И твоя, и моя, и Вовкина, и Валерика, и Катина... Ведь я её нашёл возле сарая. Пусть здесь и живёт. А шоколадку прибереги, пригодится. Правильно?

— Правильно! — вздохнул Виталик.

— Правильно! Правильно! — наперебой закричали ребята.

— Тогда я и шоколад поделю между всеми, — сказал Виталик. — Ладно?

И снова все дружно подхватили:

— Правильно! И черепашке оставь кусочек!

... Черепашка оказалась ручной, послушной и очень красивой. Панцирь её был в крупную клетку и напоминал новый клеёнчатый фартук дворничихи тёти Марфы. Поэтому выдумывать кличку долго не пришлось — мальчишки тут же прилепили

своей «воспитаннице» вполне подходящее
имечко: Марфуша.

Черепашка быстро освоилась во дворе, привыкла к ребятам и с готовностью отзывалась на свою кличку. Стоило только крикнуть «Марфуша!» и присесть на корточки, как она высовывала из костяного фартука головку и застывала в ожидании. Ждать приходилось недолго — тут же появлялись капустные листья, мелко нарезанные яблоки, морковь, свёкла... Больше всех старался сладкоежка Виталик. Он то и дело старался подсунуть Марфуше что-нибудь вкусное: конфеты, печенье, вафли...

— Ты что! — всякий раз одёргивал его Серёжа. — Черепахе сладкое нельзя. Она ведь питалась травой и привыкла к зелени. К тому же Марфуша — это тебе не Катя.

И в Виталикова сестрёнка Катя, стоявшая рядом, сочувственно глядела на «бедную» Марфушу.

Так и ухаживали ребята за черепашкой по очереди. Днём Марфуша запросто гуляла по двору, возле забора. Щипала там травку — подорожники, пастушью сумку... Никто её не обижал — ни собаки, ни кошки. Даже озорники из соседних дворов не пытались украсть черепашку.

Все знали, что за нею ухаживают крепкие ребята. А на ночь Марфушу запирали в сарай.

... С наступлением тепла ребята поразъехались на каникулы. Кто куда: в лагерь, на море... В общем, пришёл день, когда во дворе остался один Виталик. Ему и поручили ухаживать за Марфушей. Виталик, впрочем, был очень доволен.

Но когда Серёжа вернулся из деревни, он застал Виталика в полном одиночестве.

— Черепашка пропала, — всхлипывал Марфушин кормилец. — Позавчера вечером я её запер в сарай, а утром пришёл — нет Марфуши. Весь двор обыскал — нету!

Серёжа и Виталик ещё раз облазили глухие уголки двора, даже спускались с фонариком в подвал дома. Марфуши нигде не было. Словно сквозь землю провалилась.

... Осень прошла со школьными звонками и мокрыми листьями, зима — с новогодней ёлкой и пушистыми снежинками. И вот над землёй снова заулыбалось весеннее солнце. И снова в небе заколыхались качели журавлиного клина.

— Кур-лы!.. Кур-лы!.. Кур-лы!..

И мальчишки от радости снова подбрасывали над головой свои шапчонки.

Серёжа, как и в прошлом году, сидел на бревне возле сарая. И ему опять было весело. От солнца, от прилетевших журавлей. И тут он снова, как когда-то давным-давно, услышал глухой скрежет. И удары: бух... бух... Теперь они доносились из-под нижнего бревна сарая. Будто кто-то тужился, хотел приподнять стену.

Марфуша?! Серёжа затаил дыхание. И тут кто-то невидимый стал выталкивать вперёд из-под бревна комки глины. А через минуту на свет показалась черепаха. Она замерла, будто зажмурилась от солнца. А когда привыкла к свету и встретила взглядом с Серёжей, вдруг быстро-быстро заскребла передними лапами. И пошла, поползла навстречу мальчику.

— Ребята! Марфуша! Марфуша нашлась!

Когда мальчишки подбежали к сараю, они увидели и вовсе удивительную картину. Вслед за их неожиданно объявившейся Марфушей стали выползать... черепашата. Один, второй, третий, четвёртый... Крохотные, со спичечный коробок.

— Ура! — закричали дружно ребята и захолопали в ладоши.

Теперь у каждого из них была своя черепашка. У Серёжи, у Вовы, у Валерика

и Кати. А сама Марфуша осталась жить у подростшего за год, повзрослевшего Виталика: ведь он больше всех ухаживал за черепахой и переживал за неё.

ВОРОНЬЯ ВЕРНОСТЬ

Выпавший из гнезда воронёнок прыгал под деревом, отчаянно верещал, то и дело валился на крыло. И от этого ещё больше запутывался в траве.

В этот «драматический» момент я и возвращался с Толстопальцевского пруда, держа в руке связку золотистых карасей.

Невезучий птенец лежал неподалёку, под старой берёзой, в развилке которой темнело гнездо-шапка. Я пригляделся и увидел в гнезде ещё одного птенца. Он с любопытством выглядывал из своего жилища, явно не понимая, что происходит внизу.

Подняв с земли насмерть перепуганного воронёнка, я сунул его за пазуху. Всё равно погибнет от голода или станет добычей бродячих кошек.

Дома я отнёс найдёныша в сарай с крохотным оконцем и треснувшим стеклом. Когда-то мы держали в этой хибарке кур и кроликов.

Постелил на дощатый пол соломы, налил в консервную банку колодезной воды, накрыл хлеба.

С тех пор каждое утро я навывался к воронёнку. Менял воду в банке, приносил червяковсогорода, слиз-

няков, остатки пищи со стола. Воронёнок с удовольствием принимал угощение прямо с рук. Однако стоило мне уйти, как птенец запрыгивал на низкий подоконник единственного окошка и верещал, верещал... Как будто звал кого-то, но — кого? Я терялся в догадках — до тех пор, пока не понял причины тревоги воронёнка: сытому малышу не хватало родственной вороньей души.

И вот, кажется, на четвёртый день, в нашем саду появилась такая «душа». Большая ворона села на ветку, расправила крылья. Поозиралась вокруг — и к сараю. Устроилась возле окошка. Тюкнула массивным клювом по стеклу, мол: «Здесь я, мой малыш!» А с другой стороны птенец

радостно забил крыльями: «Здесь я, мама, здесь!»

Теперь мать-ворона была самой первой гостьей воронёнка. И, надо полагать, самой желанной.

А однажды утром, заглянув в сарай, я не нашёл своего питомца. Прошёлся по сараю, осмотрел все углы, все щели. Воронёнка нигде не было! И вдруг щеки моей коснулся лёгкий сквознячок, тянувший из разбитого окошка. От сердца сразу отлегло. Я понял: вызволила-таки из плена ворона своё драгоценное чадо!

Через месяц, направляясь к Толстопальцевскому пруду за карасями, я решил навестить старую берёзу с вороньим гнездом. Ни вороны, ни птенцов на ней я, разумеется, не увидел. Зато, когда я расположился с удочками на берегу, на соседнюю иву село сразу три птицы. Я узнал их: это были мамаша-ворона и два её отпрыска, выросших воронёнка.

КОТ, КОТОРЫЙ ЛЕТАЛ

Кот бабки Настасьи по кличке Дымок был неприметен. Тощий, глазастый, он часами грелся под солнышком на поленнице дров. Даже пищу добывать было лень. Не то, что

другие кошки — снуют туда-сюда. То мышку принесут в зубах, то схватят зазевавшегося воробья... А этому что подадут — тем и доволен.

Но однажды неприметный бабкин кот страшно прославился на всю деревню. А дело было так. Бабка Настасья вынесла коту баранью косточку — сахарную, аппетитную. Положила на землю возле Дымка, а сама отошла к соседкам, о чём-то судачившим возле колодца. Там же вертелась и ребятня.

Кот то ли сыт был, то ли лень ему было прыгнуть с нагретого места, продолжал дремать на поленнице: куда, мол, денется моё угощение?

Вот тут-то откуда ни возьмись и прилетела ворона. Обошла несколько раз миску с косточкой. Посмотрела по сторонам: не наблюдает ли кто? Не обнаружив опасности, тюк косточку, и вместе с ней взлетела на стоящую рядом невысокую берёзу.

Дымок, дремавший вполглаза, явно оскорбился такой наглостью. Он приподнялся, распрямил полосатую спинку, напрягся и одним молниеносным броском взлетел на дерево. Ворона не успела выпустить из клюва косточку, когда Дымок схватил птицу зубами за лапку. Серая бросила добычу, громко каркнула, замахала крыльями.

Женщины возле колодца замолкли, обратив внимание на необычную возню. А мальчишки удивлённо и радостно закричали:

— Смотрите, Дымок летит!

Ворона унесла кота недалеко — не выдержав его тяжести, кувыркнулась на землю.

Освободившись от нежданного «пассажира», взвилась в небо, громко выбранилась и улетела.

Дымок же прилизал взъерошенную потрёпанную шёрстку, вернулся к берёзе, подобрал косточку и, урча, стал её обгрызать.

А взрослые и детвора с тех пор всем приезжающим в деревню дачникам представляют Дымка как великую достопримечательность:

— Этот кот летал на вороне!

ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Домой я всегда возвращался через этот мосток. Выгнув деревянную спинку, словно кот в прыжке, он соединял берега Вори. Справа, окружённая зарослями сирени и черёмухи, светилась часовенка, недавно срубленная из свежевыструганных сосновых брёвен.

Весной Воря разливалась и заполняла водой небольшое болотце возле часовенки.

Там была вкопана низкая лавочка, и я любил иногда передохнуть на ней.

Сижу как-то перед сумерками, за гаснущими облаками наблюдаю. Цветущей черёмухой веет. Ни комаров, ни мух. Светлые воспоминания наплывают. Хорошо так.

Опускаю глаза и вдруг вижу: по всей болотине из воды торчат пучеглазые морды лягушек. Какие-то квадратные. Раз, два, три... Десятки... И все смотрят на меня, как загнипнотизированные, замерли.

Может быть, ждут, когда встану и уйду?

Я так и поступил. Шагов через пятнадцать остановился, прислушался.

Сначала одна лягушка подала неуверенный голос, за ней — другая... И всё смелее, смелее. Что началось потом — трудно представить. Казалось, не лягушки, а само болотце заворочалось, заурчало, забулькало, закурлыкало, заквакало... Взорвалось! Целый симфонический оркестр.

Я улыбнулся.

А вскоре из зарослей сирени и черёмухи ударили другие голоса — соловьиные. Набирая «разбег», рассыпая серебряные искры, они будто соревновались с лягушками, кто кого перепойёт.

Бог ты мой! До чего чисты эти звуки! Наверное, они звучали так при сотворении мира.

До самого посёлка меня провожала необычная весенняя музыка. И погасла она только с последней полоской зари.

На другой день я снова сидел на той самой лавочке. И на третий. Тихо так — как в театре. Лягушки привыкли ко мне и уже не боялись. Неуклюже карабкались на кочки, взбирались на полупотопленные пеньки. И только тогда я разглядел: до чего же они симпатичные! По-небесному голубые. Не серо-землистые, а именно голубые.

А как они пели! Белые их зобы от натуги раздувались, как шарики. Вот-вот лопнут. Бока мелко вибрировали.

И следом непременно щёлкали соловьи. Продолжался негласный конкурс. И я становился невольным судьёй. Это было мучительно трудно — кому какой ставить балл. Оба хора пели великолепно, неподражаемо.

Через неделю я уехал в командировку. Вернулся к началу лета. Первым делом пошёл навестить любимое болотце. Расположился на лавочке. Долго вглядывался в тёмную воду, в волнистые ленты водорослей. Возле берега блеснули нити белых бусин. «Лягушачья икра, — отметил я. — А где же сами хозяева болотца?» И только

тут я разглядел греющихся на пяточках травы лягв. Они были серо-землистого цвета и изредка «стреляли» узкими язычками — ловили мошек.

Куда же делся их голубой наряд? Я очень удивился. Удивился и тишине — лягушиной и соловьиной. А потом понял, что соловушки сидят на гнёздах и им не до песен. И лягушкам тоже. Простые земные заботы одолели тех и других. До новой весны, до новых свадебных нарядов и песен.

КТО ЗЕМЛЮ В ОГОРОДЕ РЫЛ?

В начале лета в огороде на грядках появились крохотные земляные пирамидки.

Первой заметила их наблюдательная бабушка:

— У нас крот объявился.

Я очень хотел увидеть землекопа. Затаился под яблоней и стал ждать, когда невидимка объявится.

Из норки время от времени вылетали комочки сырой земли, но рассмотреть крота я так и не смог... Правда, кое-что всё же увидел: крот наполовину высунулся из норки и стал озиаться по сторонам, тараша подслеповатые глазки.

А однажды, вернувшись с речки, я обнаружил возле одной из пирамидок нашего кота Тишку. Он явно охотился за кем-то в морковной ботве. Я подошёл, смотрю, а в лапках у Тишки крохотный зверёк.

— А ну, отпусти! — закричал я на кота.

А он — ноль внимания. Знай, катает по земле живую «игрушку».

Я схватил Тишку за шиворот и отволок в сторону.

Крот был еле жив. Я взял его в руки и отнёс на веранду. Там под диваном стояла старая обувная коробка. В неё я и уложил крота, постелив ему свежей травки.

Вскоре все дома знали, что я спас от Тишки крота. Только моя сестра Катя, которая училась в институте на биолога, разглядев зверька, сказала, что никакой это не крот. И что, мол, кроты у нас вообще не водятся.

— Кто же тогда? — спросил я.

— Слепушонка, — сказала сестра. — Она тоже живёт под землёй. Строит сложные ходы-туннели. В отличие от крота, слепушонка не копает землю лапками, а откусывает её зубами. На поверхность прогуляться выходит редко, и то ночью.

А ещё Катя рассказала мне, что слепушонка питается корешками мятлика, клевера, лопуха, одуванчика, полыни...

Ну, этих трав у нас полно.

Я стал угощать ими нашу «квартирантку». Вскоре слепушонка ожила, пообвыкла. И перестала меня бояться, ползала по моей ладони. Забиралась на большой палец, будто это корешок какой. Щекотала влажным носом.

А в середине лета Катя мне сказала:

— По-моему, слепушонка поправилась. Пора бы её отпустить. Пусть в огороде почву разрыхлит. Морковка сочная уродится.

Отпустил я слепушонку.

А кот ещё долго не подходил ко мне. Так велика была его обида.

МИШКА И КЫШ

Кролик был белым великаном, а уши и хвост-пампушка у него были чёрными. Кролика подарили мне на день рождения.

— Мишка, — позвал я и протянул ему морковку.

Он повернул ко мне свою симпатичную мордочку, потянул ноздрями воздух и стал громко хрумкать любимое лакомство.

Так и называли кролика Мишкой. Мишка да Мишка. Кликнешь — а он ударит задними лапами оземь и мчится к тебе, тряся ушами.

Мишка жил прямо на огороде, где росли помидоры, баклажаны, петрушка. Там же была небольшая делянка с укропом. Но укроп посеяли поздно, и он не успел ещё вырасти.

Огород Мишка не трогал. «Стриг» траву и ел то, чем угощали. Свекольную ботву, капусту, морковь, арбузные корки...

Всё бы хорошо, да одна беда: не давал проходу Мишке дворовый пёс Кыш.

Лишь завидит его, бежит навстречу с громким рыком: «Р-р-р! Гав-гав! Берегись, р-разорву!»

Мы с трудом отгоняли Кыша, а мама с грустью говорила:

— А ведь и вправду может разорвать!

— Что же делать? — заглядывал я ей в глаза.

— А ничего, — решил однажды за маму отец. — Надо в заборе все щели хорошенько залатать.

Это не уроки делать — я мигом выполнил пожелание отца. Мишка несколько недель не выбирался из огорода.

И вот как-то вечером мы снова увидели его у Кышиной конуры.

«Конец!» — замерло всё во мне.

Кыш словно почуял моё беспокойство — и к Мишке. Но тут произошло неожидан-

ное. Кыш остановился, как вкопанный, обнюхал Мишку и, странно фыркнув, убрался восвояси — в свою конуру.

В другой раз случилось то же самое. И в третий.

Теперь Мишка свободно разгуливал по двору, не обращая внимания на Кыша.

— Неужели помирились? — удивилась мама.

— Так тебе и помирятся, — засмеялся отец. — Это Мишка взял Кыша хитростью!

— Какой ещё хитростью?

— Видела, как на делянке помят укроп?

(К этому времени он уже высоко поднялся).

— Ну и что? — сказала мама, ничего не понимая, как, впрочем, и я.

— Вот Мишка и «купается» в нём, чтобы его потом не трогала никакая собака. Я сам читал где-то, что запах укропа отгоняет некоторых животных.

С тех пор ни Кыш, ни другие соседские дворняги даже близко не подходили к Мишке.

ЛЁЛЯ

Фимка возвращался из магазина с хлебом — душистым, тёплым, ржаным. На проводах щебетали ласточки. В высоком

небе тянул серебристую нить реактивный самолёт.

И вдруг у толстокорого вяза, возле лужи, мальчик увидел ватагу своих сверстников. Они размахивали прутьями, швыряли в воду сухие комья глины и азартно выкрикивали:

— Бей её!

— Так!

— Сбоку, сбоку подгони!

Фимка протиснулся к луже: под большую булыгу в самую середину забилась лягушка. Она распластала задние лапки, и не понять было: живая — не живая?

— Не смейте трогать! — крикнул он.

Теперь мальчишки свысока смотрели на Фимку.

— Ишь, жалостливый нашёлся, — съехидничал кто-то.

Но словам Фимкиным вняли: паренёк занимался боксом, и об этом на улице знали все.

Фимка нагнулся, свободной рукой подхватил лягушку и затопал прямёхонько домой.

— От лягушек бородавки! — крикнули ему вдогонку. Кто-то свистнул.

Дома Фимка отпустил лягушку в огород — та, к счастью, оказалась живой, — а хлеб отдал бабушке.

Огород был большой, и чего только в нём не росло! И зелёные стручки гороха, похожие на лягушачью икру, и румяные солнышки помидоров, а ближе к забору, цепляясь за подпорки, жёлтыми граммофончиками цвела тыква. А стоило пройти огород туда и обратно, одежда непременно пропитывалась запахом укропа, петрушки и сельдерея.

Бабушка очень гордилась своим огородом. И с утра до вечера она пропалывала грядки, окучивала, поливала...

— Зачем так часто? — спрашивал Фимка, помогая бабушке.

— А затем, — отвечала она, — чтобы наши зелёные ребятушки (так бабушка ласково называла овощи) дышали свободнее и росли быстрее.

Вечером, когда солнце упало за черепичные крыши домов и повеяло прохладой, из огородной кущи донеслось тоненькое «курлыканье».

— Никак у нас объявилась квартирантка? — улыбнулась бабушка.

— Это я принёс, — ответил Фимка. — Еле у ребят отбил.

— И правильно сделал, — одобрила бабушка. — Лягушка на огороде — к добру.

— Какому? — не понял внук.

— Капуста на грядке портиться начала. Тя подтачивает лист. Авось твоя Лёля поможет — поест вредителей.

Фимка тогда не придал значения бабушкиным словам. Но вот через неделю, вернувшись из города, бабушка протянула стаканчик с его любимым пломбиром:

— Это тебе за Лёлю! Как в воду я глядела — «вылечила» она капусту.

А вечером посетовала:

— Спасу нет от этих тараканов. И откуда они только взялись на кухне? Ты бы, Фимка, Лёлю домой принёс.

— Зачем? — удивился мальчик.

— Да она ведь всё может — пособит избавиться от этих рыжих прусаков.

Не поверил Фимка бабушке: как это — лягушка и тараканы? — но Лёлю всё же поймал.

Бабушка специально приготовила для лягушки на кухне глубокую тарелку, налила в неё молока и чистый камень опустила.

— Пусть здесь и живёт, — сказала.

Не прошло и двух дней, как тараканы исчезли. Ну и Лёля! Ну и молодчина! Бабушка так обрадовалась, что готова была одарить лягушку самым вкусным пирогом, если бы та только могла его съесть.

Выпустил Фимка Лёлю обратно в огород, и там она прожила до глубокой осени, а потом куда-то исчезла. Наверно, уснула до будущей весны.

— Ба, а почему говорят, что от лягушек бывают бородавки? — спросил Фимка.

— У тебя они появились?

Он опасливо покосился на свои руки:

— Нет.

— То-то и оно. Это всё придумали суеверные люди, — сказала бабушка. — А сколько от лягушки пользы, ты убедился и сам. Верно?

КАК СЛОН ПРИМЕРЯЛ БЕЙСБОЛКУ

В воскресенье Петька со старшей сестрой ходили в зоопарк. На мальчике была цветная рубашка-безрукавка, а на голове новая бейсболка с лакированным козырьком — дядин подарок, привезенный из туристической поездки в Индию.

Петька с сестрой подошли к вольеру — большому открытому загону — со слонем. Великан как раз отобедал и теперь, набирая хоботом из маленького бассейна воду, обливал себя — принимал водные процедуры. Слон был великолепен. Этакая гора с ушами-подушками.

Петьке захотелось непременно угостить его чем-нибудь. Хорошо, у сестры в сумке оказалась булка.

— Дай булку, — попросил Петька.

— Проголодался, что ли? — удивилась сестра.

— Не-а, слона угощу...

— Бери.

Петька взял булку, понюхал: вкуснятина! — и стал звать слона:

— Эй, великан! Подойди сюда! Посмотри, какая у меня для тебя булка.

Но слон не обращал на него внимания. Знай себе, поливает спину. И, кажется, от удовольствия улыбается.

Тут какой-то крепыш-первоклашка, заметил:

— Его зовут не Великаном, а Степаном!

— Ну и что? — Петька смерил незнакомца критическим взглядом. — Будто слон понимает, как его зовут.

— А вот и понимает, — крепыш в доказательство громко крикнул: — Стёпа! Степан!

Слон повернул свою огромную голову в сторону зрителей: кто его, интересно, зовёт?

И тогда Петька не менее громко стал приглашать:

— Степан, подойди ко мне!

Слон замер, словно раздумывая: идти, не идти? И, топнув правой лапищей, двинулся к ограде. Некоторые посетители на всякий случай отпрянули в сторону. Слон — не человек: мало ли что может быть...

Петька с протянутой булкой остался на месте. Слон остановился возле него.

— Возьми! — сказал Петька.

Глазки слона в узких щёлочках заблестели светлячками. Слон вскинул хобот. Протянул его через ограду к Петьке. Вот хобот приблизился к булке. Петька даже почувствовал тёплое дыхание. Словно пылесос своим мягким шлангом прикоснулся к его руке. И тут произошло самое неожиданное: не успел Петька и глазом моргнуть, как Степан сорвал с него бейсболку и легко пристроил её у себя на голове.

Посетители вначале ничего не поняли, как, впрочем, и сам Петька, а потом дружно захохотали:

— Ай, да Степан!

— Умница!

— А бейсболка ему идёт!

Петька так и остался стоять на месте с булкой. До смеха ли тут? Обидно стало. Да и бейсболку жалко, дядин подарок.

— Пойдём, — потянула его за руку сестра.

— Нет, — насутился Петька и крикнул слону: — Отдай мою бейсболку!

Посетители захохотали ещё громче. На шум появился служитель зоопарка, огромный мужчина с усами и в тёмном халате.

— Что за шум, а драки нет? — весело спросил он, подойдя к толпе.

— Вот, — сказал крепыш-первоклашка. — У этого мальчишки слон бейсболку стянул.

— Слон? Бейсболку? — удивился мужчина. — Где?

— Вон она, на голове у слона, — наперебой загалдели люди.

— Ай-яй-яй! — покачал головой служитель зоопарка, обращаясь не то к Петьке, не то к Степану. — Нехорошо получается.

Мужчина с усами скрылся в пристройке и скоро вернулся с метлой. Он перемахнул через чугунный барьерчик и с трудом, с помощью метлы скинул со слона злополучную бейсболку. Слон не противился, но вид у него стал грустный. Должно быть, бейсболка очень понравилась Степану. Возвращая её владельцу, усатый мужчина вдруг задержался и что-то прочитал на лакированном козырьке.

— Ого-о-о! — кончики усов его стали превращаться в восклицательные знаки. —

Бейсболка-то индийская. Здесь написано. И слон индийский. Вот, значит, почему она так понравилась Степану!

Теперь уже Петька не выдержал, засмеялся.

Потом он с гордостью показывал друзьям в школе свою необычную бейсболку и таинственно сообщал:

— Её сам слон примерял!

ГРАФ И ПУСТЕЛЬГА

Сокол-пустельга — страшный враг голубей, особенно домашних. Об этом я узнал ещё в детстве. А произошло это при следующих обстоятельствах.

Однажды летом на безлистую акацию, что росла возле нашего дома, в самой глубине двора, села незнакомая мне птица. Крючконосая, рябенькая, с вытянутым телом. Чуть крупнее моих голубей.

Было раннее утро. Солнце только-только рассыпало лучи над далекими силуэтами синих гор, и прохладный ветерок гнал по высокому небу лёгкие перистые облака. Самое время «проветрить» стаю, погонять голубей. Наскоро ополоснув лицо водой из кадки, я быстро взбирался по шаткой

лестнице на чердак, где находилась моя голубятня. Открывал дверцу, свистел в два пальца и... — летите, мои монахи, сороки, жарые, чеграши!..

Маленькое сердчишко сладко замирало, когда мои летуны с громким хлопанием крыльев поднимались над черепичной крышей, над вишневыми садами нашего посёлка, над водонапорной башней. А птицы продолжали плавно нарезать круг за кругом, поднимаясь всё выше и выше. Хотелось петь, наблюдая за их высоким мерцающим полётом. И самому — туда же в небо, к облакам, к солнцу...

О, как дорожил я своими голубями! Подолгу мог любоваться их статью, окрасом пера — красным, вишнёвым, синим, мурым, молокатым... Особенно радовали глаз белохвостые. И полёт у них был какой-то завораживающий! Одни голуби выкруживали, другие взмывали в зенит вертикально, третьи, как гимнасты-акробаты, кувыркались через хвост, крыло, голову.

Плеща крыльями в заоблачной вышине, мои красавцы, казалось, забывали обо всём — о родной голубятне, о горсти зерна... А уж о том, какая опасность поджидает голубя в свободном полёте, они точно не помышляли.

И вот тут-то с голой ветки акации, словно вспышка молнии, дождавшись своего часа, метнулся ввысь сокол. За минуту-другую он штопором ввинтился в стаю и ударил когтями первую попавшуюся птицу.

Ослепительный пучок перьев вспыхнул и погас.

Я даже не успел сообразить, что произошло, только вскрикнул и бессильно замахал руками. Но крючконосый рябой убийца, похоже, даже не взглянул в мою сторону. Опустив похолодевшие руки, смотрел я, как один голубь выкололся из стаи, а вместе с ним к земле камнем заскользил и сокол. Стая моментально рассыпалась. Вскоре птицы поодиночке и попарно стали возвращаться в голубятню. Но полёт их был уже иной: не плавный и игривый, а порывистый, словно рваный.

Утреннее солнце померкло в моих глазах...

Надо сказать, что у всех моих голубей были свои клички, имена, на которые они охотно отзывались. Голубку, которая так и не вернулась домой, звали, помнится, Катей. Слезы боли и обиды душили меня. Я видел, как страдает и Катин ухажёр Граф. Он до самого вечера не подходил к поилке, отворачивался от пшена. Иногда будто

виновато гулькал и тёрся правым крылом о мою ногу. Я сочувственно поглядывал на голубка, в одночасье потерявшего верную подругу.

Потеря, однако, оказалась не единственной.

На другой день сокол снова появился на безлистой акации. Удобно устроившись на ветке, он поджидал, когда я снова открою голубятню.

— На-ка, — прошипел я, показывая кулак хищнику, — съешь...

И, достав из кармана заранее приготовленную рогатку, вложил в кожаный язычок острый осколок от чугунной крынки. А затем, полусогнувшись, стал подкрадываться к дереву. Но пустельга, увы, разгадал мой манёвр. Моментально сорвавшись с ветки, сокол взмахнул крыльями и растаял за тополиной рощей.

Признаюсь, я уже был готов торжествовать победу над воздушным разбойником, но... На следующий день, закрывая дверцу, я недосчитался ещё одного голубя.

Как быть, что делать? Этак пустельга перетаскает всех моих голубей!

Растревоженный до глубины души, я направился за советом к соседу — старому охотнику дяде Глебу. Тот сидел на лавочке возле дома и смолил, как всегда, сигарку.

Я подробно рассказал о постигшей мою голубятню беде. Сосед выслушал мой сбивчивый рассказ до конца и сочувственно покачал головой:

— Да-а, брат, плохи твои дела... Сокол-пустельга серьёзный противник. И настойчивый. Уж коли почуял лёгкую добычу...

— Как же быть? — спросил я упавшим голосом.

— Что тебе посоветовать? — бывалый охотник задумался. — Не выпускай пару деньков голубей. Может, за это время сокол сменит дислокацию. Улетит в другое место добывать пищу.

Я последовал совету дяди Глеба, и только на третий день, внимательно обозрев горизонт, выпустил своих пернатых на волю. Но перед этим по привычке свистнул и... — лети-те, мои монахи, сороки, жарые, чеграши!..

Стая стремительно поднялась в небо, оставив холодок от хлопанья крыльев на моих щеках. Сделала один круг над землёй, другой... И снова моё сердце наполнилось неопишуемой радостью.

Но что это? Из-за тополиной роши, откуда ни возмись, показывается сокол. Крохотным метеором мчится он в сторону стаи.

Вот уж, как говорится, не ждали! И я опять начинаю свистеть, махать руками,

прыгать на месте, чтобы всячески отвлечь хищника. Да где там! С каждой секундой пустельга догоняет голубей. Но и те наконец-то почувствовали опасность и стремительно рассыпаются в разные стороны. Не спасается бегством один только светло-пегий голубок. Так ведь это же Катин возлюбленный, Граф! Голубь круто берёт в высоту и постепенно превращается в крохотную кляксочку.

Сокол между тем продолжает вить под Графом широкие круги. Ну, да, да, ясно: он загоняет свою жертву как можно выше. Там, после стремительной атаки, будет легче закогтить добычу.

Стая уже в безопасности, охорашиваясь, голуби разгуливают по голубятне. Нет только одного Графа.

Неужели?! И холодная змейка пота от нехорошего предчувствия проскальзывает между лопаток. На секунду вокруг становится тихо, до звона в ушах. Только слышится родниковое гульканье.

Но вот неожиданно из-за дальних домов и деревьев, на высоте бреющего полета показывается одинокий голубь. Граф?! Он, он самый! Рваными зигзагами беглец обходит деревья, антенны. Зигзаг за зигзагом. Поворот за поворотом. А за голубем, едва

поспевая, словно задыхаясь от быстрого лёта, тянется сокол.

Иногда мне кажется, что он настигает моего голубя, бьёт его с силой когтями. Но, к счастью, всякий раз Граф уходит вперёд. И я, с пересохшими от волнения губами, чуть ли не кричу: «Ну, давай же, мой миленький, поднажми... Ещё, ещё!».

Похоже, что мои заклинания доходят до голубя.

Ещё минута, и он вихрем врывается в открытую дверцу голубятни. Ура, Граф спасён! Но не успеваю я добраться по лестнице на чердак, как в ту же дверцу со свистом влетает сокол. Ещё рывок, ещё, и... Наконец-то я в голубятне! Голуби испуганно жмутся по углам, прячутся по своим квартиркам. Только один светло-пегий стоит у поилки и смотрит на меня как ни в чём не бывало.

Но где же, где сам виновник переполоха? Я поднимаю глаза к верхней балке-перекладине и вижу обездвиженного сокола. Да, в пылу погони хищная птица со всего размаха шмякнулась о балку и застряла в висевшей там сетке из-под лука.

Я осторожно вытаскиваю из сетки тело мёртвого сокола и быстренько спускаюсь, чтобы показать необычный трофей домашним и дяде Глебу.

Между прочим, старый охотник оказался ещё и искусным таксидермистом, и изготовленный им необычный сувенир — чучело грозного сокола-пустельги — долго ещё украшал мою книжную этажерку.

НАХОДЧИВЫЙ ПЕТУХ

(рассказ фронтовика)

Было это во время войны, в Полесье. Наши войска уже вели наступление. Настроение у солдат, изнурённых непрерывными боями и бессонницей, было заметно приподнятое. А как же! Фашисты без оглядки бежали по сожжённым ими же посёлкам и деревням.

Наутро нашей роте автоматчиков был дан приказ: во что бы то ни стало выбить немцев из соседней деревеньки, чудом уцелевшей от пожара.

— Чтобы духу не осталось от фашистов! — напутствовал комбат.

Бой был неожиданным и молниеносным. Фрицев мы застали врасплох и выбили быстро. Но, как и во всяком бою, не обошлось без кровопролития и с нашей стороны: ранило сержанта Рычкова. Было приказано вынести раненого из боя.

Мы с товарищем подхватили его под руки и понесли в первую встречную избу. Редкие автоматные очереди раздавались далеко в лесу и затихали дальше, по направлению к западу. Открыв скрипучую дверь, висевшую на одной петле, мы переступили порог и очутились в небольшой полутёмной комнате.

Оглядевшись, мой товарищ Пётр Нестеренко глубоко вздохнул:

— Тишина-то какая!

— Эй, есть кто в доме? — крикнул я.

Раздался стук вёдер, звон каких-то склянок, и где-то под нами послышался чей-то радостный голос:

— Есть, родненький, есть!

Две доски на полу откинулись, и к нам, видимо, из потайного чулана или погреба вылезла седоволосая, лет этак семидесяти, старушка.

— Как чуяла по выстрелам: наши идут! — со слезами радости на глазах сказала она.

Воцарилась минутная тишина.

И тут из-за заслонки в печи, к нашему большому удивлению, раздалось громкое и радостное:

— Ку-ка-ре-ку!..

— Это ещё что? — удивился Нестеренко.

— Петушок мой! — улыбнулась старушка.

— Как же он там очутился?

— Сейчас расскажу! Да у вас никак раненый, — спохватилась она.

Мы уложили Рычкова на койку, наложили жгуты, промыли рану. Старушка тем временем стала хлопотать над самоваром. Петух же, выпущенный из печи, прохаживался посередине горницы и как-то победоносно хлопал крыльями.

Когда мы сели пить чай, Нестеренко опять напомнил:

— Как же, бабушка, ваш петух очутился в печке? Самовольно, что ли?

— Вчера это ещё случилось, миленькие! Ворвались в деревню фашисты, растаскивать стали всё. Ни одной курицы по дворам не осталось. Слышу, вошли к нам, а петух мой увидел их да как пулей влетит в избу и — шась! — в печку. Ни жив ни мёртв, притаился. Задвинула я заслонку. Вошли клятые в горницу, кричат, ругаются, в кастрюли и крынки заглядывают. Видно, голодные... А один рыжий, и уши, как вареники, торчат из-под фуражки, тычет в меня пальцем:

— Иде пиотух?

— Не знаю, говорю, ищите. Нет никакого петуха!

А сама боюсь, колени дрожат, вдруг зашевелится он в печи или крикнет,

тогда убьют и птицу, и меня. Да, слава Богу, не нашли вороги, чем поживиться, и ушли с носом. А я так напугалась ихнего прихода, что даже забыла о своём петухе. Пока немчура хозяйничал в деревне и слышалась чужая речь, он так ни разу и не подал голоса. А как только пришли свои, слышали сами, закукарекал от радости. Видно, понимает, кто враг, кто друг.

Теперь мы смотрели на петуха с некоторым уважением и нам вполне была понятна его гордость.

Пётр Нестеренко порылся в карманах и наскрёб перемешанные с махоркой крохи хлеба.

— Угощайся, тёзка! — сказал он с улыбкой, протягивая петуху ладонь. — Это тебе от нас за солдатскую смекалку да за верность!

ШАРОВАЯ ГОСТЬЯ

По улице пробежал смерч. Превращаясь в огромный прозрачный кувшин, он со свистом втягивал в себя пыль, всякий сор, бумажки. За берёзовой рощей смерч пропал. Зато оттуда вскоре показалась огромная лиловато-сизая

туча. Она тяжело погромыхивала, сверкала белыми искрами и зловеще двигалась в нашу сторону. Вокруг всё сразу потемнело: кусты, малинник, яблони.

— Бегите, дети, в избу. Гроза будет, — предупредила бабушка, а сама поспешила в курятник — цыплят проверить.

Дома мы с Таткой устроились возле окна. В небе с пушечным грохотом неистовствовала гроза. С каждым её «выстрелом» стены вздрагивали, потолок скрежетал, а половицы скрипели. Татка от испуга прижималась ко мне. И я слышал, как стучит её маленькое сердце. По стёклам толстыми жгутами хлестал ливень, пугая красными змейками молний.

Вдруг Татка оживилась, соскочила с моих колен и, тыча пальчиком в стекло, радостно завопила:

— Смотри, смотри... Дыня!

За окном, из глубины сада, наплывал крупноватый жёлтый шар. Он потрескивал мелкими искрами и действительно был похож на дыню. Ту, что недавно привозил из Самарканда дядя Гоша.

Но я-то уже учился в пятом классе и хорошо знал, что это не дыня, а шаровая молния. Она была нарисована в учебнике физики. Я сгрёб Татку в охапку и прижал к себе.

В ту же секунду «дыня» с сухим треском раскололась на множество осколков и исчезла. В саду с глухим шумом треснуло дерево. Мы с Таткой приникли носами к стеклу. Наша любимая груша-великанша раскололась надвое. А одна из её вершин обуглилась и, шипя, слабо дымилась.

— Видишь, что натворила твоя «дыня»? — сказал я Татке с укором.

Она всхлипнула, отошла к старому креслу и прижалась щекой к его спинке.

Гроза куда-то откатилась, и дождь перестал.

А тут и бабушка вошла. Заглянула к нам и обеспокоенно спросила:

— Ну, как вы тут без меня, голуби-воробушки?

— Всё нормально, — ответил я за старшего. — Вот только у Татки настроение что-то не того...

С тех пор сестрёнка почему-то не очень жалуется дыни. А раньше она их так любила!

В ПОИСКАХ ПЕРЧИКА

Новогодние праздники семья Ивановых решила встретить у родственников. В другом городе. У бабушки с дедушкой.

И больше всех этому была рада внучка Леночка.

— Ур-ра! — захлопала она в ладоши. — А Перчика мы с собой возьмём?

Перчик — трёхгодовалый кот, с дымчатой шёрсткой, шустрый, глазастый. Ни одной мышки не пропустит мимо. Бойкая Ленка очень любила своего кота, хотя он иногда и мог «наперчить»: царапнуть руку, сорвать занавеску, уронить горшочек с цветком...

— Перчика, говоришь? — переспросил отец, побрившись в ванной. — А на кого же мы оставим его в пустом доме? Конечно, возьмём с собой!

— Ур-ра! — ещё громче воскликнула Леночка и чмокнула отца в щёку.

Вскоре машина, нагруженная подарками, стояла у подъезда. Леночка, одетая в меховую шубку и тёплую шапочку, с Перчиком на руках, вышла вслед за мамой. Было не позимнему солнечно. А когда отец завёл машину и они выехали за город, повалил лёгкий снежок. От тепла, от урчания мотора, от домашнего мурлыканья Перчика Леночку размогло, и она вскоре задремала. Просыпалась оттого, что отец тормозил на перекрёстке, у переезда... И каждый раз спрашивала:

— Мам, не приехали?

— Спи. Ещё далеко.

И девочка заново окуналась в волшебные сны. Хрустальные замки, красавицы феи, нарядные ёлки окружали её. А рядом, у ног, мурлыча песенку, неотлучно ходил Перчик. В настоящем графском камзоле и с тростью.

Дорога оказалась слишком дальней, утомительной, и Леночка больше не просыпалась.

Монотонно работал мотор, кружились за стеклом машины снежинки. Мелькали берёзки, ели, столбы... Сгущались короткие зимние сумерки.

И вдруг раздался страшный визг тормозов, скрежет железа, звон стекла. Леночку с мамой резко толкнуло вперёд, потом назад. Мотор было взревел, но сразу же замолк.

Отец повернулся назад и испуганным, срывающимся голосом спросил:

— Вы живы?..

— Кажется, да, — раздражённо ответила мама, прижимая к себе дочку.

Девочка захныкала от обиды и боли.

Отец вышел из машины, с трудом открыл двери.

— Да-а, влипли основательно, — вздохнул он. — Гололёд. Врезались в парапет. Эх! И проехали только половину пути.

Лобовое стекло было разбито на мелкие осколки. Переднее правое крыло снесено. Дверцы помяты.

— Что ж, — сказал отец, — придётся возвращаться домой. Я посажу вас в рейсовый автобус, а сам вернусь на прицепе. Не оставлять же машину на дороге. Как-нибудь дотяну до мастерской.

Что и говорить, новогодний праздник был испорчен. Но дома он омрачился ещё одной бедой — в суматохе никто и не заметил, что куда-то пропал кот Перчик!

— Конечно же, вывалился по дороге, — предположила мама.

— Теперь мы его не увидим, — на глазах у Леночки появились слёзы.

Глава семейства тоже огорчился, переживал больше всех: ведь это он сидел за рулём в тот злополучный день.

Машину отремонтировали только через две недели. И отец, придя домой, впервые за всё это время, весело потирая ладони, улыбнулся:

— Хватит унывать, мои дорогие! Завтра утром отправимся на поиски Перчика. Конечно, шанс невелик: зима всё же, мороз, да и есть нечего, но всё равно поищем. Пусть совесть наша будет чиста.

— А помнишь хоть, где мы врезались? — недоверчиво спросила мама.

— Ещё бы не помнить! — уверенно ответил отец.

... На роковой 115-й километр прибыли ровно через три с половиной часа. Остановились на обочине дороги. Всё так же сыпал мелкий пушистый снежок. С левой стороны простиралось широкое бескрайнее поле, продуваемое ледяным ветром, а с правой темнел густой лес с высоченными елями, соснами и берёзами. Весь притихший, таинственный.

— Здесь и будем искать, — распорядился отец и исчез за лапчатыми ветками.

До самого вечера в заснеженном лесу раздавались голоса:

— Перчик, Перчик! Где ты? Иди сюда.

Но кот не появлялся. Может быть, его съели волки? А может, он приبلудился к какой-нибудь деревеньке и беглеца приютили сердобольные люди? Хорошо бы, если так...

— Перчик, ну где ты?!

Когда совсем уже не осталось никакой надежды найти всеобщего любимца, семья Ивановых снова собралась у машины. И тут Леночка воскликнула:

— Папа, мама! Смотрите! Перчик!

Задняя дверца автомобиля всё это время оставалась приоткрытой. Кот и прошмыгнул в машину, устроился на мягком сиденье, пока его искали по лесу: в заснеженных

кустах, в овраге, у родника. И когда только успел?

Как жил и чем питался две недели в холодном незнакомом лесу одинокий исхудавший Перчик, так и осталось загадкой для всей семьи. Но самым главным было то, что кот всё-таки нашёлся! И, добавим, с тех пор больше никогда-никогда не убежал от заботливых хозяев.

ЗАЧЕМ К ЛИСЬЕЙ НОРЕ РУЧЕЁК ПРИБЕЖАЛ?

Чистота — залог здоровья, это, конечно, все знают. А вот задумывался ли ты, почему это так? Почему в русском языке слово «чистый» нередко означает то же самое, что и «здоровый»?

Не знаешь? А вот и звери лохматые, и птицы пернатые хорошо знают. Хочешь, спросим кого-нибудь? Например, лису.

Лиса и ручей

Первый весенний дождик и лису из-под земли выманил. Высунула лиса острую мордочку из норы, осмотрелась, а прямо перед её носом лесной ручеёк бежит. Вылезла лиса наружу, села на бережку, задумалась.

малась. Конечно, хорошо, что весна пришла... Но зачем ей, лисе, целый ручей?

Ничего не придумала, подошла к прозрачной, точно стекло, воде. Глянула — а на неё другая лиса из воды смотрит. Шерсть на спине и животе свалаялась, с боков клочьями свисает.

Задумалась рыжая: откуда здесь другая лиса взялась? Да такая страшная, облезлая. Ничего не придумала, в воду вошла. Холодно!

Стоит плутовка в проточной воде, а сама думает-гадает: и зачем это она, хитрая лиса, в холодную весеннюю воду полезла?

И вдруг... Ка-ак прыгнет с кончика лисьего хвоста блоха в воду. Бултых! — и утонула. А за ней и другие блохи — с боков, с живота и даже с ушей — в холодную воду попрыгали.

Вылезла лиса из воды, отряхнулась, распушила свой прекрасный рыжий хвост.

Села на бережку, задумалась... Так вот, оказывается, зачем к лисьей норе первый весенний ручеек прибежал!

Умная сова

Ранней весной, когда уже не снежная крупка, а самый настоящий дождик с небес посыплет-прольётся, из дремучей чащи вылетает на лесную поляну сова и усаживается на высоченную ель.

Дует холодный, порывистый ветер, толкает её в грудь, ерошит перья на голове. Сердито тарашит сова жёлтые, как у кошки, глаза, переступает по суку когтистыми лапами. Но от дождя не прячется.

Посмотришь со стороны — что за глупая птица эта сова! Вон сколько вокруг сухих и укромных местечек, а сова на открытом месте, прямо под дождём сидит. Даже капли с перьев не стряхивает. Того и гляди, вся до последнего пёрышка вымокнет.

А умной сове того и надо!

Подремлет часок-другой сова под прохладным весенним душем, а когда дождь прекратится и смеркнется в лесу, поднимет в воздух чистые лёгкие крылья и — айда в чистое поле мышковать.

Хитрый ручей

Прошёл дождь, засияло солнце, стало гнать с земли последние снега.

И сразу же из-под кустов и корней, коряг и пней, где зайцы и медведи, лисы и тетере-

ва от мороза прятались, выбежали и понеслись в разные стороны вешние ручьи.

Один — Заячий, тихий, почти неслышный.

Другой — поголосистей — Тетеревиный.

Третий — большой и сильный — Медвежий.

А один ручей — длинный такой, извилистый — мимо лисьей норы пробежал. И сразу же заюлил, завертел хвостом. То вправо, то влево бросится. Так уж хитрил, так мудрил, что и не заметил, как в какую-то яму свалился.

А в яме здоровенный кабан спит, похрюкивает. Увидел маленький, тоненький ручеек, какое чудо в воде лежит, и решил остаться, не бежать дальше. Может, и он в этом Кабаньем бочаге в такого же силача превратится?

Кабаний бочаг

Бочаг — это лесная яма, вроде небольшого озера. А почему кабаний, нетрудно догадаться. Обычные, домашние свиньи во дворе в грязных лужах валяются. А гордые дикие кабаны в прекрасных лесных бочагах отдыхают и купаются. В кабаньем бочаге хорошо: тепло, тихо и мухи не кусают.

Часами лежит кабан в зелёной воде, любит обступившими его камышами и осокой, слушает порхающих в ветвях птичек. А то

представит себя обыкновенной домашней чушкой и ну в грязи валяться! Иной раз так размечтается, что весь с головы до ног вымажется. Удивлённо качают пушистыми головками высокие камышинки, шепчутся, точно спрашивая друг у друга, что случилось с кабаном.

А кабан и ухом не ведёт, знай, переворачивается с боку на бок. Фыркает, повизгивает довольно. Глядя на резвящегося, как шкодливый поросёнок, кабана, и не подумаешь, что он занят серьёзным и важным делом. Что от ила и грязи, а вернее, от тех полезных веществ, которые в них содержатся, шкура кабана становится прочной, как богатырская кольчуга.

Выкупается кабан, выйдет из воды, отряхнётся хорошенько. И — смолкают восхищённые камышинки...

Точно окольчуженный богатырь стоит на берегу маленького лесного озера могучий красавец-кабан. Его клыки так острые, а шкура так крепка, что даже свирепому тигру и дикому медведю не всегда удаётся победить в схватке кабана.

Лесная баня

В дебрях тугайного леса, где водятся дикие кабаны и гнездятся фазаны, живёт пригожая птица фазанка. Перо у фазанки

золотистого цвета — совсем как у сказочной Жар-птицы.

Я давно хотел узнать, отчего это фазанка такая красивая, да всё никак не удавалось. Помог случай.

В этот день мне очень повезло: я набрёл на большой и высокий муравейник. Такие хорошие муравейники редкость в нашем лесу, и я остановился, заинтересованный.

И вдруг... фр-р-р! На поляну из кустов барбариса вылетела птица с золотистым оперением. Фазанка! Села на землю, огляделась.

Я на всякий случай отошёл, за дерево спрятался. А фазанка по галечнику — цок-цок-цок — и прямо к муравьиной куче.

И опять — фр-р-р —
раскинула крылья
да как бултыхнётся
в кишаший насеко-
мыми муравейник!

Я даже поёжил-
ся, глядя на отчаян-
ную птицу. А фазан-
ка хоть бы что, давай
с боку на бок пере-

ворачиваться, купаться в сухих травинках
и хвое. Совсем как воробей в горячей до-
рожной пыли.

Хотел я выйти из-за дерева, спугнуть фа-
занку, чтобы муравьи её не заели, да разду-
мал. И правильно сделал.

Оказывается, под золотым пером у фа-
занок растёт ещё и мягкий, нежный пух. За
долгое лето в этот пух набивается множе-
ство вредных насекомых — пухоедов.

Вот фазанка время от времени и устраи-
вает себе лесную баню, а кусачие муравьи
помогают ей избавиться от врагов.

Чистоплотный барсук

Вышел я из лесу на опушку, а навстречу
знакомый егерь идёт.

- Здравствуй, Никифор!
- Здорово, коль не шутишь.

Серьёзный человек Никифор, и работа у него серьёзная. Целый день ходит он по лесу: охраняет от браконьеров редких птиц и животных. За плечом у него ружьё, у ног — верный пёс Тузик, в руке полотняная сумка для всяких полезных трав.

Вернётся Никифор с Тузиком домой, разложит траву на пучочки, развесит пучочки на верёвках — пусть сушатся!

Вся изба Никифора вкусно пропахла травами: зверобоем, одуванчиками, шалфеем, конячником. Этими травами Никифор и себя, и Тузика лечит. А заваривая чай, обязательно бросит в чайник щепотку мяты или душицы. Получается душистый мятный чай. Да такой вкусный, что и конфет с пряниками не надо!

Вот только горькую полынь Никифор не кладёт ни в чай, ни в варенье, а относит в будку к своему любимому Тузику.

Однажды я спросил Никифора, зачем он это делает. Пошутил даже: уж не пьёт ли Тузик чай с полынью?

— Барсук научил, — серьёзно, без улыбки ответил Никифор.

И тут же рассказал, что барсуки, чтобы извести блох, устилают свои норы этой травой. Всё лето таскают они в свои жилища пучки горькой полыни и, насушив

впрок, спят потом спокойно и крепко до самой весны.

— Вот почему барсуки — самые чистоплотные звери в лесу, — так закончил свой рассказ мой друг Никифор и, нагнувшись, провёл широкой ладонью по гладкой, лоснящейся шёрстке своего Тузика.

Алёнка и скворцы

С приходом тёплых дней преобразился наш двор. В пушистую зелень оделся тополь, а две берёзки-модницы даже серёжки нацепили.

Погожим весенним днём вышли мы с Алёнкой во двор — пускать бумажные кораблики по тёплому говорливому ручейку. Но Алёнке, смотрю, не до корабликов — встала возле тополя и глаз с него не спускает.

— Смотри, дед, скворцы прилетели!

Поднял я голову, а и впрямь старые жильцы в свою квартиру вернулись! Теперь будут обстраиваться — новое гнездо готовить. Старое-то, наверно, совсем обветшало.

Целый день наблюдали мы с Алёнкой, как трудились скворцы. Без усталости таскали в своё гнездо разный строительный материал: сначала тонкие веточки, потом толстые соломинки, и, наконец, мягкий волос и нежный пух.

Только к вечеру уgomонились скворец со скворчихой, и мы с Алёнкой, усталые, но довольные, пошли домой.

Вот уже и трава зазеленела, и сирень покрылась белыми и розовыми душистыми гроздьями. Иссяк говорливый ручей, но дел у нас во дворе только прибавилось. Можно прокатиться на трёхколёсном велосипеде, можно построить замок из песка. А можно просто постоять и послушать, как в густой летней кроне нашего раскидистого тополя звонко и переливчато поёт скворец.

— Дед, а где же его скворчиха? — спрашивает любопытная Алёнка.

— Делом занята, — отвечаю я. — На яйцах сидит, птенцов выводит.

— Что-то долго сидит, — нетерпеливо вздыхает Алёнка. — Уже зима скоро, а она всё сидит...

В мае, когда поспела первая черешня, из скворечника, наконец, раздался писк новорождённых скворчат. Алёнка от радости даже кулёчек с черешней выронила. Однако радость её была недолгой.

Заметив, что папа-скворец куда-то улетает и тут же возвращается с листиками крапивы в клюве, девочка встревожилась.

— Дед, зачем скворец в свой скворечник крапиву таскает? Ведь она жжётся.

Маленькая Алёнка так испугалась за скворчат, что чуть не заплакала. Делать нечего, пришлось рассказать ей про фазанку в муравейнике и про нору барсука. Умная девочка Алёнка сразу же поняла, что не зря скворцы в свой скворечник крапиву сносят. Знают, что крапива — это полезная, чистая трава.

А чистота, как и вы теперь уже знаете, залог здоровья.

**Охотничья
избушка**

КУДА ПОКАЖЕТ СОЛНЫШКО

Ах, какое это было чудесное утро!

Я — на летних каникулах, папа — в очередном отпуске. Мы отдыхаем у бабушки в деревне. Каждый день уходим гулять: на речку — удить рыбу, в лес — собирать грибы.

А сегодня отправились по малину. Сколько спелой сладкой ягоды уродилось на Бобришном угоре! Местные мальчишки и девчонки так и мельтешат перед окнами: с пустыми корзинками — на угор, с полными — обратно.

— Будьте осторожнее, — наказывает бабушка. — Лесник Валерий говорил: медведь объявился в окрестностях...

И вот мы петляем тропинкой, набитой ногами ягодников, к заветному месту. Тропинка как будто пружинит под пятками, и мне всё время хочется прыгать, петь. Хорошее настроение ещё и оттого, что справа в зарослях вовсю свистят птицы, а слева по камушкам гремит ручей. И солнце — лохматое, рыжее — восходит над лесом.

А вот и Бобришный угор. Когда-то здесь неподалёку в запруде жили бобры. Строили свои хатки. А потом их не стало. То ли сами ушли вверх по речке, то ли браконьеры постарались. Одно название осталось.

Мы переходим от одного куста малины к другому. Я тороплюсь рвать алые ворсистые ягоды. Складываю на дно корзинки, далеко ухожу вперёд. Папа, наоборот, основательно «чистит» каждый кустик.

Вскоре корзинка моя наполняется доверху. Я оставляю её возле камня, а сам иду осмотреть открывшуюся полянку. Посреди неё — пенёк. Плоский такой, тухлявый.

Но что это там, на пеньке? Вроде какая-то старая толстая верёвочка. Пovyтерлась, даже лоснится на солнце. Кто её тут оставил? Пастух?

На всякий случай я подбираю с земли сухую палочку и направляюсь к пеньку. Осто-

рожно тычу палочкой в пенёк. И тут верёвочка вдруг оживает. Приподнимается над пенёком. У неё появляются головка, глаза, раздвоенный язычок...Змея?! Ну да, она самая! Зашевелилась, поднялась ещё выше. Раскачивается, громко шипит... Однако же с места не двигается.

Может быть, поэтому я и не чувствую страха? Совсем-совсем, ни капельки. И всё-таки... бросаю палочку под ноги и тихо-тихо, задом отступаю обратно.

А змея продолжает раскачиваться взад-вперёд, будто благодарит.

Я выхожу на тропинку и пулей лечу к папе.

— Там, там, — машу я руками, а больше выговорить ничего не могу.

— Что там? — тревожно спрашивает папа, когда я подбегаю к нему. — Медведь?! — Лицо его бледнеет.

— Змея, — отвечаю я и улыбаюсь.

Папа ничего не понимает.

— Она вовсе не страшная, пойдём, покажу, — говорю я.

... Уже поздно ночью, укладываясь спать на душистом бабушкином сеновале, мы с папой смотрим в слуховое чердачное окно на крупные летние звёзды и делимся впечатлениями прожитого дня.

— Пап, почему змея меня не покусала? — спрашиваю я.

— А зачем тебя кусать? Ты ей ничего плохого не сделал.

Отец говорит со мной серьёзно, как со взрослым.

— А почему она тогда шипела?

— Предупреждала, чтобы ты ей не мешал отдыхать. Спи, завтра пойдём за ягодами пораньше...

— Куда?

— Куда покажет солнышко, туда и пойдём.

ЯСНОЕ ДЕЛО

Конюхом Нафанаил работает недавно. На этом посту он сменил старика Артамоныча, отправленного начальством нянчить внуков.

Фаня же убеждённый холостяк. И живёт паренёк в бытовке при конюшне.

Круг обязанностей конюха определён самой природой. Надо вовремя накормить и напоить коней. Почистить стойла. И ещё проследить, чтобы не заходили посторонние люди.

Между прочим, порядок в конюшне Фаня наладил образцовый. По крайней мере, не хуже Артамонычева. Вот только...

С некоторых пор в его хозяйстве стало твориться что-то непонятное. Прямо среди ночи кони начинали громко ржать, постукивать копытами. Фаня, конечно же, встревожился: неужели кто-то ночами наведывается в конюшню? Но зачем, с какой целью? Уж не волк ли обхаживает его подопечных?

Однажды конюх лёг спать, не раздеваясь и не разуваясь, а заслышав шум в денниках, тотчас же вскочил и побежал в конюшню. Включил свет — никого. Что за чудеса? Только лошади переступают с ноги на ногу и лихорадочно косят глазами. Почесал Фаня в затылке и побрёл в бытовку, досыпать.

Зато наутро... Обходя, как обычно, лошадей он заметил в гриве своего любимца Агата тонюсенькую косичку. Косичка была заплетена плохо, неумело, как бы детской рукой. Вчера, когда Фаня прощался с Агатом, её не было.

Шло время. По-прежнему кони спали плохо, а уж про Фаню и говорить нечего. Ведь косички начали появляться и у других лошадей!

В конце концов, измученный бессонницей, Фаня отправился за советом к Ясному Делу — так на селе звали Артамоныча.

Изда Ивана Артамоныча стояла на краю деревни. Старик сидел на завалинке и качал

на коленке очередного внука. Зашли в избу, попили чайку. Фаня поделился со старым конюхом своей заботой:

— Как думаешь, Артамоныч, чьи это дела?

Артамоныч загадочно прищурился:

— Чьи-чьи... Знамо дело, его!

— Кого?

— Домового.

Простодушный Фаня даже рот разинул:

— Домо... Да разве они в конюшнях живут?

— А то!

— И косички тоже он заплетает?

— Ясное дело, он. Кому же ещё.

Фаня положил в свой стакан с чаем второй кусок сахара, подумав, добавил третий и решительно нахмурился.

— Значит, капкан надо ставить.

— Капкан тут не поможет. — Артамоныч почему-то отвёл глаза. — А ты, Нафанаил, вот что... Возьми-ка лучше у меня козла. Коз-

то старуха продала. А козёл остался, скушает. Такой чёрт уродился, что и в конюшне любую нечистую силу выведет.

Так в Фаниной конюшне появился новый

«скакун». Шерсть на Артамонычевом козле висела клочьями, желудёвые глаза косили в разные стороны, над башкой двумя огромными шпорами торчали рога, а длинная бородища белым дымом стелилась по земле. За эту бо-

роду любящий сказки Фаня и назвал козла Хоттабычем. Козёл, как и его литературный собрат, быстро обжился на новом месте и, как хозяин, расхаживал по конюшне, заглядывая во все углы.

При этом не без корысти: там клочок сена стянет, здесь в торбу с овсом залезет... Сытно, уютно. А что ещё надо старику?

Лошади быстро привыкли к обществу «доброго волшебника». И, что самое удивительное, с появлением козла стали спать хорошо и есть с аппетитом. Жизнь в конюшне, слава Богу, наладилась.

О том, что домовый ушёл из конюшни, Фаня поспешил сообщить Артамонычу. И довольный старик не стал больше разыгрывать паренька, объяснил всё начистоту.

— К лошадям, Нафанаил, твой домовый и раньше захаживал. Ласка — да-да, ласка! — хищница по натуре: ни зайца, ни курицы не пропустит. А к лошадям ласкается, трудовой пот язычком слизывает. Заодно и гриву в косички заплетает. Ну, а те пугаются, дурить начинают. Понял теперь?

— Понял. А... козёл-то тут причём?

— А притом. Козёл и есть главный супротивник ласки. Дух от него такой тяжёлый, что никакой домовый, ясное дело, не выдержит.

ЗАЯЦ НА ВЕРЁВОЧКЕ

Приятель мой Сергей — необычный человек. И профессия у него редкая, интересная. Мальчишки с уважением называют его «собачьим профессором». И он не обижается, потому что здесь они попали в самую точку.

Сергей — кинолог. То есть человек, занимающийся изучением жизни собак, их воспитанием. А кто из нас в детстве не держал какую-нибудь Жучку или Бобика, или на худой конец не мечтал занять настоящего четвероногого друга?

А ещё Сергей является главным «собачьим» судьей на различных смотрах, кон-

курсах или спортивных состязаниях, где оценивают всех скулящих, гавкающих, породистых и непородистых «братьев наших меньших». На таких состязаниях почти всегда приключается что-нибудь интересное. А как же не приключаться? Поди узнай, как поведёт себя в той или иной ситуации даже самая умная собака!

Вот и в тот раз произошёл занимательный случай. Но, впрочем, лучше всё по порядку...

Субботним утром общество собаководов решило провести за городом смотр своих питомцев. Такие смотры-праздники проводятся каждый год. И, конечно, на подобных торжествах за самым главным судейским столиком восседает мой друг Сергей.

С рассветом к пригородному стадиону, где должны были состояться эти смотрины, потянулись цепочки людей — детей, взрослых, стариков со своими четвероногими любимцами.

Какие только породы собак не были здесь представлены! И русская псовая борзая, и афганская, и западносибирская лайка, и английский сеттер, и дратхаар, и курцхаар, и фокстерьер, и бультерьер, и дог, и ягдтерьер, и такса... И другие породы, мыслимые и немыслимые. Всех не перечесть! Многие

собаки уже были увенчаны медалями. Награды празднично сверкали и звенели на груди именитых участников смотра.

Были среди псов и новички, будущие обладатели призов, грамот, кубков.

В общем, смотр удался на славу. К полудню определили новых победителей. А праздник — на то он и праздник! — решили завершить захватывающим зрелищем — псовой охотой с беркутом на зайца. Так некогда охотились наши предки.

Над этим тоже постарался Сергей — чтобы удивить, порадовать гостей ставшей ныне экзотической охотой. В поисках охотника с беркутом он обошёл, объездил не одну сотню километров по казахской степи. Побывал в десятках аулов, даже самых отдалённых. И вот с трудом нашёл, уговорил старика-беркутчи*, привёз его в город.

Старик-беркутчи стоял у судейского столика и щурился от солнца. Крылатый охотник восседал на его плече. Глаза его были закрыты кожаным колпачком. На приглашение посидеть отдохнуть жилистый казах всё время отвечал отрицательным покачиванием бороды. Так его, должно быть, захватила предстоящая «охота». Если раньше

*Беркутчи — охотник с беркутом.

он занимался древним промыслом в одиночку, то теперь на него с любопытством и повышенным вниманием смотрели несколько сотен человек. Будто на какую знаменитость. Понимать надо!

Сценарий охоты — чтобы всё было как на природе — обговорили загодя. Через стадион протянули длинный шнур и к нему привязали чучело зайца, набитое соломой. Когда «заяц» должен был достигнуть середины поля, по знаку Сергея выпускалась тазы — среднеазиатская гончая, ныне крайне редкая и незаменимая на охоте собака.

Вначале всё шло вроде бы по сценарию. Выпущенная тазы, под одобрительные возгласы зрителей, снялась с места. Прыжки её были плавными, грациозными и напоминали текущие с барханов потоки песка.

Сергей вопросительно глянул на старика-беркутчи. Тот понимающе лёгким движением смахнул колпачок с головы птицы. Беркут встрепенулся от томительного ожидания. Глаза его по-осиному зло сверкнули. Он взмахнул аршинными крыльями и легко сорвался с полусогнутой руки хозяина.

Беркутчи довольно улыбнулся, а Сергей облегчённо вздохнул: «Молодчина, отец! Всё идёт как надо...»

Собака уже была на полпути к своей жертве, когда беркут, набрав высоту, вдруг взял крен вправо, к первым рядам скамеек, где сидели и стояли владельцы (а сейчас болельщики) разношёрстных питомцев. Среди них особенно выделялась моложавая женщина в розовой куртке и широкополой шляпе-панаме. Возле неё, высунув язык, вертелся на поводке коккер-спаниель.

И вот, когда собаке уже оставалась до зайца пара прыжков, беркут вдруг стал стремительно падать на ... женщину. Она поймала на себе тень разбойника и инстинктивно укрыла полами куртки своего коккер-спаниеля, так и не понявшего, что случилось. А беркут между тем, прошелестев крыльями у лица опешившей женщины, взмыл в небо и благополучно, с чувством исполненного долга вернулся к своему хозяину.

Зрители сразу и не поняли, что на самом деле произошло. Некоторые даже поторопились захлопать такому смелому и стремительному пикированию хищника.

Только старик-беркутчи почему-то остался недоволен. Да и Сергей был чем-то заметно удручён. Хотя друзья его потом и уверяли, что смотр-праздник удался на славу.

А что же, собственно, произошло?

А произошло то, что и должно было произойти. Сергей — такой опытный человек! — а допустил одну на первый взгляд незаметную промашку... Он не учёл, что беркут старика охотился раньше только на красного зверя. Вот птица и приняла в последний момент рыжего коккер-спаниеля за лису. И очень хорошо, что хозяйка успела укрыть его курткой. Не то бы — не миновать беды.

Почему же тогда беркут не вернулся к своей жертве? А не вернулся он потому, что спасительная куртка женщины оказалась ему, наверно, норой. Если рыжехвостая вовремя снарится, как говорят охотники, её уже ни за что не закогтишь. Беркут это хорошо знал.

Прощаясь, Сергей горячо поблагодарил старика-беркутчи. Однако о накладке промолчал. Но старик на то и был охотник, чтобы всё замечать.

— Рахмет*, Серёга-ага, — сказал он. — Думаешь, не вижу, ты мал-мал обиделся... Следующий раз на верёвку вяжи лису, а не заяц. И всё будет карашо. Хоп?.. А я обязательно приеду.

*Рахмет — спасибо (казах.)

ФАРАОН

Мой знакомый лесничий Агафон большой книголюб. И клички своим домашним животным он даёт самые необычные — по книгам своей обширной библиотеки. Так, худую пегую коровёнку Агафон назвал Флорой. Стало быть, в честь богини цветов, весны и юности. Рыжую, как репей, дворнягу наградил кличкой Диана — по имени знаменитой древнегреческой богини охоты. Правда, собака моего лесничего на охоте не столько отыскивала зайцев, сколько отпугивала. А вот приبلудному коту с клочковатой шерстью Агафон дал совсем уж анекдотическую кличку — Фараон.

— Как, как? — переспросила тугая на ухо соседка Тимофеевна.

— Фа-ра-он, — по складам повторил лесничий.

— Это что такое? — не поняла соседка.

— Фараонами называли древнеегипетских царей, — снисходительно объяснил Агафон.

— А-а, — с готовностью закивала Тимофеевна.

Как ни странно, но кот, в отличие от заморышей Флоры и Дианы, вполне оправ-

дывал свою кличку. Днём он надменно, даже с каким-то величием, задрав кургузый хвостик, прохаживался вдоль садового малинника. И настырная птичья мелюзга брызгами разлеталась в стороны. Вечером же Фараон устраивался где-нибудь на завалинке, умиротворённо мурлыча и грея шёрстку под остывающими лучами солнца.

Как-то, когда Фараон находился в подобном блаженном состоянии, около него появилась мышь. Она трижды (как и положено) суетливо обежала вокруг развалившегося кота и только потом подобострастно юркнула в щель между дровами. Но наш Фараон даже усом не шевельнул.

Всю эту сцену видела Тимофеевна и со вкусом пересказала её Агафону.

...Вскоре к лесничему приехал на лето его племянник Митька. С Флорой у него почему-то отношения не сложились, а Диана всё время норовила схватить гостя за пятку. Зато высокомерный Фараон по вполне понятным причинам с первого дня привязался к мальчику: каждое утро кот сопровождал его до речки, Митька забрасывал удочку, а Фараон садился неподалёку и наблюдал. За такую преданность ему иногда перепали то окупёк, то пескарёк.

Однако как-то утром Фараон не вышел из чулана, где обычно спал на полочке.

— Где же кот? — обеспокоились домашние.

Но и на второй, и на третий день Митькин друг не появился. Только через неделю кот показался возле избы, тощий, весь в колючках. Агафон на радостях вынес египетскому царю кусочек сала, но кот даже не отреагировал на лакомство.

— Никак наш Фараон прихворнул, — заметил лесничий.

На следующий день Агафон с племянником отправились поутру в лес по грибы. И, странное дело, за ними тут же поднялся с места и хворый кот. Словно только этого и ждал. Фараон ни на шаг не отставал от грибников. Вскоре корзины пузырились белыми, подберёзовиками и упругими груздями. На выходе из леса Митька вдруг остановился и затеребил рукав Агафона:

— Смотри, дядя Агафон!

— Что такое?

— Да наш Фараон мухоморы лопает! Он что, сбесился?

Лесничий Агафон почесал в затылке, подумал, усмехнулся:

— Э-э, должно быть, отравилась животи́на. Не беда, ничего с ним не случится.

Для кого мухомор отравя, а для кого и лекарство...

Агафон оказался прав. Через день-другой Фараон вполне выздоровел. И снова важно, спесиво шествовал по утрам следом за Митькиной удочкой.

КАК ТИМОФЕЙ СТАЛ КЛУШКОЙ

Многодетную клушку-рябушку коршун схватил возле самой избы тётки Секлетен. И замешкалась-то тётка всего на минутку: пришивала пуговицу к халату на лавочке. И вдруг! Упал коршун с неба тяжёлым камнем, подхватил рябушку и потащил низко над землёй.

До самой околицы бежала-спотыкалась тётка Секлетеня, трясая кривой клюкой вслед хищнику:

— Отпусти, супостат, курочку! Отпусти-и!..

Да где там... Скрылся крючконосый за берёзовым колком, где над рекой Быстряной было гнездо на высокой лиственнице. Там его ждали голодные птенцы.

Опечаленная вернулась к дому тётка Секлетеня. Стала звать цыплят, разбежавшихся по лопухам:

— Цыпа, цыпа, цыпа!

Приковыляли цыплята на голос хозяйки. Ровно двенадцать жёлтых пушистых комочков. С крохотными клювиками и цепкими лапками.

— И кто вас, сиротинушки, ноне будет воспитывать? — завздыхала тётка Секлетея. — Кто вам заменит рябушку-маму?

— Здорово, Секлетея, никак плачешь? — мимоходом спросил соседку Пахом. — Ай кто тебя обидел?

Секлетея подняла на него печальные глаза:

— Да коршун, проклятюга... Утащил мою клушку. Накажи его, Пахом, Христом Богом тебя молю. А то он всех моих курей перетаскает.

Пахом глубокомысленно почесал затылок под кепкой и ответил:

— А вот этого, Секлетея, я сделать не могу.

— Почему?

— Ответствую: обидчик твой записан в Красную книгу. За коршуна могут и оштрафовать.

Пахом был законопослушным охотником.

— Как же быть таперича? Ведь цыплята остались совсем сиротками.

— Не расстраивайся, Секлетей. Дело поправимое. У моего племяша Витьки в соседней деревне вторая клушка садится. А ему некогда возиться с птицей. Бизнесом, слышь, решил заняться. Вот он мне и предлагает одну из них. Пожалуй, я возьму. Принесу тебе в субботу.

Секлетей прямо-таки расцвела:

— Спасибо, спасибо, Пахомушка! Очень ты меня выручишь.

Однако помощь пришла совсем с другой, неожиданной стороны. Возле цыплят вдруг появился гроза всей живности во дворе — золотопёрый петух Тимофей, прозванный так в честь деда, который принёс его ещё цыпленком.

Тимофей важно подошёл к жёлтоклювым малышам, громко закокотал и стал сильными лапами разгребать под собой рыхлую землю: мол, подходите, ребятня, ищите червячков!

С этого дня Тимофея будто кто подменил. Он не кидался понапрасну на Бобика, не прыгал на рога козлу Яшке. Даже на кур обращал меньше внимания! Драчун Тимофей стал примерным папашей, полностью заменившим цыплятам мать. Ночью он спал вместе с беспокойным потомством, укрыв их тёплыми крыльями, а днём расхаживал

с цыплятами по двору. Совсем как клушка водил их за собой, приговаривая: ко-ко-ко. Вороша кочки, учил малышей самостоятельно добывать пищу, ловить мух, жуков, разных огородных вредителей.

Тётка Секлетей полностью доверила цыплят петуху.

— Надо же, — удивлялась она заботливости Тимофея. — Век живу, а никогда не видела, чтобы петух так следил за цыплятками.

Как-то Тимофей вместе со своим потомством вышел за калитку прогуляться по лужайке. Внезапно над дружным семейством нависла чёрная туча — коршун. Но не тут-то было! Петух упал на спину и стал отчаянно отбиваться острыми шпорами. Над лужайкой завихрились перья. Петух и коршун покатались по траве, превратились в один большой шар.

Первым не выдержал крючконосый. Сильно пораненный, хищник поднялся в небо и, взмахивая еле-еле крыльями, полетел в сторону Быстрянки к своему гнезду.

Поединок петуха с коршуном Пахом наблюдал из своего окна. Не выдержало сердце старого охотника — выскочил с ружьём на улицу. Но коршун уже дал тягу. Петух же с достоинством отряхнулся, opravил клю-

вом растопыренные перья и, как ни в чём не бывало, стал собирать разбежавшихся цыплят:

— Ко-ко-ко!..

Жёлтые комочки зашевелились, вылезли из лопухов и поскакали навстречу папаше-победителю.

Пахом подробно рассказал тётке Секлетее — та ходила в это время в ларёк за хлебом — о геройском поступке Тимофея. А в конце добавил:

— Слышь, Секлетей, на кой тебе сдалась Витькина клушка! Вон как Тимофей отлично справляется со своими обязанностями. И мать, и отец в одном, так сказать, лице. И кормилец, и защитник...

Но тётка Секлетей настояла:

— Нет уж, Пахомушка, ты всё же принеси клушку. Баба есть баба. Надёжнее как-то...

Сосед выполнил своё обещание. Клушка была, как и прежняя, крупная, рябая. И, возможно, цыплята посчитали бы её за родную, если бы не Тимофей. Ударил изо всех сил шпорами о землю да как погонит «мачеху» за калитку!

Пришлось Пахому вернуть клушку обратно в соседнюю деревню, племяшу Витьке.

А Тимофей так и не расставался со своими цыплятами, пока те не выросли.

«ОПАСНАЯ» ЯГОДА

В июле начала поспевать малина. На рассвете, захватив корзинку, я отправился по ягоды. Благо лес рядом, за крайней избой тракториста Севастьяна.

И вот хожу возле колючих кустов маличника. Одну спелую ягоду кладу в корзинку, другую — в рот. Солнце поднимается над лесом. Птицы свистят. Красота! Даже запеть хочется.

Вдруг смотрю — справа от меня кусты шевелятся. Конечно, это Севастьян по своему «заповеднику» бродит.

— Севастьян, ты, что ли? — спрашиваю громко.

Тишина.

Вообще-то наш тракторист разговорчивостью не отличается. Что ж, тоже молча продолжаю обирать малину. Собираю, а сам нет-нет да стрельну глазами в сторону. Как там Севастьян, много ли набрал? Э-э, вон как шурует! Аж кусты трясутся.

Ставлю корзинку под ноги, любопытствую снова:

— Много ли ягоды, сосед?

Почему-то кусты перестают шевелиться. Даже птицы примолкли.

— Много ль набрал, говорю?

В ответ какое-то невнятное сопение. Только уже очень громкое. Шуметь изволите, Севастьян? Ладно. Поднимаю с земли сухой ком глины, швыряю в кусты. И тут... Огромный лохматый медведь поднимается во весь рост из малинника!

— Р-р-р-а-а!

— А-а-а! — вторю я медведю, срываясь с места. И, если так можно выразиться, рву когти в глубь леса.

Сколько я так бежал по лесу — не помню. Может, полчаса, может час. Остановился

у ручья. Надо бы ополоснуть лицо, да руки трясутся. Никак не приду в себя от пережитого. Нескоро, ох, нескоро нашёл нужную тропку. Только к вечеру, усталый и без корзинки, выбрался к дому.

Прохожу мимо избы тракториста, а здоровенный Севастьян сидит на лавочке и пристально так разглядывает меня. Будто видит впервые.

— Что подеялось, сосед? — спрашивает удивлённо.

Пришлось признаваться во всём происшедшем.

— Подеялось, подеялось, — отвечаю. — Поутру мишка шуганул меня из малинника. А я, честно говоря, думал, что это ты...

МОИ ВСТРЕЧИ С МИШКОЙ

Лесник Павел сказал: «Пойдёшь в лес, будь осторожен. В малиннике объявился хозяин. Хм, медведь... Говорят, никого не трогает. Но всё равно захвати ружьё. Мало ли что...»

Погуляв по ягодным полянам, я вышел к сосновому бору. Летнее солнце вполглаза выглядывало из-за макушек медноствольных великанов. Между их корней, при-

чудливо петляя, прыгал прозрачный ключ. И тут я увидел бурого мишку. Он наклонился кудлатой башкой над водой и жадно лакал прохладные струи.

Мой путь к деревне лежал правее ключа. Я решил подождать, пока медведь напьётся. Вот он утолил жажду, встал на задние лапы... Я поднял ружьё и выстрелил в небо. Эхо ударилось о сосны и гулко покатилося в сторону поля.

Медведь смешно перекувырнулся и, вскочив на все четыре лапы, скрылся в сосняке. А меня даже обуяла гордыня: «Хм, медведь... Ну, кто теперь здесь хозяин?!»

... В августе я отправился на речку Синемборку поудить карасей. Позади остался сосновый бор, открылось овсяное поле. Здесь и попала в мой ботинок колючка. Я наклонился и... обомлел. Мою тропинку пересекал медвежий след. Свежий, вон травинки примяты и даже когти отпечатались на суглинке.

Я выпрямился и лихорадочно завертел головой.

Стоп! Кто это?

В утренней дымке посреди овсяного поля проявился силуэт медведя.

Я был без ружья, и меня охватила оторопь. До карасей ли тут?

Не помню, как прибежал домой. Зачерпнул ковшом воды из ведёрка, пью, а струйки льются мимо.

— Что случилось? — подозрительно оглядел меня Павел. — Удочку забыл?

— Нет. Что-то плохо мне.

И это была правда.

... Осенью я снова приехал в гости к Павлу. Взял корзинку для опят, ружьё на всякий случай и отправился в лес. Деревья все почти облетели, в ветвях свистел ветер. Опят набралось мало, но я всё равно остался доволен прогулкой.

На одной из просек мне повстречалась медвежья «лепёшка». От неё струился парок. Мишка, видимо, только что был здесь. Проверив ружьё, я осторожно пошёл по следу... Вскоре вдалеке показались вороха хвороста. Темнело, и я решил прийти сюда завтра. Посмотреть, что там делал медведь.

На рассвете выпал густой снег. Замерз тропы, следы. Больше я медведя не встречал.

Видимо, косолапый залёг в берлогу. До весны.

КАК МЕДВЕДЬ ТРАКТОР ПЕРЕСИЛИЛ

Вася и Маша, дети лесника, прихватив лукошки, отправились утром за клюквой.

Осеннее солнце выглядывало из-за низких лохматых туч. Пожухлая трава обочь тропинок была припудрена инеем. С берёз и осинок с мягким шелестом тёк лёгкий лист. Холодком задевал лицо, плескался под ногами.

С неба доносились тревожные голоса больших голенастых птиц: журавли сбивались в стаи, готовились к отлёту.

Возле Глухого болота дети остановились. За густым жёлтым кустарником кто-то тяжело сопел и будто чавкал. Медведь?! О косялах время от времени говорили местные жители.

Вася осторожно раздвинул кусты. Сердце его гулко стучало.

Посреди болота, провалившись по самую шею, барахтался крупный лось. Он пытался вытянуть ноги, тряс рогатой головой, фыркал, совсем как лошадь.

— Гляди! — подозвал Вася сестрёнку.

— Ой, — удивилась Маша. — Лось! Что он там делает?

— Не видишь, что ли, — по-взрослому ответил Вася. — Тонет. Надо ему помочь. Беги в деревню за папаней. Скажи. А я здесь постою. Покараулю.

Девочка заторопилась домой.

Вскоре она вернулась с отцом и трактористом Иваном на его колёсном тракторе. Взрослые выпрыгнули из кабины, вытащили топоры, верёвки. Стали рубить сгнившие слепки из берёзок. Потом зацепили арканом лося за рога. Подложили слепки. Потянули. Дети тоже схватились за верёвку. Но лесной красавец — ни с места.

— Тяжёл бык, — вздохнул Иван.

— А мы его сейчас трактором возьмём на буксир, — сказал лесник.

Взрослые привязали канат за кольцо. Зарокотал мотор. Раз и два, раз и два... Изпод лося только жижа болотная летела — густая, торфяная, едко пахнущая. Животное почти не двигалось, разве что погружалось глубже.

Натаскали новых веток, жердей. С трудом просунули под брюхо великану. Попробовали снова вытянуть — не получилось. Теперь уже колёса трактора зарывались в вязкую почву, буксовали. Так недолго и ему застрять.

Как быть?

Короткий осенний день перевалил за полдень. Зорька, пёстрая и холодная, таяла за макушками тёмных елей.

— Надо пригнать гусеничный трактор, — решил лесник. — Он мощнее, он вытянет.

Иван оседлал своего стального коня и покатил опять в деревню. Гусеничный трактор — не колёсный, приполз уже в сумерках.

Привязали двойной канат, зацепили за лося. Потаскили. Животное до предела втянуло шею. И только. Таким лось оказался массивным и так сильно увяз.

— Так и вовсе можно погубить скотинку, — сказал лесник. — Хотя и дикая, а жалко. Придётся вызвать из райцентра спасателей, чтобы утром освободить зверя.

На том и порешили. Подложили под лося ещё веток и палок, чтобы ночь продержался, и уехали домой.

На другой день лесник, тракторист Иван и группа спасателей, крепких молодых ребят со всей экипировкой, на вездеходе приехали к Глухому болоту. Направились к лосю, а его — нет.

Неужели утонул?! Длинными жердями пошарили по дну, но рогатого великана не обнаружили.

Не мог же он исчезнуть без следа, просто улетучиться. Здесь что-то не так.

Спасатели обошли болото с другой стороны. Осмотрели внимательно местность. Каждую кочку, каждую травинку. И только метрах в ста от злосчастливого болота кто-то крикнул:

— Идите сюда!

Под могучей кряжистой сосной валялся... лось. То есть даже не лось, а то, что осталось от него, — ветвистые рога, кости, копыта... А от этого места в лес шли крупные следы... медведя.

— Ну и ну, — произнёс в раздумье лесник. — Сколько живу, а такое вижу первый раз. Трактором не могли вытянуть лося, а мишка пришёл — и вытащил великана. Как зайчишку. И откуда у косолапого столько силищи?!

Это для всех так и осталось тайной. Только с того дня лесник строго-настрого наказал Васе и Маше не ходить больше за клюквой на Глухое болото.

ГАРГАНТЮА ТАЁЖНОЙ РЕКИ

Мы возвращались на лодке по таёжной реке к заимке. Рыбалка оказалась так себе: в садке трепыхалось несколько мелких тайменей. И настроение у нас было под стать таймешатам — вялое.

Возле Ястребиного мыска, где река делает плавный поворот, Антипыч вдруг оживился. Привстав с места, старый рыбак командовал:

— Рули к берегу!

Я развернул лодку.

В заводинке, окаймлённой полуобсохшими белыми камнями, белея брюхом на лёгкой зеленоватой зыби, колыхалась дохлая рыбина. Таймень! Да какой огромный!

На мелководье Антипыч выпрыгнул за борт и в резиновых вездеходах пошёл к уснувшему гиганту.

Непонятно зачем, мы зачалили распухшую рыбину к лодке и поплыли домой.

Уже на заимке, возле избушки, старый рыбак снял с ремня охотничий нож и вспорол им брюхо тайменя. Но что это? В желудке и пищевode хищной рыбы теснилось с полтора десятка белок! Ещё одна, шестнадцатая, торчала из глотки обжоры.

— Жадность фраера сгубила, — философски резюмировал Антипыч. — Будет пожива моим собачкам.

Сложив добычу в помятую жестяную бочку, мы зашли в избушку и стали готовиться к ужину.

Уже за стареньким самоваром, невесть как оказавшимся здесь, я стал вспоминать

сегодняшнее утро. Привиделось прохладное осеннее солнышко между деревьями... Туманная река... Вдруг резкий толчок Антипыча в бок:

— Смотри-ка, Колюня!

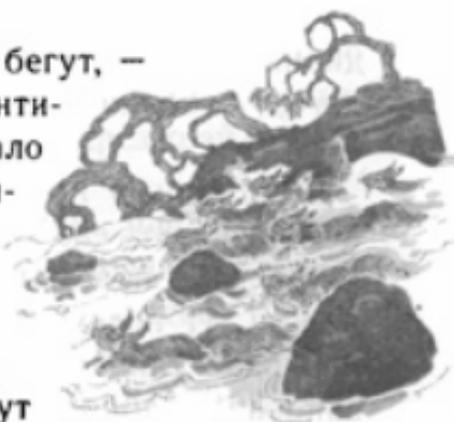
На речной глади замелькали беличьи хвосты. Я стал считать — раз, два, три, четыре, пять... — и вскоре сбился со счёта. Так их было много! Белки направлялись к противоположному берегу. И плыли они как-то необычно: мордочки, спинки и торчащие кверху метёлочки хвостов оставались сухими. Только потом я узнал, что если белка полностью намокнет, то она непременно потонет.

Уже и солнце поднялось над распадком, и туман рассеялся над рекой, а белки всё плыли и плыли. Откуда их так много собралось?!

— Куда они плывут и зачем? — удивился я, так как раньше никогда не видел плавающих белок.

— От бескормицы бегут, — просто объяснил Антипыч. — Нынче мало еловой шишки уродилось в тайге. А значит, зима будет холодной и голодной. Это зверьки заранее чувят, поэтому и бегут в кормные места.

«Сколько разных врагов, должно быть, у белок, — подумал я. — Местные охотники и рыболовы рассказывали мне, что свежатинки рады попробовать все крылатые хищники: и сова, и кобчик, и коршун... Потому белки и стараются преодолевать водную преграду чаще ночью, реже на рассвете».

И крупные таймени очень охочи до дармовщинки. Объедаются так, что некоторые гибнут. Одного такого Гаргантюа таёжной реки мы и выловили в тот день.

БОЧКА

На заимке у Антипыча жил-был пёс по кличке Мотя. Полудворняга, полулайка, однако незаменимый помощник на охоте, что по соболю, что по белке, что по боровой

дичи. Одно плохо: охоч был Мотя до съестного, особенно того, что плохо, на виду, лежит.

Чего только не делал Антипыч, чтобы перевоспитать своего Мотю! И с сердечными словами приступал: мол, так поступать нельзя. И подкупить пытался кусочками рябчика и тайменя. Наказывал, конечно, — запирал на «гауптвахту» в тёмный сарай... Увы, всё напрасно! Любая наука уходила в прямом смысле слова «псу под хвост».

Окончательно достал Антипыча Мотя с год тому назад. Вот как это было.

Принёс охотник с утренней зорьки красивого глухаря-мощника, оставил его на крыльце, а сам отправился с канистрой к роднику. Вернулся — добычи нет. Кинулся туда-сюда — не мог же такой богатырь провалиться сквозь землю! Стал кликать Мотю. В ответ ни звука, ни шороха.

Только через час-другой явился довольный пёс. Однако глазки блудливо отводит в сторону, вертит виновато бубликом-хвостом. Ну, ясно, чьих «рук» дело...

Вот тогда-то и лопнуло у многострадального Антипыча терпение.

Привязал он крепко-накрепко к сосне пустую металлическую бочку из-под солярки. Бросил в неё пса-обжору. Потом подобрал

с земли корявый сук да ка-ак жахнет им по бочке. Притаился Мотя — ни жив ни мёртв.

А Антипыч перегнулся через край и спрашивает:

— Бо-очка, ты слышишь меня? Будешь ещё без спроса брать у хозяина еду? — и опять дрыном по бочке — со всего-то размаху!

Только после четвёртого или пятого удара и крика «Бо-очка!» Мотя сдался — заскулил, а потом и завыл жалобно.

— Ага, дошло, стало быть, — удовлетворённо выдохнул Антипыч и присел на бревно перекурить.

Действительно, на сей раз «наука» пошла псу впрок. Неделю или две он вёл себя исправно. Но вскоре опять сорвался — спёр со стола последнюю в доме ковригу хлеба. За что и был снова посажен в бочку.

А после ещё одной «бочки» Антипыч заметил, что Мотя стал страшно бояться самого этого слова. Стоило произнести вслух «бочка», как пса точно ветром со двора сдувало. Но таскать съестное Мотя всё-таки прекратил.

И вот когда, казалось бы, охотничий пёс Мотя исправился, он внезапно пропал. Такое, правда, случалось и раньше — на день-два, не больше. Но в этот раз...

Обеспокоенный долгим отсутствием пса, Антипыч на всякий случай сходил в соседнюю деревню, на реку к знакомому паромщику. Моти нигде не было.

«Должно быть, волки задрали, — расстроился охотник. — Вон их нынче сколько развелось...»

Однако у истории с пропавшим Мотей оказалось другое продолжение.

Прошлой осенью Антипыч возвращался из райцентра на заимку. Запасся кой-какими харчами, порохом, дробью...

На пароме, как всегда в эту пору, оказалось немногочленно: три тётки в плащах-болонья и тёплых платках, с корзинами поздних яблок на коленях, да какой-то мужичок в латаной-перелатанной телогрейке, с заячьим треухом на голове и ружьём-ижевкой в ногах.

Когда паром тронулся с места, Антипыч заметил под широкой лавкой, заплёванной подсолнечной шелухой, рыжего пса с белой заплаткой на левом глазу. Пёс явно чувствовал себя не в своей тарелке, норовил спрятать морду между лапами.

«О, — чуть не вскрикнул от радости Антипыч. — Да это же мой Мотя!»

Внутренне ликуя, он испытующе посмотрел на незнакомого мужика:

— Чья это собака?

— Моя, — ответил тот, не моргнув глазом.

— Тэ-экс... А она, случаем, не краденая?

— Вроде, нет. Летом купил на рынке у какого-то алкаша. Отличный кобелёк. И по зверю, и по птице...

— Может, и купил, — хмыкнул Антипыч. — А вот мне сдаётся — краденый пёс!

— Чем докажешь?

— А вот гляди. Мотя, Мотя! — и Антипыч, встав на корточки, заглянул под лавку. — Мотя, подь сюда!

Однако верный пёс, вильнув хвостом, отполз в противоположный угол скамейки.

— Вот видишь, — обрадовался латаный мужичок, — не узнаёт тебя Трезор. Тётки, вы свидетелями будете.

Последняя фраза вконец рассердила Антипыча. К тому же паром уже был на середине реки. И тут старика осенило...

— Бьёмся об заклад, что собака моя?!

— Не хочу.

— Почему?

— Жалко тебя, — мужичок даже хихикнул глумливо. — Однозначно проиграешь.

— Проиграю? Ладно! — Антипыч набрал полную грудь воздуха. — А теперь смотри.

Б-о-о-чка!

Над рекой покатилося протяжное эхо, мужичок от неожиданности присел, тётки с яблоками умолкли, а паромщик от любопытства вытянул и без того длинную шею. А потом... Потом из-под скамейки птицей выпорхнул Мотя. Пёс вывалился за борт и, точно торпеда, разрезая грудью холодную воду, отчаянно погрёб к берегу, домой.

ЛИСТОПАДНИК

Художник-анималист Бобров жил на подмосковной даче. Гулял по лесу, писал картины, а зимой иллюстрировал книги и раз в месяц обязательно по делам выезжал в Москву.

В уютном бревенчатом доме вдовца Боброва жили попугайчик Гоша, кошка Варвара, гончая Альфа. Так что художник не чувствовал себя одиноким.

Как-то осенним утром Бобров отправился в лес за грибами. Грибов не нашёл, но на обратном пути на поляне, зава-

ленной листьями, услышал заполошный стрёкот сорок. Птицы прыгали, кружили вокруг ярко-розового куста и время от времени азартно пикировали в самую его гущу.

Бобров замахал руками, разогнал нахальных сорок, подошёл поближе. Вот те на! Под кустом, на пожухлой траве, плотно прижав к спине уши, лежал крохотный зайчонок. Бобров вспомнил, что рождённых осенью зайчат охотники называют листопадниками.

Художник поднял насмерть перепуганного малыша, посадил в пустую корзинку и понёс к себе на дачу.

Дома он посадил зайчонка в коробку изпод пылесоса, налил ему в блюдечко молока. Так и стал жить найдёныш у художника. Ночью сидел в коробке, а днём бегал по комнатам.

Кошка Варвара к появлению нового квартиранта отнеслась спокойно. Правда, разок вытянулась мостиком, зашипела, но, почувствовав, что зайчонок-несмышлёныш её не боится, выпустила пар и стала гулять «сама по себе».

Попугайчику Гоше тем более было всё равно, кто в доме. Знай прыгает в клетке по жёрдочке, шелушит клювом подсолнечные

семечки, брызгает в поилке водой — то ли пьёт, то ли охорашивается...

Зато гончая Альфа — надо же доказать хозяину, что она прирождённая охотница — при первой встрече сразу же накинулась на «добычу». Но громкий и властный голос Боброва «Нельзя!» остановил собаку. Альфа только внимательно обнюхала листопадника, подумала и отправилась к ковру-подстилке, что служил ей диваном и кроватью. Однако зайчонок сам не захотел расставаться с мягкой и тёплой Альфой, поскакал следом за ней и лёг рядом. Гончая, конечно же, сначала гневно отворачивалась от непрошенного «щенка» и поглядывала на хозяина. Но тот все её резкие движения обрывал резким окриком: «Нельзя!»

Нельзя, так нельзя. Альфа и сама не заметила, как постепенно привыкла к зайчонку. Спали вместе на коврикe, лакали молоко из одной миски. Правда, завтраки и обеды у них были разные. У Альфы — мясные, а у зайчонка — вегетарианские. Он с удовольствием хрум-кал капустными листьями, морковкой, сухим сенцом. А с наступлением холодов всё чаще и чаще прислушивался к свисту ноябрьского ветра в печной трубе,

к шуршанию листьев рябины за окном, к писку мышей в подполе. Ленивица Варвара почему-то совсем их не ловила. Отлёживалась весь день на лавке да пела сама себе песенки.

Однажды зайчонок, уже заметно подросший и окрепший, выбежал в приоткрытую дверь в огород и затерялся в свекольной ботве. Художника дома не было: поехал в соседнее село на велосипеде разжиться свежим молоком. С полным бидоном, довольный Бобров затормозил у калитки и... онемел от ужаса. Какая-то псина, яростно рыча и мотая лохматой башкой, трепала в огороде его питомца.

Бросив и велосипед, и бидон с молоком у штакетника, Бобров кинулся на выручку. Собака, поджав хвост, скрылась в щели забора. Бобров нагнулся, дрожащими руками схватил взлохмаченный комочек. Слава Богу, живой! Только ухо порвано.

Придя домой, он первым делом смазал рану йодом.

Кошка Варвара с удивлением уставилась на одноухого зайчонка: откуда, мол, такой взялся? Зато растяпа Альфа с нежностью матери вылизывала языком все ранки на теле приёмыша.

Весь вечер художник не находил себе места. Заложив руки за спину, выхаживал взад-вперёд по половицам.

Ухо зажило не скоро. За это время зайчонок заметно вырос, превратился в крепенького русака в пушистой серой шубке. Когда, наконец, выпал первый снег, Бобров решил выпустить его на волю. Посадил зайца в ту самую грибную корзинку и вместе с Альфой отправился в ближайший лес.

Заяц сначала не хотел вылезать из корзинки: то ли не верил в долгожданную свободу, то ли не хотел расставаться со своими друзьями: с художником, с Альфой, даже с самолюбивой Варварой. Но тут Бобров перевернул корзинку на бок, слегка толкнул её и... одноухий русак выкатился на снег! Оглянулся косыми желудёвыми глазами по сторонам: тут — поле, там — лес... Вобрал в ноздри бодрящего воздуха, топнул задними мозолистыми лапами и сиганул в кусты. Азартная охотница Альфа было хотела рвануться за ним, да... за кем бежать-то? За своим собственным сынишкой? И гончая, виновато глянув на хозяина, послушно затрусилась за ним обратно по тропинке — туда, где над их домом причудливым кренделем таял в небе тёплый, добрый дымок.

ПЕСНЯ

Дедова избушка стояла на обрывистом берегу реки. Над ней росла огромная сосна, а рядом — берёзка. Мы не трогали этих деревьев: они служили маяком для проплывающих катеров.

Как-то в конце августа я вышел из избушки. Вокруг всё сверкало от инея. Лес казался оцепеневшим, притихшим. И вдруг я услышал выразительные звуки: тэк-тэк-тэк... И как будто кто-то проскрёб по сковородке тупым ножом. Я оглянулся по сторонам. Смотрю: на сосне, что возвышается над избушкой, — глухарь. Ходит по толстой ветке, распутив крылья, здоровенный такой, бородатый. Робко так токует, по-осеннему. Я мигом в избушку — за ружьём.

— Куда? — остановил меня дед.

— Там глухарь! — показал я за дверь.

— Что за корысть старика убивать? — насупил дед седые брови. — Тебе другой птицы мало? Вон сколько её в лесу!

Отобрал дед у меня двустволку.

Дичи в наших краях, особенно в ту пору, действительно было много. Конечно, дед был прав. Зачем губить старого глухаря? Мясо у него всё равно жёсткое, как кора.

После этого я несколько раз видел его на нашей сосне. Обычно он не прилетал,

а именно приходил и тяжело вспархивал на нижний сук. Посидит, посидит, осмотрится вокруг и, словно ненароком, уронит:

— Тэк...

Послушает, как получилось, и повторит:

— Тэк-тэк-тэк...

Может быть, чуял старикан, что до весны ему вряд ли дотянуть, вот и пытался допеть свою последнюю песнь.

Однажды к нам из города приехали ягодники и охотники. Переночевали. А на рассвете я услышал выстрел. Он сухим громом прокатился по лесу. Я будто ужаленный соскочил с топчана и — к окну. Смотрю, с сосны медленно падает наш глухарь. Упал, забился на сухой траве. Дед выскочил из избушки и — к дереву. Поднял за крыло огромную птицу, посмотрел в её гаснущие глаза и тяжело вздохнул. А мне показалось, он сказал: «Эх, дурачьё! Как на такую красоту рука поднялась...»

ПОРОСЁНОК И СКРИПКА

У Семёныча, нашего соседа по дому, околела свинья. Как на грех, случилась эта беда сразу же после опороса.

Что делать, как быть?

Погоревал Семёныч, погоревал и после недолгого раздумья роздал поросят соседям.

Нам достался последний — самый слабенький.

Поселили новосёла, как положено, в сарае. Перво-наперво стали отпаивать младенца питательным козьим молоком. А чтобы не мёрз по ночам, положили в угол большую охапку свежей соломы.

И вот тут-то и начались чудеса! Однажды утром захожу в сарай и вижу: на поросычьей соломе устроилась моя гончая Скрипка. Лежит на боку, а на её брюхе притулились

и копошатся несколько новорождённых щенят. Нагнулся я, пересчитываю прибыль: один щен, два, три, четыре... Стоп, а это что такое? Поросёнок! Тоже пристроился к Скрипкиным соскам, только, знай почмокивает сладко...

Вернувшись домой, я сразу же рассказал о случившемся родным.

Бабушка испуганно заохала.

— Уберите поросёнка от Скрипки, — потребовала она. — Не хватало ещё, чтобы наш хрюша в собаку оборотился.

Мы с сестрой посмеялись над бабушкиными словами, но Скрипку с её потомством я в тот же день переправил в другой угол сарая, предварительно утеплив место старой курткой. А поросёнок остался куковать в одино-

честве на своей соломе. Однако на этом история поросёнка и Скрипки не закончилась.

... В апреле в наших краях нередки заморозки. И вот однажды перед рассветом бабушка тронула меня за плечо:

— Сходи, Колюня, в сарай. Посмотри, как там наш Пятачок, не замёрз?

Я вышел в сад. Над землёй порхали лёгкие снежинки. Открыл скрипучую дверь сарая, осветил фонариком место, где обитал наш поросёнок. Никого!

Тревожная полоска света метнулась в другой угол. Скрипка, как всегда, лежала со своими щенятами на тёплой куртке, а между ними, уютно расположившись, безмятежно дрых поросёнок.

Когда я вернулся в дом, бабушка приподнялась с постели и спросила сонным голосом:

— Как там наш хрюша, не мёрзнет?

— Не-а, — ответил я, едва сдерживая смех. — Греется...

ОБИЖЕННАЯ ПАТРИКЕЕВНА

Лиса вышла из подлеска. Посмотрела по сторонам. Слева — овраг, поросший колючками, справа — широкое поле. Солнце улыбается

в небе. Снег тает, ручейки звенят, все низинки залиты водой. Сплошная весенняя водополища.

Легко подпрыгивая, словно балерина, лисица обогнула талые лужицы и затрусила к невысокому холмику.

Не прогадала Патрикеевна! Сюда, убегающая от воды, перебрались мыши-полёвки. Одну лиса поймала моментально, за другими пришлось охотиться. Замирать, вытягиваться, вставать на задние лапы, подпрыгивать. Одним словом — мышковать. Заниматься тем, чем занимаются все лисы, оголодав за долгую зиму. Эта рыжуха оказалась не только удачливой, но и запасливой. Она не поедала добычу сразу, а оставляла её возле норок.

Лисица так увлеклась охотой, что чуть не забыла про осторожность. Об этом ей напомнил далёкий лай. Насторожилась кумышка. Глядит, а на другом краю поля — человек. Ружьё за плечом, а у ног собака вьётся юлой. Значит, охотник. Нет, лучше с ним не встречаться. Пригнулась рыжая к сухим травинам и — давай дёру! — снова в подлесок. Спряталась под ёлочкой и ждёт, когда охотник с собакой скроются из виду. А те и вправду вскоре спустились в овраг и ушли в неизвестном направлении.

Долго ещё лиса прислушивалась к далёким шорохам, старалась уловить в сыром

ветерке посторонние запахи. Но он бы свеж. От ветерка тянуло снежницей, первыми подснежниками... Ранней весной!

Наконец лиса решила. Взбежала снова на холмик. К одной норке метнулась, к другой, к третьей... Нет ни одной мышки. В чём дело? Куда они подевались? Растерялась лиса. Завертела головой по сторонам — и вдруг замерла. Шагах в двадцати от неё на кочке сидела взлохмаченная крюконосая птица. Её большие круглые глаза беспокойно вращались влево-вправо. Сова.

Ах, негодница! Это она — больше некому — слопала добычу Патрикеевны, пока та пряталась от охотника. Разозлилась лиса на такое нахальное поведение птицы. Тявкнула по-собачьи и кинулась на соудармеедку. Да где там! Вспорхнула крюконосая и бесшумно скрылась в подлеске. А обиженная лиса засемила искать другой холмик...

ЛИСИЙ ТАНЕЦ В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Глаза маслянистые, ушки, как у летучей мыши, — острые, на конце смолянистые. По спинке золотисто-малиновый огонь бежит. Красивая лиса. А уж лёгкая, пряткая!

Частенько заглядывала рыжая в нашу деревню. И собак на неё науськивали, и капканы ставили, и флажками огораживались — всё напрасно. Всякий раз удавалось кумушке уйти от сторожей живой и целёхонькой.

Только осенью, когда с деревьев — осин, берёз, лип — потёк густой жёлтый лист, кончились ночные переполохи в деревне. Пропала лисонька. Уж не ружья ли моего испугалась?

А тут и зима пришла. Укутала атласными одеялами домики, луга, перелески. Потянулись из труб в небо кудрявые дымки. Завихрилась, закружилась серебристыми жгутами позёмка по полю — широкому, необъятному. Летом там колыхалась янтарными волнами спелая пшеница, а теперь, насколько хватало взгляда, простирались рыхлые снега. Искрились под лучами холодного солнца, слепили глаза. Иногда на восходе и на закате сугробы вспыхивали голубым и розовым. Сияли мягкими оттенками радуги. Поле отдыхало, слушая посвистывания тихопево-снегирей из ближнего леса.

Наэтом-то поле и увидела однажды нашу красавицу. Живой оказалась! Выбралась из подлеска и побежала по снежной це-

лине. Нет, не побежала, а павой поплыла. И вдруг на полном скаку — стоп! Застыла на месте, прислушалась. Ага! Где-то под снегом мышь пискнула. Подпрыгнула лиса как на пружинках. Роскошный хвост дымчатым султаном вверх взметнула. Скачок, другой — и мышь в лапах кумушки. Со стороны посмотришь — не бежит, а танцует. Изыщно, легко... Красиво мышкует лисонька!

«Ну, ничего, — подумал я. — Всё равно подкараулю рыжую».

Я давно заметил на поле стожок — кто-то из наших деревенских оставил. Пришёл затемно с ружьём, сделал в стогу небольшой лаз. Сижу, жду. Снежок посыпал, крупный, редкий. «Вот и хорошо, — радуюсь про себя, — следы мои заметёт».

Зимой светает поздно. Еле-еле дождался рассвета. Снег к этому времени перестал. Полоска неба над лесом порозовела. Где же моя кумушка? Припозднилась что-то... Или проспала?

И только я подумал об этом, смотрю: по сугробам солнечный шар катится. Пригладелся внимательно, а у шара пушистый хвост, гибкое туловище, острые ушки... Она, она! Кумушка-красавица. Плывёт и по минутно окунает узкий носик в снег, будто

в сметану. А то остановится, прислушается к чему-то...

И тут неподалёку от меня, справа, раздаётся писк. Тонкий-тонкий, словно кто-то под снегом разбил льдинку. Ветер дул в сторону лисоньки. Неужелимышь?! Она насторожилась, привстала на задних лапах. Писк повторился. Лиса, оголодавшая за ночь, пустилась с места на махах к долгожданному звуку. Она летела по снежному полю, как в замедленной киносъёмке, красивая и беззащитная.

В последний момент моё сердце дрогнуло. Я резко встал из своего укрытия и бабахнул из обоих стволов в небо.

Лиса, будто споткнувшись, остановилась, но через секунду-другую пустилась наутёк в сторону подлеска, над которым с заполосным граем кружились вороны, напуганные выстрелом.

«Пускай живёт, — улыбнулся я, радуясь за лисицу, — и не появляется больше в поле, а то разузняют охотники и быстро превратят сказку в воротник».

КАК Я ОХОТИЛСЯ НА ШАКАЛА

Из камышовых зарослей, явно кем-то вспугнутая, на заснеженное поле внезапно

выскочила небольшая рыжая собака. Вздывая снежную пыль, она бросилась к тополиной рощице.

— Чего стоишь? Это шакал! — возбуждённо закричал Женька, мой братишка.

И тогда, позабыв обо всём на свете, я рванулся вслед за удиравшим зверем. Да так резво, что и впрямь вскоре стал нагонять его. Шакалу, утопавшему по брюхо в снегу, было тяжело бежать. А на мне добротные лёгкие пимы. Так что, казалось, ещё чуть-чуть — и я схвачу коварного разбойника за шкуру. Однако, почуяв приближавшуюся погоню, он из последних сил надал ходу. Ещё бы! Кому охота превратиться в шапку? Расстояние между нами перестало сокращаться, но и не

увеличивалось. И всё же, несмотря ни на что, я был уверен, что скоро, ну через несколько секунд, самое большее через минуту, шакал выдохнется и тут я его... Между тем время летело, а шакал и не думал уставать. Зато я почувствовал, как в лицо мне бьёт ветер холодной крупкой. Сердце громко стучало — вот-вот выскочит из груди, — и слышен был наждачный шорох пимов, взметавших снег.

Тут внезапно позади меня раздался Женькин голос:

— Ну же, ну! Чего ты? Уйдёт ведь! — вопил он.

И тогда со злости я прибавил ходу. А братишка продолжал кричать чуть ли не над

самым ухом и тuzить меня чем-то тяжёлым по фуфайке и ватным штанам.

«Ну, погоди! — промелькнула у меня сердитая мысль. — Это ж надо! Лупцевать меня. Я тебе дам потом... Будешь знать, как погонять старшего брата, словно коня!»

За этими мыслями я не заметил, как шакал внезапно свернул к камышовой гряде, вдоль которой мы бежали, и юркнул в заросли. Я в растерянности остановился.

«Эх, — вздохнул с досадой. — Из-под самого носа ушёл!»

Я рассерженно обернулся к братишке, собираясь выместить на нём всю свою обиду и раздражение.

— Ты чего, сдурел? — закричал Женька, бежавший за мной. Он, как и я, едва переводил дух. — Почему не стрелял? Мы же с тобой на охоте, а не в тире!

И только тут я вспомнил о ружье за спиной, о котором в пылу погони совсем позабыл. И которое, должно быть, за это так больно колотило меня. Э-эх, охотничек!

ЖУЛЬКИН ПОДРАНОК

За деревней по дну оврага бежит-позвякивает ручеёк. И тянутся за ним кусты

лещины, островки рогоза, камыша. Встречаются на пути ручья и заболотинки, окружённые вейником, мятой, пыреем. Ручеёк плавно огибает их, при этом, конечно, подпитывает и спешит дальше — звяк да звяк! — пока не попадает в объятия речки Сетуни.

Я люблю, приезжая в деревню, прогуливаться вдоль ручья вместе со спаниелем. Сколько радости тогда в глазах годовалой Жульки! Порскает туда-сюда, трясёт ушами-лопушками. О, этот неистребимый охотничий азарт! Всегда что-то находить, кого-то подстергать.

И ведь нашла однажды. Бегала-бегала, вертелась юлой и вдруг замерла, перешла на шаг, на шажок, а потом — прямо к густой куртинке. Подкрадывается. Я — следом. Вот Жулька остановилась перед низкими кустами. Вытянулась и показывает всем видом: там кто-то есть!

Я раздвигаю руками прутья, траву и вижу... уточку. Прижалась к земле — ни жива ни мертва. Я взял её и тут же почувствовал на ладонях что-то липкое. Кровь!.. Значит, подранок.

Я слышал от охотников, что собаки часто пасуют, находя раненых птиц. В них будто просыпается что-то сострадательное.

«Ай да умница!» — мысленно похвалил я Жульку. И мы отправились к избе бабы Нюры с неожиданным трофеем.

Уточку я решил увезти в город: авось удастся вылечить. Дома промыл ей рану (у неё было перебито крыло), смазал йодом. Поселил уточку в ванной. В углу постелил тряпицу. Поставил старую сковородку с водой и камушками, чтобы могла поплескаться, а рядом — баночку с отрубями и зеленью. Пусть поправляется!

Первые дни уточка, на радость всем домашним, ела. Даже пыталась совершать прогулки из ванной в коридор, из коридора в спальню, волоча раненое крыло. При этом её всегда сопровождала Жулька, отгоняя нахального и любопытного кота Ерошку. Но это не помешало всем троем вскоре подружиться. И с некоторых пор они стали спать в ванной, на тряпице, вместе. Кто бы мог поверить в дружбу собаки, кошки и птицы! Это удивляло нас: меня, жену и десятилетнего Андрюшку. И не только удивляло, но и подсказывало нам так же терпимо относиться друг к другу и не ссориться по пустякам.

Летели дни, но уточка не поправлялась. Более того, она перестала есть и стремительно худела. Крыло не срасталось.

Как-то утром, заглянув в ванную, я увидел, что уточка мертва. Была суббота. Я положил уточку в рюкзак, взял Жульку, и мы отправились в деревню.

Уточку я закопал там, где мы её нашли. А через месяц я продал своё охотничье ружьё. Мы так привыкли к уточке, что отныне ездить на охоту за дичью мне было бы просто стыдно. А Жулька свою охотничью страсть может утолять сколько угодно! Ведь ручеёк за деревней длинный-длинный. И птица там водится всякая...

**Под
синим-синим
небом**

БЫЛЬ О СВЕРЧКЕ

Кто не слушал долгими зимними ночами запечную песню сверчка? Уютную, домашнюю...

Почему запечную? Да потому, что это симпатичное насекомое исстари селится рядом с человеком, поближе к теплу. У каждого сверчка в доме, особенно, конечно, в сельском, есть своё излюбленное место, своя щель. Не отсюда ли русская поговорка: «Каждый сверчок знай свой шесток»?

В детстве у нас дома в подполе жил сверчок. Сколько я его ни караулил, ни разу не смог увидеть. Оттого он представлял в моём воображении загадочно-волшебным существом. К тому же книжки, которые читала мне мама

зимними вечерами, сопровождалась трелью сверчка. И тогда сказочные истории приобретали ещё более таинственную прелесть. И я вместе с гоголевским кузнецом Вакулой поднимался к высокому месяцу, летал среди ярко сияющих звёзд. Веки постепенно смыкались, а незатейливые трели сверчка сливались в прекрасную сказочную мелодию. Так и остался сверчок в моей памяти неповторимо счастливой песенкой детства.

И всё-таки наша встреча со сверчком состоялась, правда, при самых обыденных обстоятельствах.

Однажды сестрёнка развешивала во дворе бельё и вдруг как завизжит!

— Что там стряслось? — всполошился дедушка, и мы вдвоём поспешили к перепуганной Светке.

— Вот! — ткнула сестра пальцем вниз и тут же отдёрнула руку. — Паук!

На дне таза, и точно, суетился какой-то паучок: маленький, чёрный, усатый. Разбегался, подпрыгивал и... падал обратно. И так раз за разом... Попрыгунчик, да и только!

— И чего хнычешь, дурёха? — улыбнулся дед. — Это же сверчок!

Он наклонил таз, и пленник легко, невесомо выскочил на землю. Прыг-прыг! — и утёк в сторону сарая.

— Говорят, сверчок счастье в дом приносит, — задумчиво сказал дед, глядя вслед нашему прыгучему соседу. — Нельзя его, ребятки, обижать.

И он рассказал нам, какие, оказывается, разные песни бывают у этих запечных музыкантов: в бане, на дворе, в доме... В городе, в высотных домах, сверчков не услышишь. Они любят, чтобы близко была земля, а не бетон. Увы, многое из дедовых рассказов я пропустил тогда мимо ушей.

За взрослыми заботами и делами мы частенько забываем о друзьях детства. Но вот однажды... Довелось мне в разгар весны побывать в степи. Холмы благоухали травами, в небе свистели хохлатые жаворонки, низко над цветами гундели красавцы-жуки. И вдруг среди всего этого многоголосья я уловил тоненькую трель. Словно светлый ручеёк пробивался из-под камня. Но это был — я сразу догадался и невольно широко улыбнулся — не ручеёк, а сверчок. Он ещё робко налаживал свою скрипку. Но чем ближе наплывали вечерние сумерки, тем чаще раздавались трели сверчков. То под одним камнем, то под другим.

И тут мне в голову пришла мысль: поймать степного сверчка и привезти домой.

Я стал гоняться за сверчками, как ретивый кот, перебегая с одного места на другое, но живые пружинки всё время проскакивали между пальцами.

— Зачем тебе сверчки? — недоумённо пожал плечами мой приятель-физик.

— Тебе всё равно не понять, — отмахнулся я.

— Ну, как знаешь, — развёл тот руками.

Наконец одного сверчка удалось накрыть ладонью. С великой осторожностью зачихал я его в пустой коробок. Приятель, увидев счастливое выражение на моём лице, только усмехнулся про себя.

Вернувшись в город, я первым делом выпустил сверчка в своём рабочем кабинете. Он прыснул под книги — и был таков.

Конечно, из степи для сверчка я захватил в ведёрке и землицы, и пахучей травы, чтобы крохотная «степь» существовала и здесь, на четвёртом этаже. Всё это я поставил в тёмный уголок и с наступлением ночи стал ждать песни сверчка. Час прошёл, два... Уже звёзды густо высыпали над телебашней за окном. Но мой пленник не подавал никакого голоса. «Наверное, привыкает», — решил я и с этой мыслью уснул.

Однако ни на другой день, ни на третий сверчок не давал о себе знать. Жив ли?

Я перерыл все книги, осмотрел все щели, но степного гостя так нигде и не обнаружил. Ускакал, видно, через балкон. А там голуби, воробьи...

— Ну, как твой сверчок? Поёт? — спросил меня приятель при встрече.

— Где там... — обречённо вздохнул я и рассказал, как всё произошло.

Приятель внимательно выслушал меня и сказал неожиданно:

— Так и должно было случиться.

— Почему это?

— Полевой сверчок — не домашний. Разве будет соловей жить в клетке, тем более петь?

Вот тебе и физик! Человек чисел...

— Что ж ты мне там, в степи, не сказал об этом?

— Одержимому без толку говорить о чём-либо. По себе сужу. Пока сам не убедишься, никому не поверишь!

В чём-то приятель был, конечно, прав...

Полевые сверчки, оказывается, обычно живут в степи. Питаются растительностью и мелкими насекомыми. Дом их в норках или под камнями. На зиму они закрываются пучком травы и спят до наступления весны.

А как же быть с домашним сверчком, с тем, что жил когда-то у нас под деревянными половицами? Не ехать же за ним в родительский дом — в далёкую сверчковую Кинешму...

ДЛИННОУХИЕ ПОМОЩНИКИ

I

Каждый, кто жил в Средней Азии, в детстве хоть раз видел ослика. На улице, в зоопарке, в цирке... А уж в сельской местности или в степи — обязательно. Сероватого (очень редко белого), с длинными ушами и точёными копытцами. Вот он вышагивает по булыжной мостовой и тащит тележку с дровами, а копытца так звонко постукивают: цок-цок-цок! Босоногие мальчишки с хворостинами бегут рядом и радостно вопят: «Ослик! Ослик!»

Осёл — животное домашнее. Люди приручили его несколько тысячелетий назад, как корову или собаку. С тех пор он верно служит человеку. Если кто и улыбнётся, сравнив

длинноухого с бесчисленными машинами, заполонившими наши города и посёлки, то напрасно. Без ослика и сейчас не обойтись, особенно в труднопроходимых районах.

Дикие сородичи ослов, к счастью, сохранились до наших дней. Зовут их куланами. И встретить их можно в Бадхызском заповеднике, а также на острове Барсакельмес, что в Аральском море. Они очень осторожны. Увидев издали человека или почуяв какую-либо опасность (например, волков), мигом снимаются с места и убегают, поднимая облака пыли. Если при этом прислониться ухом к земле, то можно услышать удаляющийся гул. Будто там, где-то в недрах земли, произошло землетрясение. Да, куланы сторожкие и стремительные сородичи наших домашних серых осликов.

Известно, что когда-то давным-давно сам Иисус Христос на рассвете въехал в будущую столицу христианства Иерусалим на белом ослике. Верным спутником был осёл и знаменитому весельчаку Ходже Насреддину. Повсюду сопровождал ослик и Санчо Пансу — оруженосца странствующего рыцаря Дон Кихота. Да, верой и правдой служило это трудолюбивое и выносливое животное людям. Поэтому ослу и его наездникам — литературным персонажам —

и поставлены памятники в разных уголках нашей необъятной планеты. О нём сняты фильмы, написаны литературные произведения — рассказы, сказки, басни...

Правда, во многих из них осёл предстаёт ленивым, глупым, упрямым. Но так ли всё на самом деле? Прежде всего, осёл по натуре очень непривередлив. Был бы добрый хозяин, тёплый хлев да немного сена. А если нет сена, можно обойтись и вкусными колючками.

2

Александра Семёновича знал всякий мальчишка во дворе, да что там во дворе — во всём городе. Когда он появлялся в людных местах — на детской площадке, в парке, в магазине — детвора его сразу узнавала. И даже самый тихий из ребят непременно улыбался:

— Вон Бублик идёт!

Александр Семёнович работал в цирке клоуном. И все его называли не иначе как Бублик. По-цирковому. Надо сказать, что артист и в жизни охотно рассказывал обитателям нашего двора разные смешные истории. А когда был в хорошем настроении, демонстрировал ребятам разные смешные фокусы. Вытаскивал изо

рта яйца, выпускал из карманов голубей. И благодарные зрители, не жалея ладоней, ему аплодировали.

Как-то директор цирка вызвал Александра Семёновича к себе в кабинет и сообщил, что труппа осенью отправляется на гастроли в далёкий сибирский город. Кстати намекнул, что неплохо было бы обновить репертуар, то есть подготовить какой-нибудь эксцентрический номер.

Клоун долго молчал, а потом кивнул:

— Хорошо, подумаю...

А вечером, дома сама собой пришла ему мысль: отрепетировать несколько смешных реприз с осликом. Но вот беда — ослика в цирке не было.

Как быть? И тогда Александр Семёнович с разрешения циркового начальства решил съездить к своему армейскому другу в кишлак, который находился в степи. Уж там-то он обязательно купит хорошего ослика. И артист, не откладывая дела в долгий ящик, отправился в гости. Пулат — так звали друга Александра Семёновича — очень обрадовался, когда узнал, зачем тот приехал.

— Осёл? — улыбнулся Пулат. — Хоп, будет тебе осёл! Своего подарю. Молодой, умный, красивый. А как кричит на рассвете! Полгорода будить станет вместо курантов!

— Прекрасно! — обрадовался Александр Семёнович. — А не жалко тебе?

— Конечно, не жалко. Зачем такому таланту пропадать в степи? — засмеялся Пулат. — Зато артист будет. Знаменитый! Буду приезжать смотреть цирк. С детьми и внуками.

На том и порешили.

Вскоре Александр Семёнович прямо на осле подъехал к воротам цирка. Новосёл стал жить в цирковом дворе, в небольшом загоне, где раньше обитал слон. Ушастый артист действительно оказался способным. Команды нового хозяина схватывал с полуслова, тем более что они всегда были сдобрены чем-то вкусненьким — то кусочком сахара, то булочкой. И на доброту осёл реагировал отлично.

Вскоре Александр Семёнович стал выпускать своего подопечного на арену. Каждое выступление клоуна и его длинноухого ассистента зрители встречали радостными аплодисментами.

Как-то прежний хозяин осла, Пулат, приехал с детворой в цирк. Устроились в третьем ряду. И когда осёл, под смех зрителей, закончил повторять кивками головы счёт за Бубликом, Пулат не выдержал, вскочил с места и громко крикнул:

— Молоде-с-с!

При этих словах осёл наострил уши. Громко накнул от радости. И вдруг как рванёт в сторону Пулата! Хорошо, бывший хозяин успел вовремя выскочить ему навстречу. Обнял длинноухого за холку. А зрители ещё больше смеются: решили, что Пулат подставной артист. И невдомёк им было, почему осёл бросился к этому человеку.

Продолжать представление было невозможно. Так и пришлось клоуну, ослу и Пулату уйти за кулисы. А ничего не подозревающие зрители ещё раза три вызывали их на бис.

За неделю до долгожданных гастролей в цирке произошло ЧП. Придя, как всегда, утром на репетицию, Александр Семёнович обнаружил, что дверь в загон, где обычно ночевал осёл, распахнута, а самого постояльца нет.

«Странно, странно», — удивлённо шептал клоун, обходя все помещения и расспрашивая артистов, не видел ли кто из них длинноухого. Те в ответ недоумённо пожимали плечами.

Ни в грим-уборной клоуна, куда изредка заглядывал осёл, ни на арене его не было. Как в воду канул.

Александр Семёнович поделился свалившейся бедой с директором.

— Ну и ну, — развёл тот в растерянности руками. — Это для нас настоящая катастрофа. Дайте немедленно объявление в газету. Пообещайте тому, кто найдёт осла, вознаграждение. Не иголка же!

Увы! На объявление никто не откликнулся. А день отъезда на гастроли неумолимо приближался. И тогда Александр Семёнович решился на отчаянный поступок: конечно же, он незамедлительно отправился к Пулату в кишлак. И ещё издали у ворот знакомого дома увидел своего длинноухого ассистента. Тот мирно пощипывал травку.

Как осёл нашёл дорогу домой через весь шумный город, и для Пулата, и для Александра Семёновича осталось загадкой.

— Я думаю, он соскучился по свежей травке, — рассуждал Пулат.

А длинноухий уже сам виновато тянулся к Александру Семёновичу. Лизал ему щёки, руки: мол, прости, хозяин, прости! Просто малость затосковал я по прежнему хозяину. А сейчас вот отдохнул и готов вернуться в цирк.

Рассказывали, что на гастролях в далёком сибирском городе зрители больше всех аплодировали длинноухому и Бублику.

3

В давние-давние времена умный караванщик ставил осла «головным» вереницы верблюдов. Думаете, осёл выносливее своих двугорбых сородичей? Нисколько. Просто он осторожнее и внимательнее. Осёл издали чует топкие места — такыры — особо опасные для ног животных, солончаки, ямы, рытвины и умело обходит их, ведя за собой караван.

В горах Средней Азии и Кавказа не было прожатого надёжнее осла. Там, где не могла пройти лошадь, осёл запросто одолевал с поклажей самые головокружительные овринги.* Но уж если чуял опасность для себя и хозяина, то — хоть убей — ни за что не двигался с места.

Такой случай произошёл с моим другом, старейшим геологом Василием Николаевичем Никифоровым, в сороковых годах.

— Тогда я работал на Памире, — рассказывал Василий Николаевич. — Искали полезные ископаемые. Не одну тропу пришлось одолеть. С грузом мы обычно отсылали вперёд экспедиционного осла. Послушная, надо сказать, была животина.

*Овринг — узкая тропа в горах.

А однажды на выходе
к очередному ущелью
осёл вдруг
заупрямился.
Ни уговоры,
ни вкусная
лепёшка, ни

даже удары жёсткой камчи* не помогали. Ушастый ни на миллиметр не сдвинулся с места. Такого раньше не было. «Вай, вай, — посетовал провожатый Мирзо. — Неужели кто сглазил? Надо пойти посмотреть, что там впереди». И мы с Мирзо отправились по тропе сами. Минут через пять Мирзо дёрнул меня за руку: «Смотри!» Я глянул на дно ущелья и увидел вымытый дождями и высушенный солнцем череп то ли лошади, то ли дикого барана. Пошли дальше. И черепа животных замелькали чаще. В горле запершило от какого-то ядовитого запаха. «Идём, хозяин, обратно, — потянул меня за рукав Мирзо. — Здесь шайтан** ходил. Гиблое место». «Так вот почему заупрямился осёл», — мелькнуло у меня в голове. Мы вернулись на прежнюю стоянку. А ещё через несколько дней, обследовав загадочное ущелье, обнаружили там богатейшие

* Камча — кожаная плеть.

** Шайтан — чёрт.

кладовые серы. Когда доложили об этом высокому начальству, оно, разумеется, нас похвалило. Только рассудительный Мирзо немного обиделся: «А почему мой осёл не похвалили? Если сказать по правде, он первым почувствовал клад».

4

Возле дома, на скамейках в тенистом скверике, по вечерам собираются пожилые люди. В основном это пенсионеры. Читают газеты, судачат о жизни, режутся в домино. Среди этих людей особо выделялся высокий, сохранивший выправку старик с орденской планкой на поношенном кителе. Было видно, что в прошлом он был кадровым офицером. Евгений Кузьмич Новосельцев — так звали моего нового знакомого — воевал с фашистами на Северном Кавказе. Был командиром миномётного взвода. Пожилые люди в большинстве своём словоохотливые, любят вспоминать прошлое, даже если оно было трудным.

Как-то Евгений Кузьмич показал старый фронтовой альбом с фотографиями. Потемневшие, выцветшие от времени, они сохранили лица однополчан Новосельцева, реалии тех героических дней. Вот группа солдат возле орудий, а вот возле походной

кухни, а на одном снимке среди усталых, видимо, после боя, бойцов стоит серенький ослик. Словно застыл в недоумении перед объективом фотоаппарата.

— А этот осёл как сюда попал? — удивился я.

— Закономерно, — серьёзно ответил Евгений Кузьмич. — У меня во взводе стояли на довольствии два осла — Гришка и Яшка. И они добросовестно помогали нам воевать с врагом... Да-да, не ухмыляйтесь. Без них в трудных условиях гор нельзя было обойтись. Помогали тащить по узким тропам груз, тяжёлые ящики с боеприпасами. Другой-то техники не было. А если бы и была, как бы она продвигалась по бездорожью, по камням? Нет, что ни говорите, ослы для нас, миномётчиков, были верными и надёжными помощниками. Так же, как мы, попадали под град пуль, под разрывы снарядов... Вот на этой фотографии — Яшка.

Его накрыло вражеской миной перед самым концом войны. Мы его хоронили всем взводом, со всеми, если можно так сказать в отношении животных, воинскими почестями. Выкопали глубокую яму, засыпали землёй. И отсалютовали винтовочными выстрелами. Я нигде потом не слышал и не читал, чтобы когда-нибудь ещё так хоронили ослов. Но с тех пор к этому животному я отношусь с особой симпатией...

Я с интересом слушал старого артиллериста Евгения Кузьмича и вспоминал другие слышанные мной рассказы о симпатичных длинноухих осликах. А сколько ещё занимательных историй об ослах, должно быть, ходит по свету, и я их пока не знаю...

АЙ СПАСИБО, АЙБОЛИТ!

Бабушка, уезжая в город, всегда наказывала внуку:

— Ты уж посмотри, Руслан, за хозяйством. Кур, овечек не забудь покормить. Да следи, чтобы птицы не поклевали весь урюк.

Конечно, про хозяйство Руслан никогда не забывает. А вот от розовых скворцов отбою

нет, когда урюк поспеваает. Только зайдёшь в дом, а они тут как тут! Налетят всей стаей и начинают долбить клювом сочные плоды. Не столько съедят, сколько испортят.

Вот Руслан и выбегает во двор, стучит палочками по медному тазу. Разлетаются птицы в разные стороны. Да надолго ли...

Что тут делать? Думал-думал Руслан и нашёл выход: теперь берёт одеяло и с утра ложится на тахту под урючиной. Утром здесь хорошо. Тень от дерева. Ветерок набегаёт с высоких гор. Трепещут листья, а между ними, словно подмигивая, сияют поспевающие плоды. Сочные, сладкие, как мёд.

Руслан любит пить здесь чай с горячей лепёшкой и урюком. Что может быть вкуснее такого завтрака?

Хорошо лежать на тахте, закинув под голову руки! Можно помечтать о путешествиях, о том, кем станешь, когда вырастешь, или погадать, что привезёт бабушка на этот раз — мороженое или бублик с маком. А можно и просто вздремнуть.

Но что это?

Плюх, плюх, плюх, — словно золотой дождь, на землю и на тахту стали падать крупные урючины.

Опять эти скворцы! Облепили всё дерево и радостно верещат, перебивая друг

друга. Только розовые грудки мелькают в листьях.

Ну, погодите! Вскочил Руслан, замахал руками: кыш, кыш! Упорхнули нахальные птицы, лишь одна осталась. Не хочет улетать ни в какую. На ветке сидит и смешно головой вертит.

«Ну и сиди себе, раз так хочется!» — подумал Руслан и снова прилёг.

Но тут скворец слетел на землю и стал прыгать на месте, ещё сильнее вертя шеей. Словно хотел избавиться от чего-то.

«А может, скворец ручной?» — подумал мальчик.

Он слышал от взрослых, что многие держат этих птиц дома, учат их говорить.

Руслан спрыгнул с тахты и, к своему удивлению, легко поймал скворца. Да тот и не сопротивлялся. И тут мальчик увидел, что во рту у птицы застрял какой-то предмет. Он с трудом просунул в клюв скворца пальцы и осторожно вытащил... крупную урюковую косточку.

Вот, оказывается, что мучило птицу!

Скворец сразу же стал вырываться из рук, царапаться лапками: отпусти, приятель, отпусти! Теперь сам справлюсь.

И, конечно же, Руслан отпустил птицу. Выпорхнула она и села на ветку. Осмотре-

лась по сторонам, да как заверещит, как за-
свистит очень похожую на песенку мелодию
из мультфильма:

— Ай спасибо, Айболит! Ай спасибо,
Айболит!

— Смотри, — погрозил ей мальчик паль-
цем. — Не жадничай больше, подавишься!

Скворец что-то прокричал в ответ и уле-
тел.

Когда бабушка приехала из города, во
дворе было тихо.

Куры мирно гуляли по курятнику, клева-
ли зерно. Овцы в небольшом загоне жевали
свежескошенную траву. А Руслан спал на
тахте и чему-то радостно улыбался во сне.

Над изголовьем расхаживала по пери-
лам пёстрая птица и всё время заглядывала
в лицо мальчику.

Бабушка хотела было её прогнать,
да раздумала. Пусть ходит, а то ещё внук
проснётся!

«СОЛНЕЧНЫЙ ПАУК»

Мне восемь лет. Я перешёл во второй
класс. И у меня первые школьные канику-
лы. Я отдыхаю в гостях у бабушки в Сред-
ней Азии. Ем фрукты — виноград, персики,

дыни, пью компоты... Читаю книгу Фенимора Купера «Следопыт». Это вечером. А утром, после завтрака, надеваю головной убор из гусиных перьев и превращаюсь в отважного охотника-следопыта Монтигомо.

А ещё у меня есть самодельный лук и стрелы из камышинок. Я выхожу в сад, заросший душистыми кустами жасмина, сирени и айлантуса. Воображаю, что это африканские джунгли. Правда, олени и слоны мне там не встречаются... Тогда я откладываю в сторону «грозное оружие», беру сачок и ловлю бабочек, жуков-носорогов. Их-то как раз в саду много. Прячу «трофеи» я в стеклянную баночку из-под майонеза. Потом отпускаю.

Однажды на охотничьей тропе я настигаю здорового паука. Он сидит на глиняном дувале* — греется под знойными лучами солнышка. Паук весь какой-то прозрачный, а его длинный зазубренный хвост напоминает перевернутый полумесяц.

Помню, как, подкравшись сбоку, я осторожно накрыл его баночкой. Оказавшись в ловушке, паучище стал бить хвостом по стенке стекла, пытался вылезти, но соскальзывал.

*Дувал — глинобитный забор.

Я захлопнул баночку крышкой и радостный побежал в дом.

— Бабушка, смотри, какого солнечного паука я поймал!

Бабушка надела очки, приподняла баночку на свет и... румянец исчез с загорелых её щёк.

— Ты где его поймал? — спросила бабушка, а сама с баночкой заторопилась в сад.

Я видел в открытую дверь, как бабушка вытряхнула из баночки паука на дорожку и растоптала его галошами. Потом вернулась, обняла меня и почему-то заплакала.

— Ты что это, бабуль? — удивился я. — Паука жалко стало?

— Глупый ты у меня, глупый, — улыбнулась она, вытирая кончиком фартука глаза. — Ты хоть знаешь, какого паука поймал?

— Не-а...

— Это же скорпион! И укус его очень опасен.

Признаться, я не поверил бабушкиным словам. Подумал, что она просто пугает меня, не хочет, чтобы я лазал по кустам. Только потом, когда на соседней улице увезли на скорой помощи девочку, мне по-настоящему стало страшно. Ночью, встав

с постели, она хлебнула из горлышка чайника воды, а там оказался мой «солнечный паук».

Девочку тогда так и не спасли.

ДРАКОНЧИК НА СТЕНЕ

Давно это было. Мы жили тогда в Средней Азии.

Был жаркий летний вечер. Мы сидели на веранде всей семьёй. Пили чай, обсуждали последние новости в посёлке. Вдруг отец спросил:

— Коля, а ты знаешь, что у нас объявился дракон? Самый настоящий!

— Шутишь? — недоверчиво улыбнулся я.

— Нет, не шучу.

Отец быстро взглянул на маму, и та почему-то отвернулась.

— Почему же я его не видел?

— Ничего удивительного. Маленький он ещё...

Я задумался.

— А где живёт дракон?

— Днём в саду, а ночью заглядывает к нам в дом, на огонёк.

— И ты меня с ним познакомишь?

— Отчего же нет?

Тут за перилами, возле яблони, в груди камней, раздался звонкий писк, похожий на ласточкин щебет.

— Тс-с, — отец приложил указательный палец к губам.

— Кто это? — прошептал я.

— Он самый — дракончик. Голос подаёт.

Тут мама встала и вышла на кухню.

Писк повторился, и я, не выдержав, сбежал по ступенькам к яблоне.

От нагретой за день земли тянуло жаром. Но, сколько я ни разглядывал каменистую почву, никто не появлялся. Перевернул несколько булыжин — опять ни шороха. Разочарованный, я встал с колен, поднялся на веранду. Взял чашку с чаем. И тут снова раздался писк.

— Дракончик-то наш не простой, — вздохнул отец. — Поющий! Слышишь?

Слышать-то я слышал, а вот что толку? Нет дракона, как и не было.

— Посиди ещё, попей чайку, — усмехнулся отец. — Может, и увидишь.

Я рассердился, встал и пошёл к себе — спать. Но мысли о таинственном дракончике не давали уснуть. Вдруг, ближе к полуночи, появился отец.

— Иди за мной, — таинственно сказал он.

Я мигом слетел с постели и направился за отцом.

В его кабинете на письменном столе горела лампа. Окно было распахнуто в сад. И оттуда вместе с прохладой в комнату залетали бабочки, хрущи, комары... Они роем порхали вокруг лампы. И, опалив крылышки, то и дело падали на книги. Вот вёрткая бабочка с сиреневыми крылышками чиркнула о лампу и шмякнулась вниз. В тот же миг из-за стопки книг выскочила небольшая ящерица. Схватив бабочку, она моментально исчезла. Но не навсегда. Через некоторое время охотница снова повторила свой манёвр. Тогда-то я и успел разглядеть незнакомку: плоскоголовая, толстоватая, серебристого цвета. Спинку ее покрывали ряды крохотных бугорков в виде гребешка, а поперёк виднелись тёмные полосы.

— Ну, как, познакомился с живым дракончиком? — засмеялся довольный отец.

— Ага, — кивнул я. — А он вправду вырастет в большого дракона? Ну, хотя бы... с барана?

Отец засмеялся, усадил меня на диван и рассказал, что это вовсе не дракончик, а обыкновенный серый геккон. Эта ящерица обитает в Средней Азии и в странах жаркого пояса. Гекконы — ночные ящерицы. К ночному образу жизни приспособлены

и их большие глаза с поперечно прорезанным зрачком. Геккон — единственная ящерица, обладающая голосом. Вечером в камнях именно его писк я и слышал.

А ещё гекконы искусные охотники. Они запросто бегают по стене и по потолку, благодаря невидимым присоскам на их коротких лапках. Потом я не раз наблюдал, как геккон ловко охотился за насекомыми. Увидев на свету сверчка, замирал на месте, резко выбрасывал язык вперёд — и вот уже жертва во рту. Если добыча была крупновата для него, геккон передними лапками помогал заталкивать её в рот. Совсем как наш кот Барсик.

Не знаю, благодаря геккону или кому другому, но в то лето, по наблюдениям мамы, из нашего дома почти исчезли тараканы, пауки, мураши. И не надо было бегать в аптеку за дустом, которым в те годы травили вредных насекомых.

ГРЕЦКИЙ ОРЕХ

(рассказ художницы Н.С.Строгановой)

1942 год. Средняя Азия. Далеко-далеко отсюда идут жаркие бои. Здесь тоже жарко, но жара особенная — ташкентская.

Капли, упавшие из бурдюка водоноса на раскалённую землю, шипят, словно масло на сковороде, и моментально испаряются, превращаясь в крохотные облачка.

Ужасно хочется пить.

Я сижу на разбитом ящике в тени под кучей акацией и дожидаясь маму, ушедшую на толкучку обменять вещи на какие-то лекарства. А пока мамы нет, я наблюдаю за широкими воротами караван-сарая, куда цепочками тянутся ослы, лошади и верблюды, доверху навьюченные тугими мешками.

Особенно мне нравятся верблюды. Высокие, степенные, гордые. И в шаге они медлительны, величавы. Недаром их хозяева, редкобородые аксакалы,* постоянно подгоняют своих «кораблей пустыни» плётками и громко кричат прохожим: «Пошт, пошт!» — мол, расступитесь.

Но вот один из верблюдов останавливается. Подросток-казах отводит его к столбу неподалёку от меня и, кряхтя, привязывает за верёвку. Потом оглядывается по сторонам и направляется в нашу сторону.

— Постереги, дэвочка, ладно? — говорит он, и белозубая улыбка ослепительно вспыхивает на его загорелом лице.

*Аксакал — старейшина.

— Ладно, — киваю я. — Только ты не долго...

Незнакомый паренёк растворяется в разношёрстной толпе.

А верблюд его удивительно красив! Задрал свою страусиную морду к небу и что-то жуёт, жуёт... Ресницы длинные, густые, словно пальмовые листья, а в их глубине глаза, всевидящие, прямо-таки человеческие.

Я невольно тянусь рукой к своей холщовой сумке, где у меня всегда лежат карандаши и альбом для рисования ещё из московских запасов. Раскрываю чистый лист и начинаю делать набросок. Постепенно из контуров проявляется двугорбый житель пустынь. Загадочный, будто египетский сфинкс. Он, как и другие животные, принёс в караван-сарай из далёкого Туркестана в мешках рис, сухофрукты или шерсть... Их потом отправят на поездах на фронт бойцам. «Победа добывается и в тылу», — говорит моя мама.

В раздумьях я не заметила как «портрет» нарисовался сам. Я отодвинула его немного вперёд и вбок, чтобы оценить работу со стороны. И вдруг сзади над самым ухом услышала жаркий шёпот:

— Ка-ра-шо!

За спиной стоял юный хозяин верблюда. Узкие глаза паренька выражали удивление и... восхищение!

— Правда, похож? — обрадовалась я.

— Ош-шень, — важно кивнул мальчуган.

Посопев, он вытащил из-за пазухи крупный грецкий орех и, смущаясь, протянул мне:

— Возьми.

Это был первый мой гонорар. И хотя в те голодные годы постоянно хотелось есть, я спрятала лакомство в кармашек своего халатика. Так и носила его с собой до самой Победы. Кстати, этот знак народного признания до сих пор хранится у меня в письменном столе. А вот рисунок с верблюдом пропал...

НАСТОЯЩАЯ СОБАКА

Один мужик пришел на базар продавать свою собаку — полудворнягу-полуовчарку. Она была абрикосового окраса, а вокруг левого глаза белела большая «заплатка» — родимое пятно. Взгляд у собаки строгий, осмысленный. Была она, однако, очень ласковой.

— Берите, — предлагал мужик, — незаменимый сторож!

Покупатели подходили, осматривали клыки пса. Гладили по холке, цокали языком — мол, хорошая собака. Но не покупали, уходили к другим — породистым: догам, фокстерьерам, болонкам.

Так мужик приходил на базар и во второй раз, и в третий, и в четвертый, и в пятый... Покупателей не находилось.

Мужика в помятой шляпе и его спутника, пса, завсегдатаи базара уже узнавали издалека. Некоторые скрыто злословили: «Что, не продал ещё? Хе-хе... Да кому нужна такая дворняга...»

Тётка в замусоленном фартуке, продававшая беляши, с улыбкой предлагала:

— Возьми пирожок! Угости-ка пса. Что животное голодом-то морить?

Розовощёкий чайханщик гостеприимно распахивал объятия:

— Зайди в чайхану, добрый человек! Попей чаю, и друг твой отдохнёт.

Парикмахер выходил из своей будочки-мастерской, звонко щёлкая ножницами, пошучивал:

— Моя помощь не нужна? А то живо подправлю собаке причёску! Будет не хуже пуделя.

Люди хохотали.

Мужик мгновенно краснел и старался скорее прошмыгнуть к асфальтовому пятачку, где продавали лающих, гавкающих и скулящих.

И вот на шестой день отыскался-таки долгожданный покупатель. Им оказался толстый носатый турок. В феске и в очках.

— Как зовут? — похлопав себя по животу, спросил он на чистом русском языке и ткнул пальцем в сторону собаки.

— Анчар, — сказал мужик и, кажется, впервые, улыбнулся. — Хорошая собака.

— Вижу, — согласился турок, — а то бы не подошёл.

Как водится в таких случаях, поторговались. Сошлись на подходящей для обоих цене, хлопнули ладонью о ладонь, и поводок Анчара оказался в руках важного господина.

Порадоваться бы мужику, что сбыл, наконец, животину, а он возвращался домой и никого вокруг не замечал. Что называется, спотыкался на ровном месте. Не слышал, о чём спрашивала его торговка беляшами, что кричали чайханщик, парикмахер...

Но у самых ворот базара мужик почувствовал сильный толчок в спину. Он сразу очнулся. Обернулся и увидел... Анчара с оборванным поводком. Пёс виновато скулил и преданно заглядывал в глаза бывшего хозяина. И тут мужик не выдержал, опустился на корточки и приник лицом к холке Анчара. Горькие слёзы душили его и стекали в густую пёсью шерсть.

Когда мужик поднял голову, он увидел над собой носатого турка. Тот держал в руке оборванный конец поводка. Нет, турок вовсе не сердился. Отводя глаза, сочувственно сказал:

— Я сразу понял, что это *настоящая* собака! — при этом особо выделил слово «настоящая». — Э, дорогой, пожалуй, не стоит друзей продавать. Так что вот ваша собака, а деньги — мне...

Мужик задумчиво брёл домой. А впереди него, весело подпрыгивая, бежал Анчар.

Больше люди не встречали на базаре чудаковатого человека в помятой шляпе с полудворнягой-полуовчаркой на поводке.

МОЙ ДРУГ ДИНОЗАВР

Из одного своего путешествия по Средней Азии папа привёз необычную добычу: живую ящерку. Ушастую, песочного цвета,

чуть меньше карандаша. Хвост её то сворачивался крючком, то выпрямлялся. Открывая розовую пасть и показывая острые зубки, ящерица становилась большеротой — настоящий живой дракон. Кажется, вот-вот проглотит! И, наверное, проглотила бы, окажись немного побольше.

Поместили маленькое чудище в пустой аквариум, на дне которого лежали камушки и засохшие травинки.

— Эта ящерица — ушастая круглоголовка, — пояснил папа. — Она прямой потомок древних динозавров. Ей миллионы лет.

Нельзя сказать, что квартирантка мне очень уж понравилась. Но потом я стал кормить её гусеницами, жуками, мухами, пауками. И не заметил, как постепенно... привязался. И ящерица перестала меня бояться. Больше не надувалась. Хватала «добычу» прямо из рук.

А потом наступило лето, и однажды, проснувшись утром, я вдруг не обнаружил своего дракончика. Аквариум был похож на чисто вымытое окно. Пришлось облазить в доме все углы, все щели... Ящерица как сквозь землю провалилась!

«А может быть, и не сквозь землю, — подумал я, — просто у моего дракона выросли маленькие крылышки, и он улетел обратно,

в своё время?..» И мне сделалось так грустно, так... Но тут как раз на соседском балконе кто-то громко завизжал:

— Игорёк, Игорёк! Какой кошмар! Иди скорее сюда!

Я живо перемахнул через барьерчик и оказался у соседей. Тётя Зоя, уперев руки в бока, показывала глазами на кактус в железной посудине и разгневанно вопрошала:

— Твой дракончик, которого ты искал?

Действительно на песочке, приветливо распахнув пасть, сидела моя... подружка.

— Вот ты где, оказывается! — обрадовался я, подхватив беглянку, и, забыв поблагодарить соседку, быстро полез к себе домой.

Ночью, уже засыпая и анализируя случившееся, я вспоминал о своей главной — и непростительной! — ошибке... Как же я забыл насыпать в аквариум песку?! Обязательно надо принести, причём помягче и потеплее. И непременно посадить кустик полыни. Пусть бывший аквариум всегда напоминает ящерке её родные Каракумы. И тогда она никуда больше не убежит! И ещё я подумал о том, что моя круглоголовка только с виду такой страшный дракончик. А на самом деле — очень даже симпатичная ящерица. И к тому же, мой самый настоящий и верный друг!

НАШИ КОШКИ

Разные это были кошки. И по внешности, и по характеру. И жили они у нас в доме в разное время. Вот только клички у наших кошек были самые что ни на есть обычные.

Мурка.

Мама подобрала её в сквере. Шёл сильный дождь, и маме не оставалось ничего другого, как вытащить из-под скамейки дрожащего котёнка, отнести его домой и напоить тёплым молоком. Отогревшаяся Мурка забралась на старый мамин фартук и уснула. Оказалась она ладной кошечкой — гладкошёрстной и большеглазой. За свои кошачьи обязанности Мурка взялась с большим рвением: целыми днями подстерегала мышей, с утра до вечера проводя время в подполе. Но стоило маме поскрести ножом по дну тарелки (так у нас хозяйки подтачивали к обеда ножи), как Мурка сразу же появлялась как из-под земли.

Если же обед запаздывал, Мурка принимала свои меры. Ухватится когтистой лапой за скатерть и тащит её вниз, вместе с посудой. Лакомка по натуре, она и в кладовую, где хранились наши скромные припасы,

начала наведываться. Потом из курятника стали пропадать цыплята.

Муркины далеко не безобидные проказы, в конце концов, вышли боком ей самой. Один из частых гостей в нашем доме, дядя Сёма, как-то подкараулил большеглазую шкоду во дворе, быстренько запихнул в мешок и отвёз на подвернувшемся грузовике в степь. Там, километрах в ста от родного дома, он и бросил несчастную Мурку на произвол судьбы.

Мы долго не могли забыть нашу вороватую Мурку. Особенно огорчалась мама. Казалось бы, не надо всё время выскакивать во двор, по несколько раз на дню заглядывать в кладовку... Одним словом, живи себе да радуйся. А вот на ж тебе, поди...

Но спустя полгода, как раз в канун новогодних праздников, когда на дворе мела свирепая, прямо-таки русская метель, в дверь нашего дома кто-то тихонько поскрёбся. Мама приоткрыла, и... в клубах сизого морозного дыма в коридор шмыгнула тощенькая глазастая кошечка. Радости нашей не было предела. Вернулась-таки, шкода! Мурку досыта накормили, обласкали и уложили спать на мамин фартук. На другой день в доме только и было разговоров, что о Мурке — где пропадала, откуда взялась. Недоумения наши рассеял дядя Сёма, вечером,

как всегда, забредший на огонёк. Увидев Мурку, безмятежно спавшую на своём месте, дядя Сёма прямо-таки оторопел:

— Я же её аж до самых Курамин довёз! Специально мешок для этого взял. А она...

Вид у дяди Сёмы был, надо сказать, довольно глупый. Да и было отчего... Я ведь и сам до сих пор не понимаю, как могла наша Мурка найти обратную дорогу. Она прошла сто километров глухой, ровной, как стол, степью. Вскарабкивалась на холмы, продиралась сквозь кустарники в редких рощах, но шла, шла... Последний отрезок пути она одолела по жёсткому снежному насту, в сильную метель... Непостижимо! Невероятно!

На радостях мы, конечно же, простили дядю Сёму. А Мурка на следующий же день вышла на свою обычную охоту. Но вот что интересно! С тех пор Мурка никогда больше не покушалась на хозяйские запасы и вообще вела себя самым лучшим образом.

— Точно подменили кошечку, — удивлялась, бывало, мама, — как шёлковая стала...

Пушок.

Это был спокойный, даже меланхоличный котяра. Он либо пропадал где-то на огородах, либо отсыпался после долгих, порою недельных отлучек под лавкой.

Выспавшись, Пушок сначала долго потягивался, потом приводил в порядок свою изрядно потрёпанную, но всё же роскошную шубку и, наконец, плёлся на кухню — поклянчить какой-нибудь еды. Мамины упрёки в дармоедстве кот переносил стоически; только однажды, когда мама особенно разгорячилась, Пушок был вынужден ретироваться из кухни. Вернулся он, впрочем, буквально через несколько минут — с задушенной мышью в зубах. Добыча была сложена у ног хозяйки, после чего Пушок тут же отправился обратно под лавку — досыпать.

— У этого кота нервы как верёвки, — смеялся, бывало, отец. — Сдать его, что ли, в пожарную команду? Такие, говорят, при тушении огня незаменимы.

Насчёт героического будущего Пушка отец словно в воду глядел... В тот день наш кот вернулся из своего очередного похода. Всё шло по обычному расписанию. Однако ночью, когда все в доме уже давным-давно спали, Пушок неожиданно проснулся и пошёл гулять по комнате. Делал он это с необычным, прямо-таки подчёркнутым шумом: прыгал со стула на стул, висел, мяукая, на занавеске. А потом и вовсе залез на стол и стал по нему прохаживаться, попутно опрокидывая стаканы и роняя на пол ложки.

Проснувшись от стука и звона мама села на постели, протирая глаза, не в силах понять, что случилось с нашим всегда таким спокойным котом. Рассерженный отец вскочил, чтобы дать хорошую взбучку обнаглевшему Пушку. И в этот момент... Пол качнулся под ногами, потолок вздрогнул и затрещал. В воздухе резко запахло извёсткой. Затем послышался глухой гул, идущий откуда-то из-под земли.

В мгновение ока отец очутился возле моей постели. В следующие секунды мы втроем — отец, мать и я — были уже во дворе. Последним — шерсть встопорщена, хвост трубой — выскочил наш Пушок. И тут же с грохотом рухнула часть стены в спальне.

Так соня и лентяй Пушок спас всех нас во время знаменитого землетрясения в Ташкенте.

А не окажись нашего кота в тот день дома... До сих пор мороз пробегает по коже при одной мысли об этом.

В а с ь к а.

Ни до, ни после Васьки я не встречал такого здоровенного кота. Он вымахал прямо-таки с небольшую собаку! Может быть, из-за таких размеров и повадки у Васьки были какие-то не кошачьи.

Однажды мама пригласила телевизионного мастера, а сама ненадолго отлучилась

в магазин. Тут как раз и появился мастер. Смотрит: калитка открыта. Мастер прошёл к дому. Но на звонок в дверь никто не отозвался. Пожав плечами, мастер повернулся, чтобы отправиться восвояси. Но не тут-то было!

Посреди дорожки вырос — и откуда только взялся? — огромный котище. Шерсть вздыблена, глаза горят. Мастер попытался обойти разъярённого кота, но тот снова встал на его пути. Да при этом ещё и пасть оскалил. Совсем как сторожевой пёс.

Пришлось мастеру дожидаться возвращения хозяев. Так и стоял он, бедняга, с чемоданчиком в руках, пока мама не вернулась и не освободила его из плена.

Зато телевизор был починен. А Васька в награду за свою службу получил вторую кличку — Шериф.

С тех пор, уходя, мы без опаски оставляли двери дома открытыми. Чего опасаться, если охрану нашего имущества несёт злой сторожевой кот Шериф?

БУДЬ ЗДОРОВ, ФИЛЯ!

В начале лета ходили мы с ребятами купаться на Сырдарью. Вода была ещё мутной, цвета суглинка, холодной, но возле берега

у нас завелась любимая заводь. Вода тут успевала за день прогреться. Здесь-то мы и ныряли с высокого берега, барахтались, кто во что горазд, пускались вперегонки. Накупавшись вволю, до синих пупырышков, выскакивали на берег и падали на горячий песок.

С высокого берега хорошо просматривалась широкая гладь реки. Залитая высоким солнцем, бурунистая вода несла с собой смытые деревья, корневища, щепки. Они натыкались друг на друга, скрежетали, булькали. Над белесоватыми гребешками волн кружились крикливые чайки, хватали на лету снулую рыбёшку. Иногда на перекатах всплёскивала крупная рыбина. И тогда один из нас непременно восклицал:

— Ух, ты! Какой сомина всплеснул...

— Да нет... Похоже, сазан, — сомневался другой. — Видели, как на солнце блеснула чешуя? У сома не бывает чешуи. Он склизкий.

— Сом, сом! — не соглашались ребята.

Многие из нас были заядлыми рыболовами, и каждый мечтал когда-нибудь поймать пудового сомину — на зависть друзьям и на удивление родне.

... И в этот памятный день, ворочаясь, плыли по реке корневища, заполошно пикировали чайки, били хвостами рыбины.

Мы лежали на берегу, блаженно загорая на зернистом песочке. Один Валерка по-над самым обрывистым берегом что-то старательно высматривал в воде. И вот... он насторожился, привстал на локтях. Потом вскочил, замахал руками и закричал:

— Ребята! Смотрите, гнездо!

Мы, понятно, тоже немедленно вскочили. Возле самого берега, слегка покачиваясь на волне, плыла шапка из прутьев и пуха, уже мокрая, а в ней, озираясь по сторонам огромными глазами, сидели два птенца-несмышлёныша.

Я, не раздумывая, первым бултыхнулся в воду.

Уже на берегу ватажка друзей тесным кольцом облепила меня. Мы удивлённо разглядывали диковинных птенцов — большеголовых, крючконосых. Таких никому ни разу до этого не доводилось встречать. Что за птицы?

— Наверное, совята, — предположил кто-то.

— Ну, да... Совята, — подтвердил другой. — Смотрите, как они зыркают по сторонам.

— И вовсе не совята, — уверенно сказал рассудительный Валерка. — Это филинята. У них у всех имеются ушки. И у этих птенцов тоже. Видите?

Как потом выяснилось, Валерка оказался прав. Посоветовавшись, мы решили птенцов не оставлять — погибнут. Вокруг ведь ни кустика, ни деревца. А ночью по берегу могут рыскать лисы, шакалы. Какие они зубастые — всем известно. Но кто же возьмёт филинят на воспитание?

— Ты спас, ты и бери, — сказал Валерка. — А мы тебе будем помогать растить птенцов.

С такой перспективой согласились все.

У нас во дворе, возле сарая, стояла клетка, где когда-то жили голуби. В неё-то я и поселил птенцов-новосёлов.

Филинята оказались страшно дикими, капризными. Первые дни они отворачивались от пищи, больно клевали руки. Но голод, как говорится, не тётка. На третьи или четвёртые сутки я стал замечать, что кусочки сырого мяса, которые с вечера я им оставлял в миске, наутро исчезают. А потом филинята привыкли ко мне, да и к поселковым ребятам тоже. Мы таскали им дохлых мышей, задушенных кошкой цыплят, воробьёв... И ещё издали, услышав наши шаги, филинята начинали весело прыгать по клетке, бить крыльями по металлической сетке.

А вскоре в нашем филинятнике приключилась беда: одного из птенцов утром нашли недвижимым.

— Наверное, перекормили, — предположил со вздохом Валерка.

— Да, не та пища для птицы была, — поддакнул дед, с интересом наблюдавший, как мы ухаживаем за диковинными птенцами.

Конечно, малыша было жалко: уже почти подросток — и на тебе...

Тогда я раздобыл книжку по зоологии, чтобы всё-всё вычитать об этой малоизученной птице. И многое узнал. И то, что филин — птица сумеречная, ночная, только с наступлением темноты она начинает летать. И то, что у неё поразительный слух, — за десятки метров может учуять под листьями мышь. И то, что филин предпочитает питаться грызунами — вредителями полей и садов. А ещё я узнал, что до недавнего времени филины безжалостно истреблялись. И всё из-за суеверия людского: из-за их перьев-талисманов, якобы берегущих детей от порчи и сглаза. Но, конечно же, всё это было неверно. Теперь филинов охраняют и даже занесли в Красную книгу. Прочитал я и о том, что эта птица в нашем краю гнездится по обрывам рек и оврагов — в норках и щелях.

Видимо, такой обрыв на Сырдарье подмыла вода и наши филинята оказались в ледяной купели. Сколько их так гибнет! Хорошо ещё, что мы оказались у реки.

... К концу лета филинёнок подрос, превратился в крупного красивого филина. Перо его стало тугим, ушки выпрямились, а вокруг глаз образовалась твёрдая роговица. Клюв поблёскивал, как шило. Только берре-ги-сь!

Мы с ребятами очень привыкли к Филе — так прозвали мы птенца, — да и он не боялся нас. Однако теперь держать птицу в клетке было опасно: она могла забыть, как нужно самостоятельно добывать себе пищу. А это смерть! И тогда мы решили отпустить филина на волю.

С первыми звёздами вышли к тутовой роще. Открыв клетку, слегка подбросили птицу. И, удивительное дело, Филя легко вспорхнул! Будто рождён был прямо в небе. А ведь до этого он ни разу не летал. Птица сделала несколько бесшумных кругов над нами и скрылась в сумерках за тузовыми деревьями. Прощай, Филя!

А потом я уехал в город — начались школьные занятия. Глубокой осенью нам пришло письмо от деда. Он подробно расспрашивал о моём здоровье, о житье-бытье, о друзьях, о школе... А в конце, как бы между прочим — ну и хитрец мой дед! — сообщил, пожалуй, самую главную новость: «А ещё, Колюнька, хочу тебе отписать, что недавно к нам

прилетал твой Филя. Только был он не один, а с дружкой, таким же филином. Он сел на дверцу клетки и громко кричал. Наверное, благодарил своего спасителя...»

Не знаю, что уж там хотел своим зычным криком сказать Филя, но мне от такой вести действительно стало радостно. Будто ко мне снова вернулись лето и Сырдарья. И мои новые поселковые товарищи, с которыми меня так сдружила птица.

Будь же здоров, друг Филя!

КАБАНЬИ ЯБЛОКИ

У Димки дедушка лесник. Каждое лето Димка проводит у деда в горах. Помогает ему по хозяйству: колет дрова, носит воду из родника, пасёт на поляне бычка.

И Димке такой отдых на природе очень нравится. А уж дед во внуке просто души не чает. Вечером, возвращаясь с обхода, он обязательно что-нибудь да принесёт Димке. То необычный, жёлтый в пятнышках, голыш, похожий на черепашку, то котелок кисло-сладкой ежевики, то крупный прошлогодний орех. При этом дед таинственно прибавлял:

— Не правда ли, тяжёлый? Это орешин король...

А однажды дед принёс в рюкзаке яблоки. Рассыпал их на столе, круглые, розовые, тугие.

Взял Димка яблоко, надкусил и улыбнулся: вкусное!

Потом другое взял.

— Что, понравилось? — спросил дед.

— Ага.

— Значит, не ты один такой сладёна.

Димка удивлённо посмотрел на деда.

— Да-да, яблоки-то необычные, — подтвердил старый лесник.

— Чем они необычные? Тем, что сладкие?

— И этим тоже.

— А ещё чем?

— Тем, что они кабаньи.

— Ну, деда, ты всегда что-нибудь придумываешь, — усмехнулся Димка.

— А вот и не придумываю.

— Чем докажешь?

Дед молча вытащил из кармана яблоко, съеденное на треть.

— Прямо-таки кабанье?

— Оно самое.

По Димкиному лицу дед понял, что не совсем убедил внука. Тогда он предложил:

— А хочешь, я тебе покажу кабанью яблоню?

— Хочу, — загорелся Димка.

Ещё затемно дед поднял внука. Над горами сияла луна. Круглая, словно начищенный таз. Димка с дедом, стараясь не шуметь, шли узкой козьей тропой. Обогнув Медведь-скалу, они направились к зарослям боярышника, темневшим возле бурной речушки Аксу. Скоро путники оказались на месте.

Расстелив у огромного валуна тёплую тужурку, дед шёпотом приказал:

— Ложись! — и опустил перед Димкой бинокль. — Как только начнёт светать, смотри вон на ту поляну. Видишь одинокую яблоньку?

— Ну.

— Смотри внимательно.

В горах светает рано. Вот и первый солнечный луч проблеснул над дальней вершиной.

— Не зевай, — подтолкнул дед внука.

Димка схватил бинокль и направил его в сторону поляны. Никого и ничего. Он уже собрался было вернуть бинокль и надуться на деда, как вдруг на поляне показались огромная щетинистая свинья и пять полосатых кабанчиков. От такого зрелища сердце у Димки прямо подпрыгнуло.

Но что там делают кабаны?

Вот взрослая свинья подошла к яблоне и с силой стала чесать бок об её ствол.

В дедов привезённый ещё с войны артиллерийский бинокль было хорошо видно, как

яблоки маленькими мячиками падали в траву. А поросята, видимо, визжа, хватали их.

«Вот это да!» — удивлялся про себя Димка.

После завтрака кабанье семейство так же неслышно, как и появилось, растворилось в непролазных зарослях боярышника.

— Теперь-то веришь мне? — спросил дед по дороге домой.

— Верю, — утвердительно кивнул Димка, довольный прогулкой.

— Понимаешь ли, — пояснил дед, — я раньше и не подозревал об этой дикой яблоне, пока однажды не нашёл на кабаньей тропе несколько яблок.

Дед был опытным следопытом. По тем яблокам он и отыскал деревце-дичок. Только плоды его отчего-то оказались сладкими.

«Вернись в школу, обязательно угощу ребят кабаньими яблоками, — подумал Димка. — Вот удивятся!»

КРАСАВЧИК

Ула-е-ри!

Голос невидимой птицы с каждым слогом, наливаясь звонкой спелостью, поднимается всё выше и выше. Над неостывшими ещё за ночь камнями, обветренными скалами,

бесконечными цепями голубоватых гор, увенчанных белыми шапками снега.

Козочка грубо оттолкнула козлёнка от тёплого вымени и отскочила в сторону. В ту же минуту с галечной осыпи с шумом поднялась птица улар и скрылась в рассветных лучах восходящего солнца.

Вскоре с вершины противоположной скалы снова раздался её неповторимый свист: ула-е-ри!

Козочка и козлёнок долго смотрели в её сторону, пока вместе с шорохом гальки не затих первоначальный страх. Ведь рядом мог оказаться и смертельный их враг — снежный барс. И голос птицы, и полыхающая маками в долине весна, и огромное оранжевое солнце, как и запах материнского молока, надолго запомнились козлёнку.

Как давно это было!

Маленький козлёнок вымахал в большого красивого козла. Мускулистого, сильного. В несколько прыжков он мог одолеть головокругительной глубины пропасть. Густая рыжая шуба надёжно защищала его от свирепых холодов. По спине пробегал тёмный ремешок, а голову венчали полутораметровые рога-полумесяцы. На них ясно просматривались пять колец. Пять годовых поясов.

— Сибирский козёл, — с гордостью называли его геологи.

Красавчик жил высоко в горах, где дули сильные ветры и было прохладно даже знойным летом. Зато не донимали слепни и оводы. В стаде, где было двенадцать самцов, он выделялся могучим сложением и более светлым окрасом.

Самки и молодняк обитали несколько ниже. Там было больше корма.

На водопой козлы цепочкой спускались в долину, где по валунам прыгала ледяная речка. На ночь они забирались на недоступные для хищников скалы. Гранитные карнизы укрывали их от ветра, дождя и снега...

Однажды в горах с Красавчиком чуть не приключилась беда. Вот как это было. Винторогий, отстав от стада, шёл по козьей тропе один. И тут из-за огромного валуна ему навстречу вышел человек. Он был в куртке, тёплых брюках и сапогах. За плечом на ремне висела какая-то железная палка.

От человека пахло табаком и ещё чем-то. Красавчик, хотя и обладал завидной силой, но всё же испугался незнакомца. Мало ли что у того в голове?

Он гулко шарахнул задними копытами по острому щебню и вихрем помчался в спасительные скалы.

Тут же позади раздался оглушительный гром. Один, второй, третий... Железные градины ложились у ног, разбивали камни, царапали гранит.

Красавчик не знал ещё, что это были смертельные пули, а железная палка — ружьё.

Об этом он узнал позже, когда во второй раз встретился с охотником-браконьером. Красавчик столкнулся с ним на перевале. Акмаль (так звали горе-охотника) выстрелил в упор. На этот раз сибирского козла спасли рога. Пуля попала в рог и с визгом срикошетила. На месте удара осталась щербинка — горькая метка.

После этой встречи Красавчик навсегда запомнил запах человека.

Он и потом встречал опасные уловки Акмаля. Острые клыки охотничьих капканов не раз вонзались в ноги других козлов. И тогда Красавчик всем своим нутром чуял поблизости страшный человеческий запах. Ноги сами стремительно несли его к недоступным карнизам.

Жизнь, полная опасностей, со временем научила Красавчика многому. Он умел находить потайные тропки к местам, где было много сочной травы, избегать снежного

барса и волков. А с недавних пор Красавчик стал вожаком стада и забот у него прибавилось. Теперь он сам водил сородичей к кормовым полянам и на водопой. Поднимался с ними к заоблачным снегам. Оберегал от хищников и... человека.

Поздней осенью, когда в горах поспела боярка — ягода, напоминающая крохотные жёлтые яблочки, Красавчика всё чаще и чаще стало одолевать смутное беспокойство. Раньше он не ощущал ничего подобного. Незнакомая сила влекла его вниз, в долину, где в окружении трёх самочек с некоторых пор появился незнакомый козёл. Такой же сильный и ловкий, как Красавчик. Вожака, словно магнитом, тянуло к одной из козочек этого новоявленного ухажёра. Она была грациозной и кроткой. А светлая шёрстка белым пламенем мелькала на фоне пожухлой растительности. Наконец Красавчик не сдержал своей жгучей ревности. Осторожно спустился вниз.

Рыжий незнакомец, словно ждал этого момента. Он угрожающе наклонил башку, выставил вперёд рога: мол, только подступись!

Красавчик не стерпел такого нахального приёма. Он воинственно тряхнул головой и молнией понёсся навстречу сопернику.

Он скрежета рогов содрогнулся воздух. Красавчик был крупнее и давил рыжего всей своей стокилограммовой массой. Устав бороться, они расходились, но тут же, встав на дыбы, бросались в очередную атаку. И вот противник не выдержал, отступил. Красавчик, почуяв победу, радостно кинулся за ним в погоню, совершая немыслимые акробатические прыжки. Козочки покорно бежали за победителем. С ними была и та, светлая, кроткая.

Весь следующий день Красавчик провёл с новыми подружками. Вместе с ними поднимался в заоблачную высь и опять спускался в долину. Показывал козочкам свои излюбленные места — родники, пятачки с оставшейся кое-где травой. Особенно он был чуток и внимателен к своей избраннице.

На рассвете Красавчик повёл козочек к заветной скале. Там он чувствовал себя в безопасности, там можно было отдохнуть под карнизом.

Уже у самого подножия, на узкой тропе, вожак вдруг услышал зловещий щелчок. В ту же секунду всё тело пронзила нестерпимая боль. Передняя нога была намертво схвачена острыми стальными зубьями. Красавчик пытался вырваться из западни

и в бешенстве колотил копытом по капкану: р-раз, р-раз, р-раз! Однако боль подкашивала его, и он заваливался на бок. По холодному металлу стекали тонкие струйки горячей крови.

Как когда-то в раннем детстве с заветной скалы раздался знакомый голос птицы:

—Ула-е-ри!

В больших ореховых глазах Красавчика выступили слёзы.

Сбоку послышался сторожкий шорох осыпающейся гальки. Козы, до этого наблюдавшие за мучением вожака, разом рванулись с места и, обгоняя ветер, скрылись за седыми валунами.

Красавчик почувствовал знакомый страшный запах человека. Он знал, что человека надо бояться больше, чем снежного барса или волка, но дыхание вожака становилось всё тяжелее и тяжелее.

Акмаль, радостно потирая руки, приближался к Красавчику.

— Ах, знатный шашлык-машлык будет, — напевал он.

Вот браконьер подошёл к жертве, не спеша скинул с плеч рюкзак, присел на корточки и начал его развязывать. В руках блеснуло острое лезвие. И тут неведомая обида захлестнула Красавчика. Не видя

ничего, кроме приблизившегося человека, он вскочил с места и всю свою оставшуюся силу вложил в один мощный удар. Человек упал навзничь. От бешеного рывка лопнуло крепление капкана, и Красавчик сорвался в пропасть. Он летел, кувыркаясь. Мимо мелькали любимые скалы, знакомые лужайки, лучи солнца. Глубоко внизу чернели острые камни.

А птица на скале, как ни в чём не бывало, продолжала свистеть:

— Ула-е-ри! Ула-е-ри!

КРАСНЫЕ УТКИ

Только сойдут с полей снега, только на солнечном припёке появятся зелёные щетинки трав, и на арнасайские разливы из далёких средиземноморских стран прилетают красные утки — атайки. Важно, погусиному, прохаживаются они по золотистому песочку. Этот вид птиц, как говорят зоологи, занимает промежуточное место между гусем и уткой.

На внешней части крыла атайки ярко вырисовываются блестящие зеркальца. Сама же она рыжевато-белая, с тёмным клювом и чёрными лапками.

Ещё во время долгого перелёта утки разбиваются на пары. Вот и эти две атайки облюбовали небольшое озерцо, заросшее рогозом, камышом, вейником. Сделали над ним несколько кругов и опустились на сухой пятачок.

Здесь у них и началась новая жизнь. Какие только брачные игры не устраивали птицы! То селезень высоко взлетал в небо и оттуда с резким свистом крыльев планировал навстречу своей подруге, то оба они взмывали ввысь, и в воздухе долго слышались их громкие «разговоры».

Но игры играми, подросла пора подумать и о гнезде, о будущем потомстве. Да в том-то вся и закавыка, что эти утки не строят гнёзд, как многие их сородичи.

Для гнезда они выбирают на крутом берегу щель или небольшое углубление. А если нет ни того ни другого, атайки занимают нору барсука или лисицы и даже... провалившуюся могилу. Гнездование атаек на кладбище породило на Востоке легенду, будто из яйца этой утки выводится щенок среднеазиатской гончей — тазы. Вырастая, он якобы набирает необычайную скорость бега. Способен догнать любого зверя. Найдёшь такого щенка — и будешь самым удачливым охотником.

Атайки долго искали место для гнезда, но ничего подходящего не нашли. И тогда утка присмотрела в овраге нору лисицы. Когда настоящая хозяйка вернулась, она сразу почувяла, что её жилище кто-то занял. Лисица сунула было мордочку в нору, а оттуда — ой-ой-ой! — что-то ужасное потянулось навстречу. Как зашипит, как завертит длинной шеей! Не птица, а змея настоящая. Со вздыбленной от страха шерстью кумушка лиса поджала хвост и бросилась наутёк — искать новое жилище.

Целый месяц высиживала атайка утят. Селезень всё это время охранял подругу. А если в воздухе начинало «пахнуть грозой», жалобным криком оповещал ее об опасности. И они вместе поднимались в небо и кружились возле гнезда, отвлекая врагов: вездесущего шакала, хитрого дикого кота — манула...

А когда, наконец, утята вылупились, мама

утка повела их знакомиться

с окрестностью. И прежде всего, конечно, к любимому озерцу.

Дорога к нему была

неблизкой. Утята с трудом поспевали за мамашей.

Ковыляли, спотыкаясь о прутьки и камушки, громко попискивали. Но вот вддали ослепительно блеснуло озерцо. Возле невысокого обрыва утиная семейка остановилась. Мамаша утка свысока осмотрела своих малышей — все ли целы? — и смело прыгнула в воду.

— Делайте, как я! Кря-кря! — крякнула утка.

Однако утята боязливо столпились у края обрывчика и трусливо попискивали, не решаясь сделать отчаянный шажок. Но утка ещё раз попросила желтоклювиков следовать за ней. А те ни с места!

Но вот самый смелый наконец-то шагнул вперёд. За ним второй... третий... двенадцатый. Шлёп, шлёп, шлёп! Попрыгали в воду. Плавают, плещутся, ныряют возле смелой мамы утки. Будто никогда и не вылезали из воды.

Как-то во время очередных «солнечных ванн» в небе появился болотный лунь — страшный враг утиногo рода. К счастью, селезень-папаша находился рядом.

Он тут же, словно истребитель, поднялся в небо и храбро атаковал хищника. Лунь, не ожидая такого отпора, трусливо ретировался несолоно хлебавши.

А ближе к лету на озерце появились люди. Сев в лодку, они хотели поймать утят-хлопунков, чтобы окольцевать их и отпустить обратно. Окрепшие и самые ловкие утята сразу же попрятались в прибрежные заросли, а вот самый слабый отстал. Но к нему на помощь вовремя подоспела утка-мама. Она помогла птенцу забраться к себе на спину и быстро увела его в камыши.

...Незаметно пройдёт жаркое лето. Утята вырастут, научатся летать, самостоятельно добывать корм. А когда похолодает, десятки солнечных крылышек вместе с взрослыми красными утками взмоют в небо и улетят на зимовку в тёплые средиземноморские страны. До будущей красной весны.

РУЧНОЙ КАРЛУША

Весна уже всю гуляла по земле. Мы с егерем плыли вдоль густых зарослей тростника. С трудом, при помощи шеста, пробирались по узким протокам. Иногда выплывали

на чистые разводья. И тогда с воды с шумом поднимались «местовые» утки. Сделав круг, они садились на другое открытое место.

Вскоре впереди нас послышалось разногласное карканье. Подплыв ближе, мы увидели на воде мёртвую чёрную ворону. Она лежала возле водорослей. Неподалёку, на старой ветле, находилось её гнездо. В гнезде сидели два оперившихся воронёнка. Они громко кричали и просили кушать.

Чёрную ворону чаще всего можно встретить в глухих местах, где она любит гнездиться. Это осёдлая птица. От серых сестёр она отличается тем, что от клюва до лап — чёрная. Для охотничьих угодий это очень вредная птица. Как и серые вороны, в весеннее время она разоряет чужие гнёзда, истребляет детёнышей ондатры. Охотники и егеря при возможности ворон отстреливают. В неволе молодые чёрные вороны быстро привыкают к людям.

Я с трудом поймал одного птенца и взял его в лодку, другой, цепляясь коготками за кустарник, скрылся в зарослях.

— Не тр-ронь меня! Не тр-ронь! — капризничал воронёнок и пытался «куснуть» меня клювом.

В лодке лежало несколько мелких плотвичек. Я угостил рыбкой птенца. Он, похоже,

смирился и с удовольствием проглотил угощение.

Уезжая в город, я взял с собой воронёнка. Дома я устроил новосёла в шкафу на балконе. Меня птенец уже не боялся и, когда я его гладил, издавал негромкие гортанные звуки.

— Ешь, Карлуша, ешь! — приговаривал я, кормя птенца.

Он благодарно тёрся головой о мою руку и требовал добавки.

В еде воронёнок был непривередлив: ел варёный картофель, фрукты, мясо, рыбу.

Птенец быстро привык к своей кличке и послушно на неё откликался

Свой первый полёт Карлуша совершил совершенно неожиданно. Вот как это было. Над городом погромливала весенняя гроза. Порывистый ветер с шумом захлопнул дверцу шкафа и... сдул птицу с балкона четвёртого этажа. Когда я посмотрел вниз, Карлуша уже важно вышагивал по тротуару под крупными каплями дождя.

И, похоже, это «падение» несколько не напугало его.

Наоборот, весь вид птенца говорил: «Вот я какой храбрый! Сам полетел!»

Я хотел было спуститься за ним, но соседские мальчишки

опередили меня: принесли слётка домой. Ведь они уже успели подружиться с ручным воронёнком.

С этого времени Карлуша начал летать. Однако на деревья он садился редко, больше любил разгуливать по асфальту. Мелких дворовых шавок воронёнок не боялся. Удар острого клюва в пятак любопытного носа оказывался достаточно болезненным... Крупных собак Карлуша остерегался и при их приближении ретировался в сторону.

Воронёнок рос любопытным малым. Малейший шум привлекал его внимание. Однажды я раскалывал на балконе грецкие орехи. Карлуша сидел на шкафу и, наклонив голову, следил за моими движениями. Затем он слетел на пол и начал подбирать отскакивающие кусочки. Лакомство пришлось ему по вкусу. А когда к лапкам Карлуши упал целый орех, он схватил его и взлетел на шкаф. Орех был слегка надколотый, но ещё крепкий. Я поднялся и протянул руку.

— Нехорошо брать чужое, — сказал я.

Карлуша сделал неосторожное движение, и орех полетел во двор — воронёнок за ним.

Орех раскололся на половинки, и Карлуша спокойно съел их содержимое.

— Дук, дук! — нарушая тишину, стучал его клюв, как долото.

Вернувшись на шкаф, воронёнок принялся охорашивать перья, а я отправился в комнату, к своему компьютеру.

Вскоре, заглянув на балкон, я увидел разбросанные по линолеуму орехи. Часть их оказалась и под балконом. Собирая на дорожке орехи, я обратил внимание, что некоторые из них расколоты и вылущены.

Теперь Карлуша знал, что делать с «вкусным камушком», если он не раскалывался. Орех моментально отправлялся вниз, на асфальт. Если удар не помогал, то воронёнок, словно с досады, недовольно каркал. Так же, как с орехами, он поступал и с мясными косточками. Иногда добела обглоданная «сахарная» косточка тоже летела на асфальт.

Возможно, наша дружба с Карлушей была бы долгой, но пришла осень. Пожелтели деревья, зачастили дожди: сначала — перемочечки, потом — обложные. И как-то, выйдя на балкон, я не увидел на привычном месте пернатого дружка.

Ни на следующий день, ни позже он не вернулся. Наверное, улетел искать своего братца. На вольные озёра, в родные тростники.

ГОЛОСА НЕБА

Лебеди... Белые, гордые, красивые птицы. Я видел их величественный полёт в лучах восходящего солнца над мутными волнами Амударьи, над холодными разливами Енисея, над индиговым раздольем Каспия... Белоснежные крылья птиц на фоне ослепительного неба напоминали разинские струги, паруса эллинских кораблей, плывущих издалека, из глубины веков, а голоса — забытую речь готов, кельтов, славян.

Мне не раз приходилось слышать голоса этих больших птиц и звон их крыльев. Это было огромным счастьем!

Правда, не все лебеди обладают звонким голосом и не все способны звенеть крыльями. Родниково чистый голос присущ только лебедям-кликунам. Их мелодичные, разбавленные грустинкой крики напоминают звуки небольших серебряных труб. Они особенно выделяются из общего хора птичьих голосов во время массовых весенних и осенних пролётов. Тогда эти песни раздаются с водной глади и с небес. Ими, кажется, наполнен весь воздух. Этим криком переговариваются члены одной лебединой семьи, им же они окликают и пролетающих мимо сородичей. А сложенные

вместе голоса перекликающихся лебединых стай создают невидимый оркестр, в котором можно услышать и глубокие басы контрабаса, и торжественные звуки геликона. Одним словом, симфонический концерт.

Если лебеди-кликуны наделены красивым голосом, то способностью звенеть крыльями природа их обделила. Это у кликунов не получается. Они крыльями только плещут по воде, когда взлетают. Зато чудесные звуки издают их собратья — лебеди-шипуну. Ничего, что они не имеют голоса, а лишь шипят по-змеиному. Их белоснежные крылья при плавании складываются «корабликом», а в полёте громко звенят. Звон этот напоминает то нежные переборы греческой лиры, то торжественные аккорды соборного органа. Далеко разносится лебединая музыка по водным просторам. Иногда ее слышно за два-три километра. Музыку слышно, а исполнителей не видно.

Чарующее ощущение от этих песен. Услышав раз, их никогда уже не забудешь.

ПОЛЫННЫЕ ОСТРОВА

В конце сентября ночи у нас в степи светлые. Луна большая, добрая. Далеко окрест видать крутогорбые курганы. И полынь,

обрызганная росой, тяжёлая, будто из свинцовых дробинок каждый кустик соткан. И кажется она голубой-голубой.

Возвращаешься, бывало, с Сырдарьи хорошо натоптанной рыбацкой тропкой, а голова так и кружится от терпкого запаха, разлитого в остывающем воздухе. Луна и — полынные острова! Конечно, это не луговое разнотравье, но есть какая-то чарующая тайна в горьковатом настое!

И вспомнилась мне легенда, навеянная голубой полынью.

... Пригласил царь храброго князя в далёкую заморскую страну. Не было той стране житья от врагов, от их кровавых набегов. Пали царёвы гонцы в ноги князю и молвили: «Подсоби, княже! У тебя, говорят, орлиное сердце. И сила в руках дюжая... А народ отблагодарит тебя!»

Подумал-подумал молодой князь — как не помочь обиженному люду? — и согласился. Реки и горы, пустыни и моря пересёк князь на своём быстролётном скакуне. И сразу же вступил в битву с ненавистным врагом. Три дня и три ночи, не сомкнув очей, бился храбрый князь с сильным врагом. И победил! Сам царь поклонился ему.

А потом был пир — сорок дней и сорок ночей. А на сорок первый день царь и говорит

князю: «Бери мою дочь-красавицу в жёны и владей моим царством. Я уже стар...»

Долго, очень долго думал молодой князь, что ответить царю, чтобы не обидеть.

И уж было согласился князь на заманчивое предложение. Но тут кто-то из верных слуг сунул ему под локоть пучок полыни из родных краёв.

Заволновался, встревожился князь: вспомнил свою бедную родину, полынные степи. Слезы навернулись на глаза.

«Спасибо, царь, тебе за всё, — сказал князь, — но не могу я больше оставаться в чужой стороне. Ждут меня на родине». Обнялись они с царём троекратно, и ускакал князь на верном коне туда, где остались мать и отец. В свои далёкие полынные края...

Такая вот легенда... А может, быль? Но всякий раз, как вспомню, тепло становится у меня на душе. И ещё вот почему пришла она мне на память: с некоторых пор, возвращаясь поздно с рыбалки, я стал замечать в голубой полыни двух больших голенастых птиц... Правда, я их видел и в прошлом году, и в позапрошлом. Появлялись они в этих местах точно по календарю — в конце сентября. Это были журавли — скорее всего, неразлучная парочка.

На сей раз я решил понаблюдать, что «потеряли» птицы в голубой полыни? И почему щёлкают звонко клювами? В конце концов, не часто же встретишь журавлей вот так запросто, в живой природе!

Я встал под сень одинокой степной акации. Яркая луна всплывала над холмами. И полынь, набухая тяжестью, становилась от лунного света всё голубее. И журавли в ста метрах от меня — на утоптанном пятачке (я подумал потом: уж не птичья ли это «танцплощадка»?) — тоже показались мне голубыми. Они легко и грациозно обхаживали друг друга. Сходились и расходились. Высоко, побалетному вскидывали ноги. Прикасались грудью. Запрокидывали острые клювы. Мелодично «барабанили», и тогда луна напоминала мне восточный бубен. Через некоторое время всё повторялось сначала.

Я запоздало понял: это был птичий танец. И пыльный пятачок, конечно же, «танцплощадка». Мне стало стыдно, я даже почувствовал, как чем-то горячим ожгло щёки, будто подглядываю за свершением какого-то волшебного таинства. Оно и было волшебным, размышлял я, торопливо покидая потайное место.

Ни через неделю, ни позже, возвращаясь с рыбалки, я больше не встречал влюблённую

парочку журавлей. Наверное, уже немолодую... Они улетели. И этот необычный танец, как видно, был прощальным. Они прощались с широкими плавнями, с островами голубой полыни и ещё с чем-то, что ведомо только им, птицам.

И, честное слово, от этой разлуки мне почему-то стало грустно. А потом грусть стала постепенно рассеиваться, как ночной туман. Ведь есть, есть в природе нечто такое, большое и важное, что заставляет нас любить и помнить... Взять хотя бы этот голубой кустик полыни, её сумасшедше терпкий запах, который обязательно когда-нибудь позовёт домой, на каком бы краю земли ты ни находился. Неважно, человек ты или птица...

**Рыбка
с голубыми
глазами**

МОЙ ОМУТОК

... За Томной на Волге у меня было излюбленное место. Река здесь текла плавно и образовывала широкую заводь-омут. Днём она казалось светлой, а на рассвете и на закате — вишнёвой, таинственной, глубокой...

Я любил пропадать здесь с удочкой после школы и во время летних каникул. Это место было самым уловистым. Так, по крайней мере, считал я. В ясные дни подряд клевали плотва, подлещики, язи... А если повезёт — попадал на навозного червя приличных размеров окунь. С красными плавниками-перьями, а полосы на чешуе напоминали радугу. Таким он мне представлялся красивым.

Но это место не было бы удачным, если бы я постоянно не кидал в омут подкормку.

Шагая в школу или купаться, я всегда прихватывал с собой сухари, корки хлеба, жмых, оставшуюся кашу — перловую, манную. Останавливался на минуту-другую и раскидывал возле берега рыбы «гостинцы», а сам затаивался у белого камня-валуна и наблюдал, как рыбы всплывали со дна. Били хвостами, толкали друг друга, чмокали губами. Совсем как поросята у корыта. Забавно так.

А вдалеке проплывал белоснежный трёхпалубный пароход. Гудел басовито и весело, будто привет мне слал. Сновали буксирчики, катера — туда-сюда. Кружились и кричали чайки. И солнце смеялось. А я уже думал о завтрашней рыбалке. Мои одноклассники и дружки по улице знали об этом омуте. Не раз видели, как я, одну за другой, таскал плотвичек. Ребята также знали, что я постоянно бросаю приваду, потому не посягали на уловистое место. С уважением и завистью признавали: «Это Колькин омуток. Законный!»

Однажды утром я, как всегда, отправился на рыбалку. Захватил червей, ржаную горбушку, удочку, верный подсачек. Подошёл к белому камню-валуну, и ноги мои остановились, стали ватными. На моем месте сидел незнакомый человек. Толстенький такой

дяденька. В плавках, в широкой соломенной шляпе, в тёмных очках. Усатый. Спина волосатая. Ну, точь-в-точь морж. Сидел на складном стульчике. Уютно так, как у себя дома. Не сводил взгляда с удочек, расставленных аккуратно на рогульках. Вот на одной клюнуло. Дядька потянулся к бамбуковому удилищу. Напрягся. Сделал подсечку. Есть!

На солнце блеснул подлещик. И так обидно мне вдруг стало.

— Дядь! — обратился я к нему.

— Чего тебе? — недовольно обернулся он.

И еще больше стал похож на моржа.

— Это моё место. Я его прикармливаю.

— Было твоё, стало моё.

От такой наглости я даже вскипел.

— Уходите отсюда. Я всё равно вам не дам ловить, — крикнул я.

— А я пушу на тебя собаку.

Только тут я разглядел под ногами «моржа» крохотную собачку светло-шоколадной масти, лохматую, с висячими ушами. Глазки-шмели так и нацелились в меня. Сейчас поднимутся с места и станут жалить... Но я не такой.

— Попробуйте только, — от свалившейся несправедливости слёзы прямо душили меня.

Я бросил под ноги рыболовные снасти, схватил круглый голыш и запустил им в удочки «моржа».

— Перестань сейчас же хулиганить, — гаркнул незнакомец.

— Не перестану, — заупрямился я, и горсти камушков градом полетели в омут.

— Ах, так! — разозлился «морж» и с трудом встал с места. Толстый живот ему мешал. Он подтолкнул носком сандалии собачонку и скомандовал:

— Муха, взять наглеца!

Собачка вихрем метнулась в мою сторону. Она была очень зла. По злости Муха в тысячу раз превосходила свои размеры. Я видел только её глазки-«шмели» и зубы в полморды. Она всячески нагоняла страху. Старалась схватить за штанину. Но я топал ногой, и Муха отскакивала в сторону, словно мячик. Однако в какой-то момент меня неожиданно обуял страх. Самый настоящий. Я вдруг вспомнил, как моего дружка Ваську в прошлом году цапнула бродячая собака. Бедняге сделали сорок укулов в живот. Очень болезненных. Васькина сестра говорила, что после каждого такого укула брат выл волком. Вот мне и подумалось: а если эта собачка бешеная? Вон, какие у неё зубищи... Не хотелось из-за неё получить сорок укулов.

Как быть?

А тут ещё её хозяин «морж» стоит у воды, разглаживает усы, противно ухмыляется: так, мол, тебе и надо!..

И тут мой взгляд упал на подсачек. Крепкий. Сплетённый моим дедом. И мысль заработала в нужном направлении. Я подхватил подсачек, и, улучив удобный момент, накрыл им нахальную собачонку. Муха забилась в нём как в паутине.

«А-а, поймалась!» — возликовал я и, подняв над головой подсачек с собакой, стал раскручивать его, как молот. Я видел на нашем стадиончике, как это делают спортсмены.

Раскрутив подсачек, я плавно выпустил его из рук, и он вместе со злосчастной Мухой шмякнулся прямо в воду, на удочки «моржа». Полетели брызги. Дядька показал мне пудовый кулак и нехотя полез в воду на выручку своей собаке.

Вскоре «морж», бубня себе под нос ругательства, оделся, собрал рыболовные снасти и, подхватив под мышку мокрую Муху, с гордым видом прошагал мимо меня. Наверное, искать другое место, более удачное.

После этого случая я здесь больше не встречал нахального дядьку. Омуток остался моим. А собаку мне через некоторое время почему-то стало жалко.

Ведь в этой истории она была не виновата...

ЧУДО-ЮДО

Прошло уже много лет, почти целая жизнь, а тот давний случай никак не выветривается из памяти.

Ослепительно яркое азиатское солнце. Широкая мутная река цвета кофейной гущи. Море тростников с белыми султанами мерно колышется под набегающим ветерком с бескрайних просторов Устюрта.

Я знал по учебникам, что эта река в древности называлась Яксарт, а ныне — Амударья. Из тех же книг вычитал, что через неё переправлялись когда-то несметные полчища завоевателей — полководца Александра Македонского и царя Дария.

Неподалёку от нашего посёлка гидростроителей, куда отца направили на работу, проходил небольшой канал. В него из Амударьи заходила рыба. Причём самая разнообразная: сазан, карась, судак, жерех, усач, сом, чехонь, краснопёрка... Летом целыми днями мы, ребята, пропадали у воды, купались или сидели на берегу с самодельными удочками. Клёв был отличный. Однажды, когда рыба почему-то перестала брать, мой дружок по рыбалке, Санька, сказал:

— Давай половим карасей саком.

Сак — небольшая сетка, прикреплённая к палке с треугольным концом. Один держал снасть в воде, а другой, отойдя шагов на тридцать, нырял в канал и, громко шлёпая ногами и руками, гнал рыбу в плетёный капкан.

В тот день, признаться, рыба почему-то не шла в нашу снасть, хотя мы и захватили с собой большое пластмассовое ведро. А вдруг?

И вот, когда надежды не осталось почти никакой и я нехотя молотил руками и ногами по воде, Санька вытащил сак на берег и радостно завопил:

— Колька, смотри, что мы поймали!

Я пробкой выскочил на сушу, подбежал к дружку и увидел в грязной от водорослей мотне среди нескольких мелких карасиков необычную рыбу. Чуть больше локтя. Спина её была в шипах, хвост утончающийся, длинный, словно шнурок, а голова большая, расплющенная, два глаза-изюминки находились на лбу, в маленьких ямочках-углублениях.

— Чудо-юдо, — растянул я губы в улыбке.

Раньше мы такой рыбы никогда не видели.

— И откуда она взялась? — не меньше меня удивился Санька.

Я быстро зачерпнул в ведро воды и опустил в него чудо-юдо рыбу.

— Надо показать учительнице зоологии, — решил я. Она жила по соседству. — Может, расскажет-объяснит.

Санька согласился.

Но тут под мозолистую пятку мне попал острый голыш. Я подпрыгнул, споткнулся и упал. Да так, что плечом задел ведро. Оно с лёгким шлепком опрокинулось и вместе с чудо-юдо рыбой соскользнуло в канал.

— Эх, растяпа, — только и вымолвил мой дружок, сплёвывая от досады сквозь зубы.

Так и вернулись мы домой в тот день ни с чем. Но больше всего переживал я, что так глупо расстались с добычей. И еще обидней, пожалуй, было то, что мы не узнали о происхождении этой рыбы, какого она вида, поскольку учительница зоологии тоже не дала какого-либо вразумительного ответа, хотя я и красочно описал наш трофей.

— Может, это был осётр, — неуверенно пожала она плечами. — Хотя он сроду не водился в Амударье...

Уже взрослым человеком, в каком-то журнале, на цветной картинке я увидел необычную рыбу, до боли напомнившую мне ту, из детства. Хребет с шипами, тонкий хвост, расплюснутая голова. Под снимком была

подпись: «Большой лопатонос» и рядышком по латыни — «Скафириндус».

Я лихорадочно кинулся искать справочники. Пролистал несколько томов и, наконец, нашёл то, что искал. В короткой заметке говорилось, что большой лопатонос обитает в водоемах Южной Америки, в частности в Миссисипи.

И я сразу вспомнил весёлую книгу, прочитанную в младших классах, про Тома Сойера, который поймал на этой реке скафириндуса.

Далее заметка сообщала, что эта рыба, «одна из древнейших обитателей водоемов», также водится в Центральной Азии, в Амударье, что она очень редкая и занесена в Красную книгу.

Круг замкнулся. Так, значит, мы с Санькой держали в руках ту самую рыбу, что когда-то ловил и далекий наш американский сверстник на другом конце света, на таинственной реке Миссисипи.

В жизни мне посчастливилось немало побродить по земле, порыбачить и в чистых хрустальных ручьях на далекой Камчатке, и на Белом море, и на Валдае, и на многих других реках, озерах... Были удачи и огорчения. Были срывы с крючка крупных рыбин. И, что скрывать, как всякий рыболов, я переживал.

Но каждый раз, вспоминая ту рыбину, которую мы упустили с Санькой, я почему-то с облегчением вздыхаю. Наверное, мне было бы несоизмеримо тяжелее (даже спустя годы), если бы мы погубили тогда такую редкость. Прародительницу первых рыб на земле, реликтовую амударьинскую гостью.

НЕОБЫЧНАЯ ПРИМАНКА

Летом на Аксу всегда полно купальщиков. Малыши обычно с визгом до посинения плещутся возле берега на мели, потом загорают на горячем белом песочке. Зато те, кто постарше и посмелее, идут к обрыву. Там на раскидистом тополе висит тарзанка — длинная толстая бечева, крепко-накрепко привязанная к высокому суку. Под бечевой прилажена железная перекладинка — трапеция, точь-в-точь как у гимнастов на тросике под куполом цирка. Крепко ухватившись за тарзанку, смельчаки разбегаются по берегу и, достигнув середины реки, отпускают опору. С громким воплем «ур-ра!», успев обхватить руками колени, камешками падают в зеленоватые струи. Только брызги яростными осколками — в стороны.

Что и говорить, такое увлекательное занятие не для слабонервных. Особенно, когда достигаешь пика высоты, а он как раз приходится на середину широкой реки, когда сердце захолонет, а ты отважно расстаёшься с бечевой, единственной ниточкой, связывающей тебя с берегом...

Мы с Петькой тоже были не прочь покрутиться на тарзанке. Только не так, чтобы отрываться на середине реки и плюхаться вниз, а спокойно, расставшись с берегом, на весу чапать пятками по прохладной водной глади. Взад-вперёд, взад-вперёд... А когда верёвка «замирала», мы отпускали перекладинку и плыли к берегу.

Приходили мы обычно на Аксу под вечер, когда на реке было меньше купальщиков. Удлинялись тени деревьев, таял зной, появлялись рыболовы и устраивались со своими удочками-макаронинами где-нибудь в укромном местечке под кустом, чтобы мы им не мешали.

... Хорошо помню тот тёплый летний вечер. Ранние звёздочки, роящиеся в мелкой тополиной листве. Привязанного за колышек вертоглазого козлика, который рвал верёвку и нудно-противно мемекал — просил хозяина отпустить его.

Петька первым скинул с себя на траву рубашку, сбитые сандалии, штаны... Схватил перекладинку тарзанки, разбежался и... — чап, чап, чап, — зачепал по воде ногами.

— И-эх, красота! — ликовал Петька.

Настроение дружка передалось и мне. Я тоже скинул с себя одежонку в предчувствии такой желанной в эти часы прохладной «ванны». Но когда Петька зачепал обратно, правда, уже медленнее, у самого берега вода вдруг взбурлила, поднялась смерчем, и в ту же минуту я услышал отчаянный крик своего дружка:

— А-а-а!

Лицо его побелело, глаза округлились, а пальцы намертво вцепились в перекладинку. А уж как мой товарищ молотил ногами по воде — точно чечётку выбивал! Даже козлик перестал вопить, замер и вытянул белую шею в сторону реки: что, мол, там происходит?

Моментально схватив валявшуюся под ногами палку с крючком, которой подтягивают тарзанку, я поспешил на помощь Петьке. Еле-еле подтащил его к берегу. Петька соскочил на сухой суглинок и, как папуас, заплясал на правой ноге. Левая же по щиколотку кровоточила, и кожа болталась на ней лоскутками. Когда боль утихла, Петька

бессильно опустился на траву и стал, постанывая, осматривать рану.

— Ух, ты! — выпучил я глаза. — Кто это тебя так?

— Какая-то рыбина, — хлюпнул носом Петька.

— Акула? — я глупо хихикнул. — Небось, за железку какую-нибудь зацепился.

— Да отстань ты!

Я помог Петьке подняться и, забыв о всяком купании, мы заковыляли в поселковую амбулаторию. В этот вечер там дежурил старичок-фельдшер, Фёдор Иванович. Мальчишки в шутку называли его Айболитом. Он лечил не только людей, но и всякую домашнюю живность.

Многоопытный Фёдор Иванович, осмотрев рану, с любопытством осведомился:

— Это чья же собака тебя так, голубчик, обработала? У нас в посёлке вроде таких не имеется!

— Не собака, а рыба, — насупил брови Петька.

— Рыба? — удивился Айболит. — Первый раз слышу, чтобы аксуйские рыбы кусались.

Он недоверчиво покачал головой, но, тем не менее, записал что-то в свой грессбух.

— А я говорю, рыба, — настаивал на своём Петька и подробно рассказал Фёдору

Ивановичу, как всё было. — Сом! Здоровенный... Вроде кита!

— Ну-ка, ну-ка, — развернул бинт Айболит.

— Ой, — сморщился Петька.

Протерев очки марлей, фельдшер водрузил их снова на свой утиный нос и внимательно осмотрел рану.

— А ведь верно, пожалуй, — смущённо пробормотал Фёдор Иванович. — Собаки так не кусают. Кто же тогда? Крокодилы в нашей Аксу не водятся...

Он отошёл к распахнутому окну, посмотрел на остывающий закат и задумчиво почмокал губами.

— Ну, прямо не Аксу, а Амазонка, — в раздумье произнёс Айболит. — А ведь и точно сом, больше некому. Говорят, в нашу Аксу иногда заплывают сомы-великаны из Сырдарьи.

Фёдор Иванович аккуратно обработал рану, перевязал бинтом и наказал Петьке зайти на перевязку денька через два.

Слух о том, что дружка моего покусал сом, огромный и страшный, вроде собаки Баскервилей, на другой день со скоростью ветра разлетелся по всей округе. На время Петька даже стал героем нашего посёлка.

А на Аксу... Конечно, ребята по-прежнему ходили на реку, косились на тарзанку, но прыгать в воду всё же не решались. Плавали возле бережка. Мало ли что может случиться!

А недели через две кто-то из соседских мальчишек принёс новость, что метрах в двухстах от тарзанки выловили огромного сома. Мы с Петькой сломя головы побежали смотреть на аксуйское чудо-юдо. Рана уже заживала, и Петька мог вполне прилично передвигаться.

Ещё издали заметили возле реки толпу зевак — детей и взрослых. Протиснувшись поближе, увидели на сухой траве большеголовую рыбину. Маленькими злыми глазками она буравила людей, а длинные шелковистые усы её хищно подрагивали.

— На центнер потянет, — объявил дядя Гена, один из хозяев трофея.

— Если не больше, — согласился с ним его напарник Алексей. — Битый час, чертяка, водил нас по воде. А до этого целого утёнка слопал. Не зря мы за ним столько дней охотились.

— Настоящий Гулливер! — восторгалась малышня размерами сома. — Такой не то что утёнка, а и собаку проглотит.

— Он, он, — захлёбываясь, встрял в разговор Петька. — Чуть под воду меня не утащил. И за ногу тяпнул, — Петька для вящей убедительности задрал штанину на левой ноге. Но дядя Гена только рассмеялся и легонько щёлкнул его пальцем по носу. Мол, тоже хочешь, пацан, примазаться к нашей славе?

Хорошо, что ребята вступились за Петьку, рассказали, как было дело. Дядя Гена, в конце концов, сменил гнев на милость и пригласил пострадавшего Петьку на свежую сомовую уху. Всё-таки, не будь нашего полёта на тарзанке, сом, наверно, так бы и ушёл обратно, в таинственные заповедные глубины Сырдарьи.

КОТЫ-РАЗБОЙНИКИ

В Москве уже моросили дожди. Яркими факелами пылали клёны, полыхала гроздьями рябина. А здесь, на Черноморском побережье, ещё всю сияло лето, и до осени, казалось, так далеко.

Каждое утро мы с сыном Андреем совмещали купание с рыбной ловлей. Ловили на закидушки. Лучшей насадкой служили черви, но они были в большом дефиците и до-

ставались с трудом: почва вокруг была сухая, каменистая. И тогда местные рыбаки посоветовали нам более доступную наживку. Она находилась, можно сказать, под самыми ногами — на берегу, в полосе прибоя, в водорослях. Отвалишь пласт слежавшейся морской травы, а там сотни «блошек» — крохотных рачков, похожих на креветок. Прыгают, падают на песок, щекочат голые пятки. Только успевай ловить их и насаживать на крючок. Мы и насаживали по нескольку рачков. Получалось вроде бутерброда. Закинем шесть донок — по три на каждого, а сами бежим окунуться неподалёку.

Донки ставили без колокольчиков. От них не было толку: волны, хоть и небольшие, постоянно теребили леску, а ложные звоночки только нервировали. И все-таки, когда мы возвращались к донкам, почти на каждой сидел бычок. Лупоглазый, колючий. Стандартный, граммов на сто, но иногда попадались и покрупнее — тянули аж на полфунта. Это была большая редкость, и тогда мы с Андреем от радости пускались в пляс, как два папуаса, которым досталась диковинная игрушка.

Надо сказать, что бычки были очень прожорливыми, не чета другим рыбам. Это мы потом поняли, на личном опыте. Бычки

хватали даже крючок с цветной нитью. А как-то на рассвете, на спор с Андреем, я ухитрился поймать бычка на сигаретный окурок. Бычка на бычок! Конечно, после таких «наживок» земляной червяк мог показаться бычкам настоящим деликатесом!

Наше возвращение в посёлок после купания и удачной рыбалки было настоящим мучением. Мы пытались менять и маршруты, и часы возвращения, но нас повсюду подстерегала орава тощих местных котов и кошек. Глазастые, с редкой встопорщенной шерстью, они будто караулили нас и мчались навстречу, путаясь под ногами, урча, мяукая и царапаясь. Просто не давали проходу. Сушая шпана!

Я доставал из пластмассового ведёрка одну рыбёшку помельче, другую...

Но не тут-то было! Мурлыкающая братия нутром чуяла, что в ведёрке много рыбы и всем хватит. У самого дома, где мы квартировали, я вытаскивал последнюю рыбёшку и с обречённостью ограбленного человека бросал её под лапы усатых, до-

бродушно приговаривая: «Ладно уж, жрите, пираты!»

А тут ещё соседский лопухий малец добавлял «перчику» в наше и без того испорченное настроение, горланя на всю улицу озорную дразнилку:

— *Рыбак рыбака
Узнаёт издалека —
У кого большая рыба,
У кого длинна рука!*

Жена, встречая нас на крыльце, с любопытством заглядывала в мокрое пустое ведёрко: «А где же рыба?» Мы, как могли, наперебой рассказывали ей о нахальных, прожорливых кошках и котях.

Вначале она верила нам, потом стала сомневаться. А за день до отъезда в Москву откровенно сказала: «Наверное, вы обманываете меня. Стыдно признаться, что ничего не поймали, вот и сваливаете на кошек. Благо их тут нечитано».

Последний упрёк сильно ударил по нашему мужскому самолюбию. Надо было достойно выходить

из этого щекотливого положения. Но как? И тогда я придумал.

Наутро мы с Андреем заглянули в местный ларёк. Купили пару килограммов ливерной колбасы и отправились к морю. Клёв, как всегда, был отменный.

К полудню мы наловили полное ведёрко бычков. Возвращались домой привычной дорогой. Теперь мы никого не боялись: у нас было чем откупиться. Так и дошли мы до своей калитки, отламывая через каждые десять шагов ненасытным котам по кусочку ливерки. Это и спасло наш улов, а самое главное — самолюбие, которым так дорожат настоящие рыболовы. И лопухий малец, оценив наш улов, произнёс: «Ух, ты!» — и впервые не стал повторять дразнилку.

Жена по привычке встретила нас недоверчивой улыбкой, а, глянув в ведро, восторженно всплеснула руками: «Ну и ну... Неужели это всё вы наловили?!»

Нам с Андреем ничего не оставалось, как только перемигнуться.

На ужин были приготовлены бычки, жаренные в томате. Мы ели рыбу на летней веранде, и жена всё время нахваливала: «Никогда бы не подумала, что костистая рыбка бывает такой вкусной. Пальчики оближешь!»

На горизонте солнце, как огромный красный поплавок, опускалось в голубую пучину. Рядом, чиркая плотный воздух острыми крыльями, пронеслись чайки. Пахло сморенными листьями кизила и увядающим летом. А всего-то в полутора часах лёту отсюда уже моросили нудные дожди. И клёны горели ярко, как факелы.

ЩУЧИЙ ЗАГОВОР

Май — мур, май — росеник, май — летень. Так наши предки называли веселый месяц май.

Но почему «мур»? А травушка-муравушка появляется когда? В мае. «Замуровать» означает зазеленеть. А почему «росеник»? От обильных рос. А летень? От окончания весны, от преддверия желанного лета.

Хорошо в такое время сесть где-нибудь под тенистым кусточком на берегу Бужи с удочкой и наблюдать за поплавком.

Рыба за долгую зиму проголодалась, и хорошо клюёт плотва. Попадаются и лещ, и окунь, и голавль, и язь, - как повезёт.

Только щука куда-то запропастилась. Словно никогда и не было её в Буже. Вот я и спросил как-то дядю Сёму:

— А куда щука подевалась?

— А никуда, — ухмыльнулся он. — Возле травки на солнечных плёсах отогревается. Зубы меняет.

— Как она их меняет? — не понял я, посчитав ответ Сёмы очередной подначкой. — Что у неё там, зубной врач?

— Да нет. Сама. Старые выпадают, а новые вырастают. И так раз в год. В мае месяце.

— И теперь её нельзя поймать?

— Почему нельзя? Можно. Надо только уметь заговаривать зубы щуке.

Сёма постоял, постоял возле меня, а когда клюнула очередная плотвичка, молча подался к лодке.

Издавека я видел, как дядя на разливах возле травянистых островков расставлял кружки.

Через час мы с ним снова встретились. Сёма держал за жабры на весу огромную щуку. Пятнистую, с прилипшими к бокам водорослями. Мои плотвички на кукане* по сравнению с ней выглядели лилипутками. Такими, как я, окажись рядом со мной сказочный Гулливер.

— Ух, ты! — удивился я, восхищаясь дядиной щукой.

*Кукан — шнур с петлёй на конце для сохранения и переноса выловленной рыбы.

Ну и Сёма! И где это он научился заговаривать щукам зубы?

— А нигде, — открыл тайну дядя, будто прочитав мои мысли. — Для этого нужно взять обычную плотвичку или карасика. Нацепить на тройничок и терпеливо ждать, тихо приговаривая: «Ловись, щука, на малька, превелика-велика!» Вот и весь щучий заговор.

«БОИ БЕЗ ПРАВИЛ» НА РЕКЕ АКСУ

Когда-то из всех способов ловли раков я предпочитал один-единственный. Простой, но зато такой эффективный!

Совсем ещё мальчишкой я рыбачил на реке Аксу — светлой, ледяной речушке, берущей начало где-то далеко в горах. Рыбалка, как я уже сказал, была несложной: сначала выкапываешь возле самого берега ямку-ловушку, затем бросаешь в неё куриные потроха, бараньи косточки и прочую дребедень.

... Помню, как рано поутру буквально летел к заветному месту, прячась за кустами подбирался-подкрадывался к ямке. А там... будто в кошёлке, толкая друг друга, копошились, растаскивали приманку на мелкие

кусочки десятки раков. Оставалось только окунать в садок рыболовный подсачек, прихваченный из дому, и вычёрпывать...

Крупных раков я опускал в пластмассовое ведёрко с водой, а мелких отпускал обратно в Аксу: «Растите, да набирайтесь жирку!»

Для ямок-ловушек каждый раз находилось новое место. И каждый раз, приходя на Аксу, я удивлялся боевому задору раков. За крохотный кусочек тухлого мяса они готовы были биться насмерть! Победителями в таких стычках становились, разумеется, большие, матёрые раки.

Обычно битва проходила по одному и тому же сценарию. На самом дне ямки-ловушки, возле мясистых косточек, дрались взрослые раки. Но и те, что помладше да поменьше, не теряли времени зря. Рачья молодь с остервенением рвала друг друга и ошмётки угощения.

Однажды я стал свидетелем особенно яростной схватки между молодым и старым раками. Молодой так навалился на своего соперника, что тот не выдержал и попятился-таки назад.

Поначалу я, совсем тогда ещё мальчишка, порадовался удали молодого. Но, присмотревшись, обнаружил, что силы сражающихся были изначально неравны.

В поднятом мною подсачеке бултыхался очень крупный рак, но... без одной, правой клешни. Видимо, боец потерял её когда-то в очередной подводной схватке. Или же ещё в детстве одну «руку» откусила ему хищная рыба или птица.

Трудно сказать, что произошло с раком-ветераном на самом деле, но отважного старика мне стало искренне жалко. Я отошёл на несколько шагов вниз по реке и отпустил его с миром в светлые струи Аксу-реки.

А через неделю река моего детства отблагодарила раколова за проявленный гуманизм. В новой ямке-ловушке оказалось столько крупных раков, что они еле поместились в моё ведёрко!

Дома мама отварила раков в широкой эмалированной кастрюле, подсолвив воду и сбоблив её лаврушкой и душистым перцем.

Попробовать раков утреннего улова мы пригласили дядю Сёму, моего наставника и спутника по рыбалкам. Когда-то в молодости дядя был моряком, избороذил несколько морей, повидал разные экзотические страны.

За столом, с аппетитом уплетая раков, старик ударился в воспоминания:

— Никакие миноги и крабовые окорока не сравнятся с нашими аксуйскими раками.

Не зря они мне снились в знойном сингапурском порту! И в мёрзлых норвежских фиордах тоже снились...

ФОРЕЛЕВЫЕ ВАННЫ

В середине лета, когда растают ледники, вода в верховьях Угама становится светлой-светлой — как утренняя роса. И такой же ледяной. Дно проглядывается насквозь, до мельчайших камушков, травин, песчинок.

В более глубоких протоках встречаются огромные причудливые валуны. Красивые сами по себе, они привлекают внимание ещё и тем, что стороны, обращённые к солнцу, образуют похожие на ванны углубления.

В такие ванны часто заплывают форели. Перламутровые, подсвеченные яркими солнечными лучами, они слегка шевелят плавниками-перьями: наверное, отдыхают после борьбы с бурным и стремительным течением.

Над одной такой ванной я как-то замер, углядев на дне голубых рыбин. Они, казалось, не шевелились. Я рассеянно заозирался по сторонам — чем бы привлечь рыб, но так, чтобы не спугнуть?

Неподалёку порхали бабочки, кружились стрекозы. Но пойдй поймай их! Тогда я отошёл в сторону, послюнявил тыльную сторону ладони и выставил её на солнце. Тут же, откуда ни возьмись, появилась зелёная муха, сделала надо мной несколько кругов и, не почуяв опасности, опустилась на ловушку. Я — хлоп её свободной правой ладонью — и чуть придавил. Затем подошёл к ванне и осторожным движением бросил приманку на светлые струи. Муха, ещё живая, почувствовав воду, засучила крылышками, лапками. Я ждал секунду или две... Раздался всплеск. Взметнулись фонтаны брызг, водяной фейерверк, буруны! Ослепительно сверкнула чешуя — и снова всё успокоилось.

Когда круги на воде разбежались, я глянул на дно. Рыбины, будто ничего не произошло, толклись на месте, плавно поводя хвостами.

... Пока я бегал в сторожку егеря за удочкой, пока ловил живую насадку — сверчков, пока, задыхаясь от быстрой ходьбы, вернулся к заветной ванне, — форелей уже не было. Видимо, рыбины отдохнули и уплыли дальше. Или почуяли что-то недоброе.

Форель — рыба осторожная, хоть и любит понежиться в чистоте да рыбьем уюте, однако жизнь ей всё же дороже. А ванна такая мало ли кого привлечь может...

РЫБКА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

Исполнилось мне тогда не то пять, не то шесть лет. Одно точно — на день рождения отец подарил мне бамбуковую удочку с малиновым поплавком и синее пластмассовое ведёрко. И я тут же отправился с соседскими ребятами на рыбалку.

Лучшим местом для рыбной ловли у нас считали затон — часть реки, отгороженную от течения длинной песчаной косой. Коса была исторической достопримечательностью нашего городка: здесь мы, мальчишки, находили в прибрежном песке и старинные монеты с квадратными дырками, и кремневые пистолеты, и даже проржавевшие пушечные ядра. В затон речные буксиры время от времени пригоняли огромные «вязанки» брёвен. Часть бревен плавала россыпью, часть была надёжно скреплена скобами во временные плоты. И вот, балансируя на брёвнах,

пробираемся мы к чистому «окошку». Я торжественно разматываю леску, насаживаю червяка, забрасываю удочку. Ключёт на удивление быстро — поплавок несколько раз подпрыгивает и замирает. Подождав немного, я подсекаю и — о радость! — на крючке трепещет рыбка чуть меньше ладошки — амурская касатка. Зачерпнув в ведёрко воды, я снимаю добычу с крючка. Амурская касатка — настоящая красавица! Оливково-зелёная, с чёрными пятнышками, рыбка медленно шевелит плавниками и хвостиком. У неё наивные голубые глазки и маленькие усики по краям рта. Очевидно, пленница не ожидала, что её так подло обманут, подсунув замаскированный внутри аппетитного червяка острый крючок.

Радость моя, впрочем, длится недолго. Вскоре кто-то из ребят нечаянно задевает ведёрко, и... голубоглазая рыбка оказывается в родной голубой стихии!

... С тех пор я перевидал и переловил уйму всяческой рыбы. Ловил скафириндуса на Амударье, шемаю на Каспии, леща на Арале, кефаль на Чёрном море. Но свою самую первую самостоятельную рыбалку помню во всех мельчайших подробностях. И обиженное выражение

глаз первой своей добычи, и её отчаянный всплеск хвостом, и последовавший за ним прыжок — вслед за льющейся из ведёрка водой.

Повести

ПЕТЬКА – РОЗОВЫЙ ПЕЛИКАН

1

Митя любил сидеть на этом выщербленном валуне. Перед ним во всю ширь распахнуто море. Днём — светло-бирюзовое, на закате — розовато-синее.

Волны подкатывали к самому валуну, шипя и пузырясь, как минеральная вода. Тёплые капли шлёпали по голым ступням, брызги попадали в лицо, и Митя щурился от солнца, от синевы и ещё от чего-то хорошего.

Над гребнями волн реяли чайки. Свободно, легко. Их полёт завораживал. Иногда они выхватывали из воды рыбёшку и громко кричали, должно быть, от радости.

Когда надоедало сидеть на одном месте, Митя скидывал выцветшую майку и бежал в объятия тёплых волн. Море в этом месте было неглубокое, и можно было по дну пройти целый километр: только тогда вода доставала до горла. Дальше Митя опасался заплывать. А зачем? Здесь и так было хорошо. Море кругом. Солнце. Вдалеке проплывали мотофелюги, глухо, равномерно пыхтя моторами.

Завидев Митю, рыбаки махали ему своими широкополыми шляпами-зюйдвестками. Белозубые улыбки на дочерна загорелых лицах говорили об их расположении к юному пловцу, об удачном лове. Митя, держась на волне, тоже отвечал этим отважным людям взмахом руки. Рыбаки, что постарше, видя мальчишку, купающегося в одиночку, иной раз по-отцовски показывали кулак: мол, смотри, не заплывай далеко...

А Митя в ответ только смеялся. Он и не думал далеко заплывать.

После купания вдвойне приятно посидеть на зелёном валуне. Можно даже лечь на спину и помеч тать. Хорошо одному... Правда, иногда скучно.

Местные мальчишки редко забредали на пустынное побережье. Их больше привлекал порт. Там можно и покупаться,

и порыбачить, и повертеться на пирсе среди взрослых, просолённых штормами. А если очень повезёт, то с ветерком промчатся на катере рыбинспектора Аманбаева, пожилого улыбчивого казаха. Он очень любит ребят и порой берёт их в море.

Митя каждое лето приезжает на школьные каникулы на берег Аральского моря к своему дяде.

Дядя Кузьма — тот же бывалый рыбак. Плавает на такой же мотофелюге. А в свободные часы рассказывает племяннику разные интересные истории. Дядя ещё не старый, но уже совсем седой. «Это не годы виноваты и не море, а война!» — часто повторяет он с грустной улыбкой.

Дядя воевал, был дважды ранен, долго лежал в госпиталях. Но море любил всем сердцем, и поэтому, выздоровев, снова вернулся в рыболовецкую артель. А ещё он очень любил племянника. Детей у него своих не было. Не отсюда ли привязанность к Мите, что лучилась в его глазах и частых мелких морщинках обветренного, продублённого морскими ветрами лица?

Волны мерно накатываются на песчаный берег. Гребешки их белоснежны и напоминают прядь дядиных волос. Летом море спокойное, ласковое. Зато осенью, когда за-

штормит! «Только крепи канаты!» — любит говорить дядя Кузьма.

Но сейчас не осень, и можно спокойно лежать себе на валуне. Ветерок, налетающий с бескрайних просторов Устьярта, приятно щекочет загоревшую до шоколадного цвета спину.

На горизонте медленно погружается в пучину моря большое розовое солнце. Оно раскалённое, и оттого кажется, что волны ещё больше шипят.

Тень от валуна становится всё шире и шире.

«Пора, наверное, домой!» — думает Митя.

Он отжимается на руках и делает резкий пружинистый прыжок с валуна.

До дома километра три, но по холодку это ничего, даже приятно.

Посёлок рыбаков маленький, здесь друг друга и друг про друга каждый всё знает.

Ещё издалека дядин сосед Каюм, смуглый черноволосый подросток, закричал:

— Где ты ходишь?

— Купался!

— Ку-па-ал-ся! — передразнил Каюм. —

Иди скорей домой. Знаешь, кого принёс дядя Кузьма?

— Нет, — насторожился Митя. — А кого?

— Иди, иди! Сам увидишь...

Дядя Кузьма встретил Митю у самой калитки ворчливо-приветливо:

— Ну, ты даёшь, племянник! Сколько можно купаться?! Так недолго и сгореть совсем! А я тебе подарок принёс...

— Подарок? Какой?

— Там, в курятнике...

Небольшой курятник, огороженный металлической сеткой, находился в самом конце двора. И ещё и издали, среди пяти-шести разгуливающих мирно кур, он увидел большую неуклюжую розовую птицу с непомерно большим клювом. Она стояла в стороне и, кажется, дремала.

— Пеликан! — обрадовался Митя.

Уже поздно вечером прямо во дворе под мелколиственной акацией пили чай. Самовар тихо и мерно урчал, словно кот, и никак не хотел остывать. Чай казался особенно вкусным с сахаром и баранками.

— Где же это вы поймали Петьку? — спросил, наконец, Митя дядю.

Петькой он решил назвать розового пеликана. И дядя сразу понял, о ком речь.

— Да на Солёном озере, — махнул он рукой в сторону Амударьи. — Сегодня мы там рыбачили. Плывём на баркасе вдоль протоки. Слышу, в тростниках кто-то бьётся. Подошли

поближе. Раздвинул заросли веслом, смотрю: а там пеликан! Думал, запутался в сетях. А когда поймал, почувствовал кровь на руке. Проклятый браконьер, видимо, ранил его в правое крыло. И зачем надо было губить безобидную птицу? Правда, будь он здоров, досталось бы мне, всё же дикая птица и сильная. А так — тихий... Взял я его с собой. Не оставлять же в тростниках на съедение лисам и шакалам!

— Правильно сделали! — совсем взрослому сказал Митя. — Я бы тоже так поступил...

На другой день весь посёлок уже знал, что у Мити появился розовый пеликан. Петька. Живой. Настоящий. С появлением птицы жизнь мальчика как-то сразу резко изменилась. Утром он уже не побежал безоглядно к морю, а сразу направился к курятнику. Как там Петька, не скучает?

Пеликан шумно плескался в плетённом корыте с водой. Дядя Кузьма, видимо, уже накормил его припасённой с вечера рыбой. Правое крыло птицы заметно волочилось по земле. Видя, что мальчик с нескрываемым интересом наблюдает за раненым пеликаном, тётя Даша, жена дяди, тоже остановилась возле сетки:

— Ничего! Рана небольшая. Заживёт! Могло быть и хуже...

Митя попробовал подойти к Петьке, погладить его по нежным розоватым перьям, но пеликан сердито клюнул его большим клювом, захлопал левым крылом: мол, не подходи, человек! Я тебя не знаю...

— Ну, хорошо, хорошо! Только не злись, — попятился назад Митя. — Я ж е кт тебе с дружбой, а ты...

В полдень пришёл Каюм. В одной руке удочка, в другой — связка рыбы.

— Как твой Петька? — спросил он.

— Клюётся, не подпускает, — признался Митя.

— А я ему вот принёс рыбки! — и он высоко над собой поднял кукан.

Пеликан заметил угощение. Заклокотал. И мешок его под клювом сразу раздулся.

— Видишь, как обрадовался! — засмеялся Каюм.

Но рыбу из рук Петька не стал брать. Наотрез отказался. Тогда ребята рассыпали её в корыте. Потом отошли в сторону. Вот тут-то пеликан и показал им свой аппетит! Вода в корыте забурлила. Выхватывая из воды рыбёшку, Петька высоко подкидывал её в воздух, подклювный мешок его раздувался, угощение, вместе с прохладными брызгами, точно попадало туда, словно в сачок. И ни одного промаха.

— Жонглёр! — сказал Митя.

Когда рыбы не о случилось, пеликан, довольно посмотрев в сторону ребят, издал какой-то звук, должно быть, означавший «спасибо». Затем он закричал ещё громче.

И это ребята поняли как знак, как напоминание: «Приносите ещё!»

— На сегодня хватит! — весело воскликнул Каюм.

— До вечера, — улыбнулся Митя.

2

Дядя Кузьма вернулся домой раньше обычного. Сказал, что их мотофелюгу поставили на ремонт.

— А не сходить ли нам сегодня на вечерний клёв? — заговорщицки посмотрел он вдруг на племянника. — На Пеликанье озеро...

— Конечно, пойдём! — о бравовался Митя.

Он вспомнил, что давно не держал в руках удочки, не ощущал сладостного и томительного ожидания, когда поплавок, мелко задрожав на воде, вдруг косо и резко погружается.

Быстро собрали удочки, накопили червей, взяли ржаного хлеба, смешанного со жмыхом, на приманку. Тётя Даша завернула в пакет какую-то снедь на ужин.

Если идти до озера пешком, потребуется час, на велосипедах и того меньше. Решили ехать на велосипедах. У дяди Кузьмы была лодка, спрятанная в тростниках на озере. А Пеликаньим оно называлось потому, что там каждую весну и лето гнездились и жили эти большие своеобразные птицы.

Озеро встретило рыбаков спокойной гладью, тишиной, запахом гниющих тростников. Отблески заката золотистыми полосками и бликами были рассыпаны по воде.

Не без труда вытащили лодку. Загрузились. Оттолкнулись от берега. Подул встречный ветерок, отгоняя мошкору и комаров.

Когда выплыли на середину, Митя увидел, что озеро не такое уж маленькое, как показалось вначале. Разбитые на мелкие островки, берега его были теперь еле заметными.

— Повернём вон к тому мыску! — сказал дядя Кузьма, налегая на вёсла. — Там всегда можно взять сазана.

— Конечно, давайте! — поддержал Митя, любуясь незнакомым доселе пейзажем.

Раз дядя говорит так, значит, он знает. Озеро ему знакомо с самого детства вдоль и поперёк.

Место действительно оказалось удачным. Рыбаки не успевали окунать в воду свои поплавки, как сазан, рыба, в общем-то, очень осторожная, с ход у хватал приманку.

— Что они, проголодались, что ли? — для виду недоумевал вслух дядя Кузьма, боясь спугнуть «птицу удачи».

— А может быть, хватит? — в друг сказал он. — Чего разбойничать, улов — слава Богу...

Митя не знал, что ответить. Ему нравилась и эта бесконечная прохладная гладь воды, и метёлки далёких тростников, шуршащих на ветру тихо и успокоительно, и далёкая протяжная песня каракалпачабана, видимо, перегонявшего через пески отару овец...

Мальчик, наверное, так бы и пребывал во власти вечерней тишины, если бы рядом, где-то справа, не послышалось какое-то тяжёлое хлопанье.

Лодка их была скрыта стеной тростника.

Дядя схватил племянника за руку:

— Слышишь?

— Ага!

— Знаешь, кто это?

— Нет.

— Это и есть хозяева озера — пеликаны.

Птиц не было видно, их скрывала от лодки сплошная стена тростника. Но дядя Кузьма сказал уверенно:

— Сейчас мы их увидим!

И правда, вскоре над озером появилась стая пеликанов. Они образовали полукруг.

— Вот это да! — ш умно обрадовался Митя.

— Тише, — предупредил дядя. — Не спугни. Сейчас они будут рыбачить!

«Как это, рыбачить?» — подумал Митя, но докучать вопросами не стал.

Тем временем розовые птицы слились в единый большой круг и стали снижаться. Таким же кольцом они и упали в воду. Смешно и неуклюже захлопали крыльями. Алая от заката вода забурила, закипела...

Озеро в этом месте, видимо, было сравнительно мелким. Кольцо стало сжиматься. Над птицами то и дело взметались каскады брызг.

— Что они делают? — недоумённо оглянулся на дядю Митя.

— Смотри, смотри! — перебил тот.

И, когда кольцо совсем уже сомкнулось, пеликаны вдруг дружно стали выхватывать из воды испуганную рыбу, которую они непременно подкидывали над собой, и та, сверкнув в небе чешуёй, моментально

пропадала в их широких клювах-мешках. Рыба, что была для них слишком крупной, соскальзывала обратно в воду. Но пеликаны, в отличие от рыбаков, не жалели об этом, а продолжали выхватывать всё новую и новую мелочь.

— Во рыбачат! — щёлкнул пальцами дядя Кузьма. — Не чета нам.

Когда птицы насытились — а молет, больше не осталось рыбы в этом месте? — они ещё немного поплавали по озеру, потом шумно и дружно поднялись в небо и растаяли в розовом закате.

— Ну что ж, и нам пора домой! — как-то тепло сказал дядя.

3

Ночью Мите приснился сон. Он кормит Петьку рыбой, а тот отворачивается, бьёт крылом. Митя выпускает пеликана на волю. Птица важно отходит в сторону и почеловечьи говорит ему:

— Ты обидел меня, человек! Ты выстрелил в меня из ружья. Я не хочу с тобой дружить. Прощай! — и пеликан улетает.

— Подожди же! — хотел крикнуть Митя. — Не я тебя обидел. Я тебя хотел спасти, — но слова застряли в горле, казалось, что его кто-то душит.

Мальчик в страхе открыл глаза. Было уже утро. Митя посмотрел по сторонам, прислушался. Дядя Кузьма, видимо, давно уже ушёл. Тётя Даша, гремя посудой, мыла её под к олонкой. Кудахтали куры. Митя наскоро оделся — и прямо к курятнику. Пеликан, как ни в чём не бывало, стоял у корыта с водой и прополаскивал горло.

— Петька! — искренне обрадовался Митя. — Ты здесь? Я так и знал, что ты куда не улетишь...

Пеликан уже дружелюбнее, не как вчера, повернулся на голос мальчика, сам подошёл к сетке, стал долбить по ней к лювом, прося рыбы. Митя мигом сбегал домой, принёс связку сазанчиков и, войдя в курятник, начал кормить птицу.

— Смотри, не перекорми! — улыбнулась тётя Даша. — Пока ты спал, приходил уже Каюм, приносил чебаков...

Но Петька не собирался скромничать, аппетит у него был отменный. Он, клопоча, быстро проглотил принесённое угощение и благодарно посмотрел на своего юного хозяина. Но этого ему показалось мало, и, чтобы ещё теплее выразить свою благодарность, птица стала тереться здоровым крылом о ногу мальчика.

— Петька, Петька! — пов торял растроганно Митя. — Ну, что ты, я же просто так, ничего особенного...

4

Море спокойно и ровно дышало под высоким летним солнцем. Митя лежал на своем излюбленном валуне и думал о людях. Почему среди добрых и о тзывчивых к чужой боли или горю, таких, например, как дядя Кузьма или Каюм, встречаются люди, которым на всё наплевать? Кто подбил Петьку...

Хорошего человека можно узнать сразу, по взгляду, по улыбке... А вот плохого не определишь. Он ведь тоже, как все, говорит, улыбается. Зло всегда прячется, маскируется. На то оно и зло.

Вдалеке послышался шум мотора. Красный катер острым носом разрезал белопенные волны. Митя помахал ему рукой.

Из-за руля встал рыбинспектор Аманбаев. Сложив ладони рупором, сквозь рокот мотора и плеск волн он зычно прокричал:

— Как дела, капитан? - всех ребят он называл капитанами. — Ка к твой пеликан? Жив-здоров?

— Здо-о-ров! Спа-а-си-бо! — о тозвался Митя.

Вскоре катер скрылся за гребнями волн. Стало опять привычно тихо. Только волны шуршат равномерно, словно какой-то невидимый великан листает огромную книгу жизни, пытаясь до конца её разгадать...

5

Интересный человек дядя Кузьма. Столько историй всяких знает.

Вечером, сидя на лавочке возле дома, он рассказывал Мите:

— Мало осталось уже розовых пеликанов! С каждой весной всё меньше и меньше становятся их колонии. А по чему? Да потому, что порою, наш брат варварски относится к природе. Взять хотя бы тех же пеликанов. Вообще-то, вполне безобидная птица. Сколько она там рыбы съест! Да и истребляют их не за то. Видите ли, понадобились людям их розовые перья. Для украшения домов и головных уборов модниц. А как добыть эту осторожную птицу? С ружьём не всегда подкрадёшься. Больно чуткие. И тогда охотники за красивыми перьями дошли до небывалой хитрости. Эту охоту только недавно строго-настрога запретили, а прежде-то она считалась делом обычным. Видал на базарах двухпудовые тыквы? Хорошо из них готовить кашу, пирожки.

Ан, нет! Разбойники эти брали тыквы совсем для других целей. Они аккуратно выскребали всё содержимое, сушили на солнце. А потом, как скафандр, надевали полую тыкву на голову, предварительно просверлив маленькие дырочки для воздуха. Плывёт по воде такая тыква и пусть себе плывёт... Птицы быстро привыкают к не знакомому предмету, а точнее будет сказать, это охотник приучает их к себе. И, улучив удобный момент, он — р-раз — под водой хватает птицу за лапки. А если повезёт, то сразу и двух поймает. Вот и верь потом этим «тыквам»! Много птиц было переловлено таким способом. И не только пеликанов, но и уток, гусей, другой водоплавающей живности...

Митя, затаив дыхание, слушал рассказ дяди.

А тот, закурив самодельную «козью ножку», продолжал:

— Смекалка она хороша, когда к делу и к месту. Только не в ущерб природе, людям. Вот, например, вспоминаю я такой случай на войне. Немцы на том берегу реки, мы на этом. Артобстрел днём и ночью. Вызывает меня комбат и говорит: «Языка надо добыть!» А как добыть, если река нас разделяет? Днём — ясная, как на ладони, а ночью — освещённая прожекторами.

Но на то мы и разведчики, чтобы выходить из безвыходного положения... «Есть!» — отвечаю я комбату. А что «есть», сам до конца не понимаю. Вот тут-то и помогла мне смекалка рыбацкая да охотничья. Взял я с собой ещё трёх бойцов-разведчиков. Выдолбили мы четыре тростинки-камышинки и погрузились ночью в воду. Лишь стебельки торчат, попробуй догадайся, что это не камышинки, а разведчики под водою движутся. Ну и переполоху в ту ночь мы наделали на вражьем берегу! А тут и наши подоспели, помогли. С честью мы справились со своим заданием. Добыли «языка» — важного фрица. Вот тебе и х валёные умники-фашисты: способ-то этот древний, читал я, им ещё в стародавние времена славянские воины пользовались.

Ещё много историй рассказал бы дядя Кузьма в тот вечер, если бы не тётя Даша.

— Полно тебе, — сказала она. — Совсем уморил ребёнка. Идите за стол, давно ужинать пора да и спать.

6

Петька с каждым днём всё больше привыкал к ребятам — к Мите, Каюму — и к тётё Даше. Крыло начало постепенно заживать, и птицу стали выпускать во двор. Пеликан

смешно семенил за ребятами. Куда они — туда и он. За то вечером Петька самостоятельно, без напоминаний шёл к курятнику, словно в свой родной дом. Во всем-то, он и был для него родным домом. Здесь и любимое его корыто, и желанная пища. Если дверь курятника оказывалась закрытой, он терпеливо ожидал хозяйку — тётю Дашу. А однажды случилось так, что вечером дома никого не оказалось. Петька походил, походил возле курятника, а потом вышел на улицу. Прошагал несколько метров и — в калитку к соседям. Там-то и была тётя Даша. Увидел её пеликан и потянул своим длинным клювом за подол платья: мол, хватит заниматься разговорами, айда домой, мне пора отдыхать!

Вот смеху было после этого случая!

И ещё доброе дело явил Петька. Сам не зная того, он сделал закадычными друзьями Митю и Каюма. Теперь они вместе ходили загорать на пустынный мыс, на рыбалку ловить чебаков в порту для крылатого друга. А Петька всюду шествовал за ними, неуклюже семеня позади. Сначала люди удивлялись, показывали пальцами:

— Глядите, пеликан!

А потом привыкли к Петьке. Как будто, так и должно быть.

7

В полдень со божжённых просторов Устюрта внезапно подул сильный ветер с песком и пылью. Море штормило. Ветер, превратившийся в буран, стелил к с амой воде тростники, ломал с треском редкие сухие деревца, слепил глаза, бил на крышах листовым железом и шифером.

Куры, кудахтая, сбились в кучу под досками. Лишь пеликан невозмутимо стоял в сторонке, стараясь встречать грудью порывы ветра. И всё шевелил крыльями, как бы пробуя: срастается раненое крыло или нет? А оно крепло. На радость детворе и ему, Петьке!

... Митя был дома, когда внезапно почувствовал усталость, слабость в теле и тошноту. Он прилёг на кровать. Подошла тётя Даша и приложила к его лбу холодную ладонь.

— Температура! — тихо сказала она.

К ночи начался сильный жар. Вызвали врача. Врач осмотрел больного, оставил лекарство, успокоил:

— Ничего страшного! Обыкновенная простуда. Дня через два пройдёт. Нужен постельный режим.

Уже на другой день Митя почувствовал себя лучше. Он хотел было встать, но тётя Даша строго наказала:

— Лежи! Врач велел.

— А как там Петька?

— Ничего не случится с твоим дружкой. Каюм приходил, рыбу приносил. Спрашивал, где ты да что с тобой, но я не пустила.

Скоро тётя Даша ушла в се льмаг. Раз врач сказал, ничего не поделаешь, придётся лежать, если даже и скучно тебе. Митя перевернулся на правый бок, задремал было. И даже не услышал, как кто-то, тяжело шлёпая по по лу, — топ, топ! — под ошёл к его кровати. Затем этот кто-то потянул за одеяло. Митя встрепенулся, повернулся и... увидел пеликана.

— Петька! — улыбнулся он. — Ты здесь?

И пеликан затряс своей смешной розовой головой. словно хотел этим выказать свою радость от встречи с другом.

Следом за Петькой во ткрытую дверь вошёл Каюм. На ш широком загорелом лице улыбка, а в руке горсть орехов:

— Возьми, это тебе. Дедушка передал, из Ферганы привёз!

Митя соскочил на пол — так обрадовался друзьям. А пеликан сразу потянулся за орехами, но Каюм, отведя руку, наставительно предупредил:

— Нельзя! Это тебе не рыба. Подавишься ещё.

Митя хотел расспросить о море, о рыбалке (как будто век там не был, а ведь прошёл всего лишь день). Но Каюм приложил указательный палец к губам:

— Тише! Кажется, тётя Даша идёт... Ложись, тебе же нельзя вставать. Мы лучше в следующий раз к тебе зайдём. Пошли, пошли, Петька, а то нам влетит от хозяйки!

8

Целых четыре дня пролежал Митя в постели. И эти дни ему показались самыми долгими в жизни! Он уже успел соскучиться и по морю, и по рыбалке, и по друзьям.

Нет, что ни говори, но, хотя вас и окружают теплотой и заботой и исполняют малейшие капризы, быть здоровым всё-таки лучше!

Ещё с вечера Митя договорился с Каюмом пойти на пустынный мыс.

И вот оно, море, синее, большое, с тёплыми солоноватыми брызгами.

— Здравствуй, море! — закричал Митя.

Его голос, казалось, подхватили гребни волн, высокое небо и белоснежные чайки, реявшие над самой головой.

Мальчик с р азбега кинулся в о бъятия упругих волн...

Хорошо лежать на тёплом валуне после купания, мечтать, глядя в бескрайний горизонт.

Каюм рядом на песке строит замок. Петька ходит вдоль косы, печатая на мокром берегу разлапистые следы. Иногда он шумно хлопает крыльями, словно пробует их в деле. Должно быть, пеликан сильно соскучился по небу, по своим сородичам. Каждый раз, видя пролетающих птиц, — стаи уток, гусей, журавлей, — он пов орачивает к ним голову и с т оской провожает их взглядом. Тяжело птице, оторванной от неба!

— Митя, смотри! — зовёт Каюм.

— Что ещё там?

— Правда, красивый корабль получился?

Рядом с з амком из песка был построен великолепный корабль. Как положено: широкопалубный, с человечками-матросами.

— Я ег о назвал «Бесстрашный», — сказал Каюм.

— Почему именно «Бесстрашный»?

— Потому что ему не будут страшны никакие волны в океане! Я обязательно после восьмого пойду в мореходку. Буду моряком.

— А я ещё не знаю, кем буду... — задумчиво произнёс Митя. — И лётчиком охота быть, и учителем, и лесником... Но всеми сразу, видно, нельзя, вот я и выбираю.

Справа, со стороны порта, показался катер Аманбаева. Разрезая волны красным носом, катер мчался по направлению к ребятам. У самого берега он остановился, мотор заглох.

— О чём мечтаете, капитаны? — крикнул Аманбаев. Его фуражка с серебристой кокардой-крабом озорно сверкнула под солнцем.

— За-го-ра-ем! — ответил Каюм.

— А ну-ка, дуйте сюда! Прокачу на катере!

— А как же Петька? — озабоченно спросил Митя.

— И Петьку берите с собой!

Ребята без труда поймали пеликана и втроем шумной компанией расположились на сиденьях. Заработал мотор. Катер дёрнулся и, плавно разрезая волны, заскользил навстречу солнцу. В лицо ударило прохладной водяной пылью.

Петька, то ли от шума мотора, то ли от непривычной обстановки, робко прижался к Мите. Мальчик даже слышал, как испуганно бьётся под розовыми перьями птичье сердце.

— Ну, как, заживает крыло? — спросил Аманбаев, одной рукой орудуя рулём, а другой — похлопывая по плечу Митю.

— Скоро наш пеликан совсем выздоровеет, — вздохнул Каюм.

— Что ж вздыхать? — заметил Аманбаев. — Радоваться надо!

И Мите только теперь пришло в голову, что их с Петькой дружба не вечна.

— А, между прочим, человека, который стрелял в вашего пеликана, мы нашли!

— Кто же это? — насторожились ребята.

— Да был здесь никудышный один, Захар-выпивоха. У сельмага хвалился своим дружкам, что подстрелил пеликана. Ребята, ваши ровесники, услышали и рассказали мне. А на прошлой неделе на Пеликаньем озере я поймал его с поличным, две огромные сети отобрал. Браконьерствовал. Здорово ему досталось. И за вашего Петьку, и за рыбу. Сети мы у него отобрали да оштрафовали его. К тому же дело передали в суд. Зло никогда нельзя оставлять безнаказанным! Верно я говорю, ребята?

— Верно! — ответили в один голос Митя и Каюм.

И, посмотрев друг на друга, весело рассмеялись.

Лето всегда проходит быстро. Это, наверное, потому, что каникулы. Отдыхай сколько хочешь, занимайся чем хочешь. Загорай, рыбачь, читай увлекательную книгу... Да мало ли какие ещё найдутся приятные дела! Разве могли предположить Митя или Каюм, что им придётся не просто подружиться, но и порядком повозиться с необычной птицей-пеликаном? Одному бы ни за что не прокормить Петьку! Так много он ест рыбы...

Вот и приходится друзьям целыми днями пропадать с удочкой то на море, то на озере. Хорошо ещё, что рыбы вдоволь, клюёт хорошо. А не то куда бы деться? Хлопот с ним...

Пеликан по-прежнему всюду ходил за ребятами.

— Может, ты заберёшь его с собой в школу? — пошутил как-то дядя Кузьма.

— А что, можно! — подхватил увлечённо Митя. — У нас в школе есть свой зооуголок. Кролики там, кеклики, перепёлки... А пеликан — это было бы здо рово! Только вот чем его кормить? — спохватился он. — Ведь в городе у нас нет реки, не говоря уж о море.

Утренники стали заметно прохладными. Метёлки тростников пожелтели, свернулись в т рубочки. На озёрах всё больше и больше появлялось птиц. Птенцы выросли

и летали вместе с родителями. Утки сбивались в свои стаи, цапли — в свои.

Митя и Каюм как-то рыбачили на Пеликаньем озере. Петька плавал неподалёку на отмели и часто-часто окунал голову в воду. Видимо, тоже ловил рыбу. Но почему-то всякий раз неудачно. А может, он уже разучился охотиться? Может, привык брать угощение только из рук? Если так, беда: пропадёт на воле, погибнет...

Солнце огромным розовым шаром висело над тростниками. Чайки реяли над озером и с резким криком выхватывали из воды мелкую рыбёшку.

Далеко над противоположным берегом озера показалась стая птиц. Она росла на глазах. И в си луэтах пернатых Митя распознал пеликанов.

Петька насторожился и весь напрягся как струна. Когда птицы

пролетали над тростниками, он приподнялся над водой и шумно захлопал крыльями. И вдруг Каюм закричал:

— Смотри, смотри, Петька полетел! Ура!

Пеликан неуклюже поднялся над озером, сделал пробный маленький круг и опустился возле рыбаков.

— Во молодчина! — заулыбались ребята.

Особенно радостными возвращались в этот день с рыбалки друзья.

10

Всю ночь дул резкий ветер. К утру он притих, и Митя с Каюмом решили сходить на песчаную косу, к валуну — и злюбленному месту отдыха.

Петька тоже увязался вместе с ребятами, но на повороте дороги почему-то отстал. Ребята не обратили на это внимания. А когда они спохватились, пеликана не оказалось на месте.

— Где Петька? — забеспокоился Митя.

Правда, где? Ребята стали тревожно озираться по сторонам.

— Да вон же он! — закричал Каюм.

Высоко в синем небе делала плавные круги величественная розовая птица. Наверное, выскивала свою стаю. Впереди было

море, а позади — земля, с множеством больших и малых озёр, где всегда отыщутся сородичи и необходимый корм. И пеликан полетел к озёрам.

— Петька, куда же ты? — отчаянно закричал Митя.

— Вернись! — вторил ему Каюм.

Они понимали, что этот миг должен будет когда-то настать, но очень уж жаль было расставаться вдруг...

А их Петька летел навстречу встающему солнцу и вскоре растаял в розовом мареве. Навсегда.

... Историю про пеликана и двух мальчиков, Митю и Каюма, поведал мне аральский рыбак. Это было много лет назад. Увы, к великому огорчению, когда-то полноводное море теперь погибает. Оголяется дно Арала. Мальчики давно выросли. Митя стал капитаном и водит суда в Черноморском пароходстве, а Каюм — лётчиком. Иногда друзья собираются вместе и думают, как бы спасти родной Арал, чтобы на его берегах снова гнездились такие прекрасные птицы, как розовый пеликан Петька. Но это уже рассказ о другом...

Часто сидел и в тесной городской чайхане. Со всех сторон гул голосов, звон чайников и пиал. Даже поговорить нельзя толком.

А вот в чайхане высоко в горах побывать пришлось впервые. Точно орлиное гнездо притулилась она к скале, огороженная деревянными перильцами и высокой крышей — «шатром» из жести — от всякой непогоды. Рядом с чайханой растёт чинара, глубоко внизу дробится о камни водопад. Поэтому-то не слышно здесь листьев дерева, чудом ухватившегося за неподатливый грунт.

В горную чайхану мы приехали с Нигматуллой. Нигматулла, объездчик колхозных полей, весь день проводит на лошади. Но в чайхану лошадь не пошла — высоко слишком. Пришлось спешиваться, привязывать её к дереву...

Удивительная чайхана! Запрокинешь голову — и у видишь белые языки ледников, а протянешь руку за перильца — и можно поймать облако за бороду. Их холоднато как-то, словно зимой. Хотя там, в долине — всего-то час езды — до тридцати градусов жары. Лето по календарю.

— Чай не пьёшь, где силу берёшь? — говорит чайханщик Али, ставя перед нами чайник, разрисованный маками.

Чайханщика все здесь называют Али-Баба. И он н исколько не обижается на это прозвище. Привык, наверное. Сам он весь какой-то круглый и тяжёлый, точно куль, в котором ему привозят снизу чай и сахар.

Мы пьём зелёный чай. Угощаемся стеклянными камушками наввата.

— Навват, — говорят, причмокивая, старики, — мгновенно утоляет жажду. Такого сахара у вас в России нет.

— И вода родниковая, — вторит им Али-Баба.

Чай и впрямь совсем необыкновенный. Наверно, хозяин добавляет в него какую-то траву.

— Правильно, — под мигивает мне Али-Баба. — Это горная душица. Хорошая, душистая трава.

Подогнув ноги, чайханщик с нежданной лёгкостью опускается на коврик. Я не в первый раз в чайхане и знаю, что это означает. Значит, наступает час дружеской беседы, рассказов о том о сём.

— Ну, рассказывай, — говорит Али-Баба, — где был, что видел? Какие чудеса в мире, а?

Где был, что видел... Не так просто, однако, удивить чем-нибудь старого чайханщика! Каких только людей не пе ребывает за день в его чайхане. То охотник спустится

из-под облаков, то рыбак с лодкой-рюкзаком за плечами откуда-то вынырнет. Загорелые бородатые ребята-туристы встанут на привал в ч айхане, зоолог из соседнего заповедника, возвращаясь из своего обычного похода, к ним подсядет. И пойдут истории, одна другой краше, завлекательнее.

Полузакрыв глаза, слегка покачиваясь, сидит рядышком с гостем Али-Баба. Гремит внизу водопад, неслышно шелестит листвой чинара. Но ни одного словечка не упустит чайханщик из рассказа гостя. В своё время и он немало побродил по земле. Был егерем, сборщиком трав, ветеринаром. А теперь вот сидит, слушает рассказы бывалых людей. Где кто был, что видел. Иногда и своё словечко вставит...

Пришлось и нам с Нигматуллой раскошеливаться на рассказы.

Музыкальный медведь

К вам домой когда-нибудь приходил медведь? Нет, не во сне, а наяву. Не было такого случая? А вот к моему другу Ахмаду косолапый гость наведывался. Не раз и не два.

Ахмад работает полевым сторожем. Его дело — оберегать посевы пшеницы, кукурузы, подсолнечника от скота, отгонять лакомок от полей. Кибитка Ахмада стоит

на склоне горы, у самого подножья. Вокруг расстилается альпийский луг. Шелестят высокие горные травы, бабочки, шмели кружат над головой...

Вечером, объехав свои «владения», Ахмад возвращается домой, в кибитку. Отпускает кобылу на луг, а сам, умывшись в ручьё, принимается готовить ужин. А по том... Потом берёт в руки старенькую домбру, садится к окну. Долго ещё порхают в вечернем воздухе звуки домбры — над деревьями, над зарослями барбариса, над остывающими камнями...

Однажды Ахмад выглянул в окно и... чуть домбру из рук не выпустил! Возле кибитки, прямо на кирпичиках-ступеньках, сладко позёвывая, лежал большой медведь. Сторож не на шутку испугался. Захлопнул окно, притаился. Мишка не подавал никаких признаков жизни. Осмелившись, Ахмад выглянул в щёлку. Медведь, понутив голову, ковылял вверх, в гору. Обиделся, видно...

Приходил он и на другой день, и на третий. Наконец-то у Ахмада-горбуна появился слушатель. Теперь его вечерние концерты длились часами. Медведь внимательно слушал, только иногда поклёвывал носом. Но стоило Ахмаду отложить в сторону домбру, как медведь немедленно вставал и отправлялся восвояси.

— Вот музыкальная душа! — удивлялся Ахмад. Он и сам не заметил, как перестал опасаться дикого зверя. — И в едь совсем не боится меня. Может быть, потому, что и у него, и у меня горб за плечами. И оба мы одинокие, холостяки.

А в ок тябре, с п е рвыми заморозками, медведь исчез. Ахмаду не хо телось думать о том, что с ег о слушателем случилась какая-то беда. Может быть, мишке просто-напросто наскучил его репертуар?

И только некоторое время спу стя Ахмад догадался, в чём тут де ло. Незаметно подкралась осень, наступила пора свадеб. Всё чаще Ахмад, привязав к с едлу свою домбру, отправлялся куда-нибудь в г ости и домой возвращался с первыми звёздами или в пол-ной темноте. А однажды утром он обнаружил у кибитки следы, клочки бурой шерсти. Значит, медведь всё-таки приходил, ждал его воз-вращения. Но, соскучившись ждать Ахмада-горбуна, косолапый ушёл в свои горы.

Поздние ласточки

Плыли мы с приятелем как-то на плоту по Сырдарье. Слева — зелёные тугаи* — деревья, кусты, колючки. Справа — пустыня,

*Тугаи — непролазные заросли.

полинявшая за долгое знойное лето до желтизны.

Середина октября, а небо по-прежнему светло-бирюзовое, ни жары, ни мошканы. Хорошо! Прохладный ветерок дует в спину, чайки белыми лоскутками-крыльями чиркают по воде. Выловив рыбёшку, взмывают вверх, кричат звонко, радостно.

В полдень решили остановиться. Облюбовали красивую тугайную полянку, пристали к берегу. Выгрузили вещи, расчистили пятачок для костра.

Я пошёл с котелком за водой, а приятель за хворостом в тугай. Тихо кругом. Только вода к берегу ластится да один на весь берег комарик норовит на ухо сесть — будто другого места нет.

И вдруг... шелест, свист, звон! Запрокинув голову, я увидел ласточек-береговушек, огромной сетью опутавших небо. И откуда их столько набралось!

«Сеть» то опускалась низко над Сырдарьёй, то шумно взмывала к зениту, то нависала над тугаями. Что-то тревожащее душу было в бесконечных метаниях поздних ласточек. Мы долго сидели у костра, пили сладкий чай с сухарями, а они всё ещё кружиливерху, рассыпая по небу звон невидимых колокольчиков. И только к вечеру

неожиданно исчезли, точно растворились в вышине. Я взял было удочку, чтобы пойти на берег порыбачить, но мой т оварищ почему-то не тронулся с места.

— Давай сначала поставим палатку, — предложил он.

— Зачем? — пожал я плечами. — Тепло. Поспим и в спальных мешках.

— Нет, — настаивал приятель. — Погода изменится. Вот и ласточки к теплу потянулись.

Поставили палатку, порыбачили. И только-только улеглись, как со стороны пустыни налетел ветер. Небо обложило косматыми тучами. Похолодало. Ветер с треском ломал сухие сучья в тугаях, шуршал песком возле самого уха. Под его напором крепкий холст вздрагивал, надувался парусом. Если бы не глубоко забитые колышки, палатка, наверное, поднялась бы вместе с нами и улетела в небо.

Лишь перед рассветом наступило затишье. Мы вышли из палатки и не узнали вчерашней полянки. Всё вокруг сверкало и искрилось от снега. Палатка, деревья, кусты казались облепленными мириадами насекомых с блистающими крылышками.

Я ходил вокруг палатки, шурясь, глядел по сторонам. И вдруг...

На нижней ветке одиноко стоящего дерева я заметил ласточек. Шесть птиц, целая стайка...

Подошёл поближе и обомлел. Ласточки не двигались, словно были сделаны из стекла. Совсем как игрушки на новогодней ёлке.

Не улетели, замёрзли.

Я вспомнил вчерашний день. Как не хотелось нам возиться с палаткой. Спасибо ласточкам, надоумили! А стайка из шести птичек решила задержаться. И вот...

Снег к обеду растаял, мы поплыли дальше. Река отогревалась, приходила в себя. Снова радостные крики чаек, тёплый попутный ветерок. Но холодно, как-то зябко сделалось на нашем плоту.

Чуня

Ночью над горами промчался ливень.

С вершин низвергались потоки, увлекаемая за собой камни, ломая деревья, вырывая с корнем кусты.

Грохот, шум, плеск.

Только перед рассветом непогода угомонилась. Над вершиной проблеснула льдистая звёздочка.

Дикая свинья увела выводок — в восемь полосатых свинок — в абри косовую рощу: там было спокойнее.

Лишь к утру, она обнаружила, что в семье недостаёт одного детёныша. Он был девятым по счёту, самым слабеньким.

Свинья в беспокойстве металась от дерева к дереву, расшвыривала обломанные ветки, обнюхивала траву. Малыша нигде не было. Отчаявшись, кабаниха увела оставшийся выводок обратно в горы, где под корневищами столетней арчи была её лёжка.

Зоолог Евстафьев на рассвете вышел в горы. Да, здорово поозоровал за ночь весенний ливень! Валуны сдвинуты с места, деревья искорёжены, трава спутана.

Дойдя до развилки тропы, человек остановился. Как будто тихое повизгивание донеслось до его слуха. Евстафьев нырнул в плотные заросли барбариса. На земле, запутавшись ножками в высок ой траве, лежал крохотный кабанёнок. Увидев человека, малыш попытался встать, но... Силы окончательно оставили его. Поросёнок ещё раз тихонько взвизгнул.

— Ну что ты, глупыш, — сказал Евстафьев. — Не бойся.

Зоолог стянул с плеч полевую куртку с множеством карманов и застёжек и, вызволив дикого зверька из плена, укутал его в плотную ткань.

Но и под к урткой кабанёнок продолжал мелко дрожать и повизгивать. Видно, сильно простыл.

«Без материнского тепла и молока малышу долго не протянуть, — думал зоолог, шагая к станции. — Ладно ещё, что на глаза мне попался!»

Дома, обогрев найдёныша, Евстафьев, однако, призадумался. В его хозяйстве не оказалось ни соски, ни молока. Ну, положим, всё это можно достать. А потом, когда малыш придёт в себя? Ухаживать за дикими кабанятами Евстафьеву пока не приходилось. А если новосёл заболит? Как лечить такого кроху?

И тут зоолог вспомнил о своей знакомой, студентке техникума Лене:

Лена работала в зоопарке, а по вечерам училась на ветеринара.

«Ага, вот кто нам поможет!» — подумал Евстафьев.

Лена с радостью взяла маленького кабанёнка на воспитание.

Найдёныш оказался свинкой, и девушка придумала ей забавную мультипликационную кличку — Чуня.

Свинка действительно была очень симпатичной. По гладкой тёмно-стальной щетинке разбегались продольные полосы-лучи.

Глазки — ну точь-в-точь две тёмные вишенки. Нос вытянут, а на конце влажный розовый пяточок.

Первые дни Чуне всё в доме было в диковинку. Она больше отлёживалась на коврике-подстилке в углу комнаты. Но больше всего хлопот доставляла Лене кормёжка Чуни. Сначала та вообще не хотела брать соску с мо локом. Визжала, вырывалась из рук.

— Ну ладно... Ну, хватит капризничать, — словно ребёнка, уговаривала поросёнка Лена. А сама незаметно совала ей к пяточку соску с молоком.

И Чуня, наконец, сообразила, что от неё требуется. Схватила соску, зачмокала. Да с такой жадностью, что через минуту в бутылке ничего не осталось.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Лена. — На первый раз хватит.

Наутро дело пошло веселее. Аппетит у Чуни вообще оказался отменным. Теперь, увидев девушку, Чуня сама семенила ей навстречу, с разбега тыкалась в ноги. На языке кабаньем это, видимо, означало: «Здравствуй, хозяйюшка! Что ты мне принесла?»

Лена вынимала из сумки бутылку с молоком и кормила Чуню.

Через месяц свинка подросла. Щетина её окрепла, сделалась гуще.

Как-то Лена пришла с работы в торжественном, приподнятом настроении.

— Ну всё, Чунюшка, — в есело сказала она. — Завтра утром переселяю тебя в зоопарк. Твои сородичи тебя заждались.

Самые разные подопечные у Лены на работе: грациозные, словно выточенные из дерева косули, быстрые, как ветер, сайгаки, с достоинством вззирающие вокруг винторогие козлы... Джейраны, дикие бараны — всех не перечтёшь. Парнокопытные — у мные, чуткие животные — издалека узнают свою хозяйку. Но раньше всех Лену угадывает Чуня.

При первых же звуках знакомых шагов Чуня вырывается вперёд из стайки кабаньего молодняка. Мчится к Лене, как собака, пытается лизнуть ей руку.

К осени свинка стала с удовольствием есть и пойло, и отруби, и арбузные корки.

Прошло два года. Чуня стала рослой, красивой свинкой. В Ташкентском зоопарке все называют её по имени. Чуня охотно отзывается на свою кличку. Позовёшь — обязательно повернёт голову. Но признаёт по-прежнему одну Лену. И угощение принимает только из её рук.

А недавно я узнал, что у Чуни скоро будут свои поросята.

Дикие поросята, рождённые в вольере.

Однажды в Кураминах...

Не по-осеннему палящее солнце медленно поднималось над островерхими снежно-синими вершинами Кураминских гор. Стоя на горном склоне, я заворожённо следил за тем, как где-то там, внизу, плывут по реке сизые островки тумана. Пять упитанных тушек каменных курочек (по-местному кекликов) приятно отягощали мой ягдташ*, пора было возвращаться восвояси.

К роднику — месту встречи с моим напарником по охоте Юсуфом — я решил спуститься южным склоном. Хотелось поскорее продемонстрировать Юсуфу свои трофеи. И вот... Без тени сомнения оставив набитую козами тропу и ступив на россыпь мелких голышей, я вдруг почувствовал, что гора оживает у меня под ногами! Подошвы кроссовок буквально тонули в гальке! Мгновенно собравшись, я инстинктивно рванулся из каменного капкана — прямо к огромному валуну метрах в двух-трёх впереди. Манёвр, к счастью, удался — я вскочил на камень,

*Ягдташ — сумка для дичи.

замер и, наконец, смог перевести дыхание. Оказывается, отсюда было рукой подать до скалистого твёрдого грунта. Но что это? Гранитный валун словно пошатнулся в своём гнезде... Затем что-то хрустнуло, и... секунду назад казавшийся таким надёжным предатель-валун потихоньку пополз по склону. Отчаянно вскрикнув, я взлетел над камнем и, уже не разбирая дороги, наобум рванулся вперёд.

Только потом, оказавшись под небольшим каменным козырьком и ощутив под ногами надёжный суглинок, я оглянулся назад. Прямо за моей спиной по склону низвергались камни — большие и маленькие. В облаках едкой пыли я увидел и свой валун, который, сначала не спеша, а потом всё быстрее и быстрее набирая ход, мчался вниз, в пропасть.

Камнепад продолжался, кажется, целую вечность. Наконец внизу раздался грохот, не уступающий по силе артиллерийскому залпу. Затем снова вокруг стало тихо. По-прежнему сияло солнце, синели горы, тирлиликал сверчок. Только мелкая галька ещё некоторое время, зловеще шелестя, текла сверху.

Через полчаса к месту нашего привала подошёл и мой напарник. Внимательно обзрев

мою потную физиономию, Юсуф наклонил голову вбок:

— Э-э, а что это у тебя с причёской? Вся голова в пыли!

Протянув руку, он дружески взъерошил мои слипшиеся патлы. Провёл ладонью раз-другой. И вдруг, точно обжёгшись, смущённо отдернул руку. Увы, волосы, росшие на висках, никак не хотели отряхиваться. Забегая вперёд, скажу, что несколько прядок так и остались серо-белыми — в память о моей удачной охоте в Кураминах.

Горячий верблюд

А вот какая история произошла с нашим колхозным скотником Вали. Два раза в неделю Вали возит сено к себе на ферму. Дорога идёт степью, голой, как пустыня.

Чтобы сена хватило надолго, Вали нагружает свою бричку с верхом. Поэтому издали кажется, что над степью ползёт большое пушистое облако.

Вечером в степи становится прохладно. Свежий ветерок клонит к земле кусты колючки. Вали дремлет на козлах, полузакрыв глаза. Иногда ему и впрямь кажется, что он взобрался верхом на облако и плывёт на нём куда-то далеко-далеко. И вдруг...

— Тр-р-р-р!

Вали открывает глаза, изо всех сил натягивает уздцы. Опять этот верблюд на дороге! Разлёгся и лежит, как у себя дома. Приходится слезать с брички.

— Опять ты здесь? — Вали останавливается напротив лежащего в пыли верблюда. — Другого места себе не нашёл? Я же тебя предупреждал.

Верблюд и головы не поворачивает к Вали. Медленно двигая челюстями, по-прежнему не отрываясь смотрит в степь.

— Вот упрямая скотина, — се рдится Вали. — Каждый раз одно и то же!

Верблюд, однако, и ухом не ведёт. Для устрашения Вали взмахивает тяжёлой плёткой-камчой.

— Уходи, тебе говорят. Не то ка-а-к...

Верблюд вздыхает и наконец-то поворачивает голову к Вали. Большие глаза черносливины смотрят на человека с недоумением и грустью. Вали знает, что верблюд нездешний. Его привёз с собой казах Еркинбай. С минуту человек и верблюд смотрят друг на друга. Наконец Вали отпускает камчу и, сплюнув, идёт обратно к бричке. Тяжёлая повозка съезжает с дороги и, скрипя колёсами, тащится некоторое время по кочкам.

Однажды Вали, засидевшись в чайхане, выехал позже, чем обычно. Чтобы попасть на

ферму засветло, пришлось поторапливаться. Вали, беспокойно поглядывая по сторонам, всё чаще и чаще понукал лошадь. До фермы оставалось уже совсем немного, когда скотник увидел на дороге знакомый силуэт. Вали чуть не взвыл от досады! Проклятый верблюд как будто поджидал его на условленном месте.

Разъярённый, Вали выскочил на дорогу, взмахнул плёткой. Длинный рубец лёг на пыльную шкуру верблюда. Со вздохом, больше похожим на стон, верблюд вскочил и, не оборачиваясь, затрусил в степь.

— То-то, — трясущимися от гнева руками Вали сложил камчу и сунул её за пояс. — Слушаться надо было, понятно? Вот и получай своё.

Через несколько дней Вали опять зашёл в чайхану. Вскоре появился и хозяин верблюда — Еркинбай.

— Послушай, Вали...

Услышав голос Еркинбая, Вали сильно удивился. Обычно тот сидел в сторонке и молча пил чай. Редко когда перебросится словечком с кем-нибудь из посетителей. А тут...

— Что тебе, Еркинбай?

— Два дня назад ты ударил моего верблюда.

Вали немного смутился:

— Откуда ты знаешь?
— Знаю, — коротко бросил Еркинбай. —
И сильно ударил.
— Ну и ч то? Ударил, значит, так надо
было. Пусть не валяется на дороге.

Вали поднял голову и с вы зовом посмотре
л на Еркинбая. Тот опустил глаза.

— Зря ты это сделал, — Еркинбай гово
рил тихо, но м ногие в ч айхане услышали
его. — Ты ведь не знаешь моего верблюда.
Он очень горячий, Вали. Смотри, не вышло
бы беды.

Шло время. Верблюд Еркинбая больше
не появлялся на дороге. Вали с улыдкой
вспоминал предупреждение его хозяина.
Вот тебе и горячий верблюд! Даже ни разу
не плюнул в его сторону...

Но вот однажды Вали пришлось съ поехать
в город. Навестил родственников, погулял по
магазинам и на т ретий день, т оже поездом,
вернулся домой. Вечерело, на не бе зажига
лись первые звёзды. С покупками в руках,
шагал довольный Вали с о станции домой.
Вот уже и крыши первых домов показались...

В этот самый момент и услышал Вали за
спиной какие-то странные звуки: туп-топ!
Туп-топ!

Глуховатый, размеренный стук заставил
его насторожиться.

Туп-топ! Туп-топ!

Как будто большие, тяжёлые лепёшки одна за другой шлёпались о стенку огромного тандыра.*

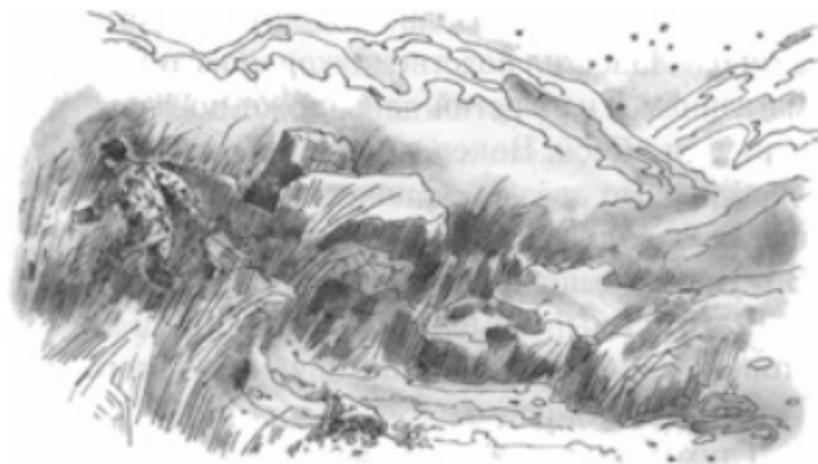
Но откуда взяться тандыру в пустой степи?

Туп-топ! Туп-топ!

Звук приближался, нарастал. Топот — а теперь уже Вали не сомневался, что за ним кто-то бежит, — раздавался где-то уже совсем рядом.

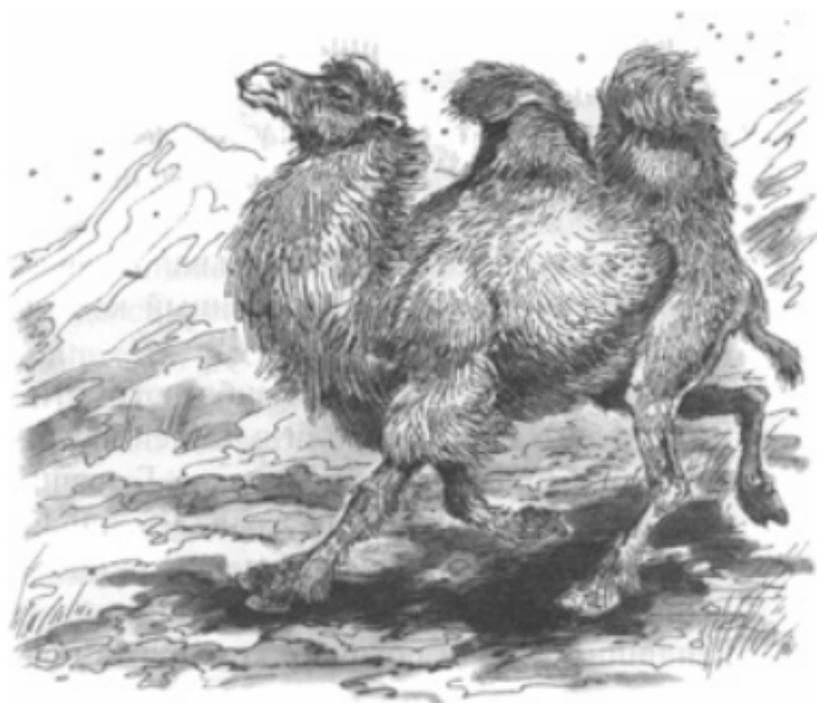
Вали обернулся и похолодел. Так и есть — верблюд, большой, двугорбый, мчался за ним по пятам. Увидев лицо своего врага, верблюд торжествующе взревел.

— Верблюд Еркинбая! Аллах всемиловитый! Эта тварь раздавит меня, как муху!

*Тандыр — глиняная печь, в которой пекут лепёшки.

Не раздумывая больше ни минуты, роня кульки и пакеты, Вали бросился наутёк. Зверь не отставал. Более того — с каждым шагом расстояние между ними сокращалось. Ещё мгновение и... Какое счастье! Возле кулька с рассыпавшимися конфетами верблюд остановился. Всего на секунду, чтобы обнюхать гостинцы. Но этой секунды Вали хватило, чтобы спасти свою жизнь. С неистово колотящимся сердцем он сделал последний рывок и скатился на дно какой-то ямы.

В ту же минуту над отверстием заброшенного колодца нависла морда разъярённого верблюда. Глаза его были вытаращены, с отвислых губ капала пена.

Всю ночь и следующий день Вали просидел, скорчившись, на дне колодца. Там и нашёл его Еркинбай, отправившийся на поиски своего верблюда.

— Я же предупреждал тебя, Вали, — сказал Еркинбай, после того как Вали выбрался на белый свет и немного отдышался. — Говорил, что у моего верблюда горячий нрав.

Стараясь держаться подальше от верблюда, Вали принялся очищать свою одежду от пыли.

— Ну, теперь-то мы, надеюсь, в расчёте, — проговорил он. — А ты как считаешь, скотина?

Верблюд, как ни в чём не бы вало, жевал какой-то кустик, густо усыпанный колючками.

О том, как верблюд Еркинбая отомстил Вали, долго ещё говорили в нашей чайхане. Даже прозвище ему дали — Горячий верблюд. И хо зяина верблюда, Еркинбая, оценили по достоинству. Теперь Еркинбай никогда не сидит за чаем в одиночестве. Глядишь, то один подойдёт, то другой подсядет...

Самое большое чудо

Полжизни — не меньше — провёл я на джейляу*. Ск ему только не доводилось встречаться на извилистых тропинках джейляу, с какими диковинами не сталкиваться. И каждый раз, очутившись перед чем-нибудь необыкновенным, даже загадочным, спрашивал себя: а не это ли есть самое большое чудо на джейляу? Но проходило время, я возвращался на джейляу, окунаясь в его безбрежный, зелёный мир и... Новое чудо, новая диковинка представала моим глазам! И лишь недавно, неделю тому назад, я понял, что напрасно ломал себе голову столько лет. Я узнал — совершенно случайно — что такое самое большое, самое главное чудо на джейляу. Вот как это произошло...

В прошлый выходной день я снова отправился на джейляу — собирать траву. Работал до самого обеда, а когда солнце стало припекать, расстелил мешковину, закинул руки за голову и лёг.

И вот о чём я тогда подумал. Тому, кто сейчас посмотрит на вздымающиеся до небес хребты издалека, с равнины, горы, наверно, покажутся бесполезным украшением земли. Ведь этого изумрудно-зелёного оазиса

*Джейляу — пастбище в горах.

в огромном каменном мешке он не у видит. Не будет видно ему ни коней на выпасе, ни силуэта табунщика с ружьём-соломинкой за плечами, ни догоняющего лису орла. И меня, привольно развалившегося на травке прямо посредине джейляу, он, конечно же, не заметит.

Славно пахнет разноцветьем — боялычем, курчавкой, шалфеем. Слегка раскачиваются цветы — маки, васильки, пастушья сумка. Вот на один цветок села бабочка. Сложила веером сиреневые крылья и не шелохнётся. Поодаль, на травинке, я увидел толстенького жука. Греет под лучами широкою спинку, водит усами вверх-вниз, того и гляди хрюкнет от удовольствия. Ещё дальше, у щербатого камня, замечаю сверчка.

— Цвирк, цвирк! — ше велит он тонкими, точно накрахмаленными крылышками. И сам словно прислушивается к своему цвирканью.

А это что такое? Как будто ручеёк струится мимо меня в сторону овражка. Каждый муравей с какой-нибудь ношей — былинкой, куколкой, соломинкой.

Полчаса прошло, час. Задремал я. Открываю глаза: солнце вниз пошло, к горизонту. Сверчок примолк, но сиреневая бабочка и бронзовый жучок всё ещё здесь,

блаженствуют в своей зелёной чайхане. И муравейный ручеёк течёт, не иссякая, к овражку.

Вот тут-то меня и осенило! А ведь точно, за полжизни, проведённой на Джейляу, я так и не увидел отдыхающего муравья.

Так вот, греющийся на солнышке муравей и есть *самое главное, самое большое чудо на Джейляу.*

На реке Карасу

Довелось мне этим летом ловить на реке Карасу краснопёрок. Место знакомое, обловленное, как говорят рыбаки. Был у меня там и свой родничок, в самом конце протоки, в зарослях тростника. Перед обратной дорогой я обычно оставлял связку краснопёрок на песке у протоки, а сам шёл к роднику напиться.

Как-то возвращаюсь назад, к своим трофеям, и... ноги как будто приросли к земле от удивления! Возле рыбы и звивается порядочных размеров уж. Всеми силами старается ужина оттянуть всю связку к воде. Пришлось сломать камышинку, отогнать непрошенного гостя. Уж уплыл.

Правда, перед уходом я снял-таки с кукана самую маленькую рыбёшку, бросил её на песок, а выходя на дорогу, обернулся.

Уж хлопотал — и откуда он только взялся! — возле краснопёрки.

С того дня уж всегда поджидал меня на условленном месте. И не зря: всякий раз я отдавал ему рыбёшку, а то и две. А однажды мой уж появился из зарослей в компании другого, поменьше. Пришлось добавить угощения: оставить не две, а все четыре рыбёшки.

Вскоре возле протоки меня поджидали уже несколько ужей.

«Ну, это уж слишком», — решил я. Пришлось срочно менять свой маршрут. Ненужное это дело — приучать друзей к попрошайничеству.

Сообразительный чайханщик

А вот какая история произошла с одним моим знакомым чайханщиком. В его чайхане в хаузе* завелись... лягушки! Хозяин чайханы сначала расстроился, а потом — он ведь был человек сообразительный — даже обрадовался. Ни у кого из чайханщиков он не видел в хаузе лягушек. Значит, теперь он один такой на всю округу. К тому же прожорливые твари переловят всех мух в помещении. И народ валом повалит в его чайхану.

*Хауз — водоём в чайхане.

Вышло, однако, совсем не так, как рассчитывал умный чайханщик. Всё меньше и меньше посетителей становилось в его чайхане. И те, кто продолжал ходить, долго не засиживались, убегали. Чайханщик сначала никак не мог понять, в чём тут дело. А потом...

— Уйми лягушек, Али-Баба, — поговаривал кто-то из посетителей. — Орут, не переставая. Словом перекинуться не дают. Голова от их крика пухнет.

Что делать? Как заставить лягушек замолчать? Хорошо, что наш чайханщик был сообразительным человеком. В тот же день отправился он на базар, в мясные ряды. А вечером...

Редкие посетители входили и рассаживались, стараясь подыскать местечко подальше от воды.

— Проходите поближе, садитесь, — уговаривал их радушный хозяин. Но гости только качали головами в ответ.

— Поближе, как же, — шептались между собой старики. — А лягушки? От их крика совсем оглохнешь.

Так прошёл час, потом другой. Хауз безмолвствовал. Отвыкшие от тишины, посетители стали всё чаще поднимать головы, поглядывать по сторонам.

— Что это сегодня с лягушками? Никак не проснутся, что ли?

Час прошёл, ещё. Молчат лягушки.

— Рты он им позатыкал, что ли?

Наконец самый любопытный посетитель поднялся с места и подошёл к хаузу. Где лягушки, повымерли, что ли? Нет, все тут, до одной. Только морды с испуганно вытаращенными глазами торчат из воды. Поприжались к бережку, сидят, не шелохнутся...

Любопытный посетитель смотрел на них, смотрел да вдруг как захохочет! Тут и другие гости повставали с мест, обступили воду. Смеются, пальцами тычут в середину хауза, по которому, медленно покачиваясь, плавают надутые бычьи пузыри.

— Смотрите, ай да Али-Баба! Вот учудил! Каких змей напустил в хауз, а?

С того дня стало прибывать в чайхане народу. Всем было интересно поглядеть, какую шутку сыграл с лягушками находчивый чайханщик.

Только одному чайханному коту проделка хозяина пришлась не по вкусу. Распушил котяра шерсть, разбежался да как прыгнет на спину «змее». Пузырь, конечно, лопнул, кот — в воду. Мокрый, как лягушка, вылез кот на берег. Посетители все чуть от смеха не попадали. Но чайханщик

похвалил кота, а в н аграду за храбрость бросил ему кусочек сочной дыни.

— На, ешь, герой. Заслужил.

— Э-э, да он у тебя дыни ест? — удивились посетители.

— А как же? — под мигнул чайханщик неучам-гостям. — Дыня вообще любимое блюдо многих животных. Лакомятся ею и шакал, и дикобраз, и лиса. Особенно уважает дыню дикий кот — сабанча. Ради одного кусочка приходит, рискуя жизнью, на бахчу. Мой, стало быть, прямой его потомок. Кот что надо! Настоящий мужчина!

Кеклик — утренняя птаха

Ке-ке-лек! Ке-ке-лек!

Утреннее солнце ещё не показалось из-за макушек гор, а кеклики уже на ногах. Тут и там снуют в траве горные курочки, перепархивают со скалы на скалу.

Ке-ке-лек! Ке-ке-лек!

Словно сотни колокольчиков звенят сверху, снизу.

Ке-ке-лек!

И солнце поднимается из-за гор.

Ке-ке-лек!

И утро наступает.

Но на этот раз горы встретили нас с Уланом непривычным, гнетущим мол-

чанием. Не узнать было и моей любимой кекликовой поляны. На её месте громоздились друг на друга гранитные валуны. И сай* оказался завален камнями, между которыми едва-едва пробивался тоненький ручеёк. Ни деревца вокруг, ни кустика. Точно гигантский дэв** прошагал ночью по горному ущелью.

Землетрясение! Теперь, конечно же, и речи не могло быть об охоте. Совестно было ощущать за плечами заряженное ружьё.

*Сай — горный поток, образующийся во время таяния снегов.

**Дэв — сказочный великан.

И мой сеттер заметно скис: сделав несколько кругов по поляне, сразу же остановился, втягивая в ноздри пыльный воздух и изредка чихая. Потом огонёк в его глазах окончательно погас.

Безжизненный — с овсем как на как ой-нибудь необитаемой планете — ландшафт простирался передо мной. От пенья к екликов и мёртвый камень оживает, говорят в народе. Но сейчас кеклики молчали. И тут гнетущую тишину уще лья нарушил густой бас Улана! Лай раздавался из-за высокого мшистого валуна. Когда-то на этом месте, помнится, был родничок. Я подошёл, заглянул вниз — сухо. Но Улан почему-то продолжал волноваться. И вдруг, игриво взвизгнув, пёс принялся лихорадочно разрывать гальку передними лапами.

Заинтересованный непонятым поведением Улана, я бросился ему на помощь. Вдвоём мы быстро освободили ложе бывшего родника. Улан первым сунул голову в образовавшееся отверстие. И, отпрыгнув назад, снова разразился звонким лаем. Я заглянул в нишу и...

Целый выводок — пять кекликов — предстал моим глазам. Тесно прижавшись друг к другу, куропатки — живые и невредимые! — сидели в каменной норе.

Одну за другой вытащил я о слабевших от голода и жажды птичек из их укрытия. И, посадив свою «добычу» в рюкзак, отправился восвояси.

Недели две кеклики жили у меня во дворе. Вместе с курами клевали зерно, пили водопроводную воду. Наконец окрепли, повеселели... А когда их перо налилось тугой, упругой силой, я отвёз своих питомцев обратно в горы. Один из кекликов сразу же вскарабкался на самый высокий уступ и...

Ке-ке-лек!

Красный клювик, тёмные «бусы» на груди, ровные продольные полосы на крылышках. Освещённый лучами первого, самого первого солнышка, кеклик был невиданно хорош. И как я только мог раньше стрелять в таких красивых птиц?

Ке-ке-лек!

И солнце поднимается из-за гор...

Ке-ке-лек!

И утро наступает...

Фотография на камне

Выходя из дому, я всегда вешаю на плечо фотоаппарат. И такая привычка не только у меня. Каждый, кто всерьёз занимается фотографией, больше всего боится упустить тот самый, единственный в его жизни случай. И правда, а что если прямо за углом ты наткнёшься на... гуляющего по улице слона? То-то будет снимок!

Однажды и м не улыбнулась такая невиданная удача. Случилось это в горах. С фотоаппаратом наперевес брёл я по берегу горной речки. Солнце — верный помощник фотографа — стояло прямо над головой. Светлый речной поток время от времени выплёскивал под ноги разноцветную гальку. Были тут и крохотные камешки, величиной с перламутровую бусинку, и средние, цвета яичного желтка с «белком» по краям, и крупные, продолговатые, похожие на рукоятку ножа.

И вдруг... Из-под ноги выскользнул, прямо-таки выпрыгнул, какой-то камешек. Я покачнулся, чуть не потерял равновесие.

Вот противный голыш! Не поленившись нагнуться, я схватил его, поднял руку, чтобы забросить подальше, в реку. Но почему-то остановился...

До сих пор не знаю, почему я это сделал. Обыкновенный осколочек скального грунта — сотни, тысячи подобных ему в эту минуту несла в своём русле река — лежал на моей ладони. Но я подумал о том, что когда-то этот камешек был частью огромной, могучей скалы. Потом оторвался, упал в воду. И волны сгладили все его острые выступы и шероховатости, сделали обломок обыкновенным плоским голышом.

Обыкновенным? Вот уж нет! Я подбросил и поймал камешек в ладонь. Потом ещё раз и ещё. Перевернул...

И — вот оно, чудо! Обратная сторона голыша оказалась не од народной, а к ак будто испещрённой какими-то тонкими линиями. Короткие линии веером разбегались в разные стороны от длинной и широкой, складывались в причудливый узор. Рисунок на камне? И впрямь, похоже на папоротник. Но у папоротника узкие листочки, а у «каменного растения» иголки, тонкие, как хвойные. Я ещё напряг зрение. Так и есть! И как это я сразу не догадался! В о сколочек скалы оказалась

впечатана веточка арчи — одного из древнейших растений на земле.

Когда-то на месте этих гор, равнин, обожжённых палящим солнцем, густых джунглей — тугаев — плескалось безбрежное море. Потом вода отступила и на илистых берегах закустились, зацвели первые папоротники. Вскоре на помощь им пришли хвойные, арча...

Я люблю снимать деревья. Есть у меня «портреты» векового дуба, тысячелетней чинары. А вот «снимок» многомиллионлетней арчи держать в руках пришлось впервые.

Долго ещё стоял я на берегу горной речки, до боли в глазах вглядываясь в необычную «фотографию». А в друг мне удастся различить на камне ещё и очертания морской волны? А дальше, в самой глубине, внезапно появится маленькая голова, длинная шея на массивном туловище. И передо мной закачается на высокой волне давно исчезнувшего моря силуэт канувшего во тьму веков неведомого чудовища.

Орёл и черепаха

Мой рабочий стол вот уже несколько лет украшает необычный письменный прибор. Я складываю в него скрепки, карандаши, ручки.

Обыкновенный черепаший панцирь. Полынно-жёлтого цвета, с паутиной тёмных разводов. Но если закрыть глаза, желтизна вырастает до размеров песчаной пустыни, а разводы превращаются в трещины такыров*.

И я невольно снова и снова возвращаюсь мыслями туда, к каменистым предгорьям весенних Курамин.

... Солнце горячим утюгом прошлось по тропам, ложбинам, полянам. Буйно полезли к свету травы, яркими зарницами запылали маки. Замельтешили бронзовотелые жуки, бабочки-однодневки. Но коротка радость пробуждения весенней природы. Через неделю-другую всё войдёт в своё русло. Немилосердное солнце спалит травы, птицы разлетятся по гнёздам и будут не петь, а подавать голос, ручейки высохнут... И так до будущей весны.

А пока... Оживает всё, даже черепаши норы, с виду похожие на небольшие земляные гроты. Невнятный шорох, шебуршание свидетельствует о том, что черепахи начали на солнцепёке свои брачные игры. Словно речные валуны трутся друг о друга в горном

*Такыр — глиняная корка в мелких трещинах, встречающаяся в пустыне.

потоке. Или кто-то невидимый раз за разом встряхивает полупустую коробку.

Я сидел на тёплом расщеплённом ветром и солнцем валуне, любовался далёкими золотистыми ледниками. Вдруг в небе показалась точка. Она росла прямо на глазах и скоро превратилась в огромную птицу с мощными крыльями.

Орёл!

Вот он сделал круг над каменной долиной (крылья от встречного ветра загибались полотнищами), потом второй, третий... Будто выскивал что-то... И вдруг на бреющем полёте неуклюжим кулём рухнул вниз.

Что такое?

Я даже привстал с места, потом вскочил на валун, но — увы! — ничего не увидел: кругом густые гривы трав да камни.

Прошла минута-другая. Я снов а уселся на валун и стал ждать. Кого там схватил орёл — суслика, птаху, змею?

И тут крылатый великан поднялся в небо. Его острые когти сжимали какой-то круглый плоский предмет. Булыжник, что ли? Орёл между тем набирал высоту. Но он отнюдь не стремился в горы. Поднявшись, кажется, к самому солнцу, хищник вдруг разжал когти.

Добыча упала на камни.

Тогда птица медленно, не торопясь, спланировала вниз. До места происшествия было с полкилометра. И я не выдержал, побежал туда.

Не доходя метров ста до орла, я, однако, остановился. Птица заметила человека. Но, как видно, я уже ничем не мог помешать орлу. Он, удовлетворённый трапезой, взъерошив холку, чистил клюв о камень. И, не обращая внимания на меня, тяжело поднялся в небо.

Орёл растаял в полуденной синеве, а там, где он обедал, я нашёл половинку черепашого панциря, тщательно выскобленного острым клювом. Так обычно аксакалы выскобливают ножом дыню. Я пок олебался, но всё-таки поднял необычный сувенир.

Теперь, увидев на моём столе черепаший панцирь, некоторые мои гости возмущаются. Как, дескать, тебе не стыдно? Как ты мог превратить живое существо в письменный прибор?

Чаще всего я начинаю оправдываться, объяснять. Говорю, что этот сувенир преподнёс мне не кто иной, как сам горный орёл, рассказываю, как всё это произошло.

А иногда отделяюсь шуткой. Самым ожесточённым охранителям живой природы напоминаю известный случай из истории

Древней Греции. Орёл-стервятник схватил черепаху, поднялся с ней высоко в небо и разжал когти. Черепаха камнем полетела вниз... и упала прямо на голову проходившему внизу человеку! Так был убит наповал знаменитый древнегреческий поэт.

— Мне тоже жалко черепаху, — говорю я в заключение, глядя в глаза своему собеседнику. — Но неужели вас бы больше устроило, если бы на этом столе лежал не её панцирь, а... мой череп?

Заяц-тракторист

Когда Низам выезжает в поле, за его трактором в клубах пыли непременно трусит Койбагар.

Койбагар — пастуший пёс. Хвост у него твёрдый, как палка, а уши обрезаны. И у других овчарок в селе уши обрезаны. Говорят, так им лучше.

Койбагара щенком подарил Низаму сосед-пастух. Пёс вырос, привязался к хозяину. Теперь ни на шаг не отходит от него. Низам в поле, и Койбагар за ним. На базар, в чайхану или в гости

к другу надо — пёс старается увязаться следом.

Односельчане шутят:

— Вон телохранитель Низама!

Пашет Низам поле, а Койбагар под кустом лежит, наблюдает. Птица пролетит — для порядка гавкнет. Надоест валяться — бежит к клевернику. Перепёлок гоняет.

Время обеда. И Койбагар, конечно, тут как тут! Знает, что от хозяина ему что-нибудь перепадёт.

Однажды трактор поломался. Прямо посреди поля.

— Сиди здесь! — сказал Низам Койбагару, а сам направился в колхозную мастерскую.

Вернулся к вечеру. Солнце тонуло за горами. Подошёл Низам к трактору. А Койбагар стоит возле дверцы, как вкопанный. Только лапами перебирает. То заскулит, то зарычит...

«Что-то тут не так», — подумал Низам. Отогнал пса, заглянул в кабину. Вот это да! На сиденье, уткнувшись в ветошку, ни жив ни мёртв, сидел... молоденький заяц!

Низам посмотрел по сторонам — на вспаханную стерню, на поле, где совсем ещё недавно переливалась под ветром пшеница,

и улыбнулся. Он сразу представил, как Койбагар поднял с лёжки зайца. Как гонял его по полю. Как тот, спасаясь, с разбега влетел в кабину трактора.

«Ишь ты, какой прыгучий, — под умал Низам, глядя перепуганного косоного по тёплой шёрстке. — Спортсмен, да и только!»

Отремонтировал он трактор и прикатил домой с зайцем.

То-то было весело ребятишкам!

На рассвете Низам снова отправился с Койбагаром в поле. А сыновья его посадили зайца в кошёлку и отнесли поближе к горам.

— Беги, ушастый, и больше не попадайся!

Битва в камышах

Большое, нежное сердце лебедя... О лебединой верности сложены легенды, стихи. А что знаем мы о лебединой... ненависти?

Рыбацкая лодка скользила вдоль плотной тростниковой стены. Пела вода за кормой, солнце золотыми ячеями расплывалось в струях. Человек в лодке, споро работая шестом, вырулил на середину озера. Воткнул шест в неглубокое дно. Смахнув со лба пот, рыбак потянулся за спиннингом. И в этот момент... с неба на него упал лебедь! Зависнув над лодкой, птица изо всех сил хлестнула человека своими сильными крыльями. Рыбак инстинктивно закрыл руками голову, закричал. Лебедь не отступал. Снова поднявшись в небо, он опять спикировал на лодку. Всё повторилось — удары, борьба... В конце концов человек отступил. Вырвав шест из вязкого дна, он поспешил к берегу.

— Что случилось, Никифор? — встревожилась жена. — Опять на озере шалят?

Муж был мрачен, с бороды его капала вода, из порванного на плече свитера торчало несколько пушистых перьев. В двух словах егерь рассказал жене о происшедшем.

— Сам виноват, — прибавил он горько. — Не уберёг от браконьеров лебединое гнездо. Вот птица и мстит мне за это.

Эту историю я узнал от жены Никифора. Думаю, что егерь заблуждался, приписывая лебедю такую сверхпроницательность. Но в главном он, пожалуй, не ош ибся. Лишь тот, кто умеет сильно любить, умеет и ненавидеть по-настоящему.

Сомы моего детства

Недавно я побывал в местах, где прошло моё детство. Мой родной посёлок стоит на берегу горной речки Аксу. И вода в Аксу прозрачная, ледяная даже летом, а дно всё в камнях-валунах. В жаркий полдень здесь всегда можно увидеть купающихся мальчишек и девчонок. В укромном же месте, под кустиком тала, непременно встретишь мальчишку-удильщика.

Не стерпел я, подошёл к одному такому рыбаку — белоголовому крепышу лет двенадцати. Полюбопытствовал:

— Что ловишь-то?

— А вот, сами смотрите, — кивнул мальчишка на пластмассовое ведёрко.

В ведёрке плескалось с пяток пескарей.

— И только? — удивился я.

Рыбак отложил в сторону удочку. Встал. Отряхнул пятернёй штаны.

— Вчера я майкой поймал трёх сомиков, — похвалился он. — Во т таких, — и он показал

узкую, крепенькую ладошку . — Маленькие, усатые... Только большие почему-то не попадают. Ничего, куплю крепкую леску и стальной крючок. А лягушек в лужах полным-полно.

— Ну, удачи тебе! — пожелал я.

Лет тридцать назад мне приходилось ловить вот таких же сомиков. Стянув узлом подол майки, часами бродил я по скульзким голышам, но шла в мою ловушку почему-то в основном мелочь. Сначала я радовался, а потом загрустил.

— Почему мне попадают только такие крохи? — досадовал я. — А где же крупные, как в книжках с картинками?

Отец, случалось, подзуживал меня:

— Опять недомерка приволок? Эх ты, горе-рыболов! Вот мы, бывало, с твоим дедом...

Наслушавшись рассказов отца о сомах-гигантах, я со в сех ног нёсся на рыбалку. А вечером плёлся домой с очередным недомерком.

Однажды, отчаявшись, я выпустил нескольких сомиков в домашний аквариум.

— Буду ухаживать за ними, кормить до отвала. Должны же хоть эти вырасти в настоящих сомов.

Но через несколько дней сомики всплыли вверх брюхом.

«Наверное, — под умал я, — к ормёжка была неправильной».

Только много позже, став взрослым, я узнал, что туркестанские сомики — так их называют в научных справочниках — не бывают крупными. Средний сомик с ладонь размером. Ну, может, чуть больше.

А те огромные сомы, на которых я рассчитывал, водятся лишь в больших реках — Сырдарье и Амударье. И ещё там, откуда я родом, — в реках и озёрах средней полосы России.

Давным-давно наша семья переехала жить в Среднюю Азию. Из средней полосы России — в Среднюю Азию. Помню, как я малышом удивлялся тому, какая жара стоит в Средней Азии.

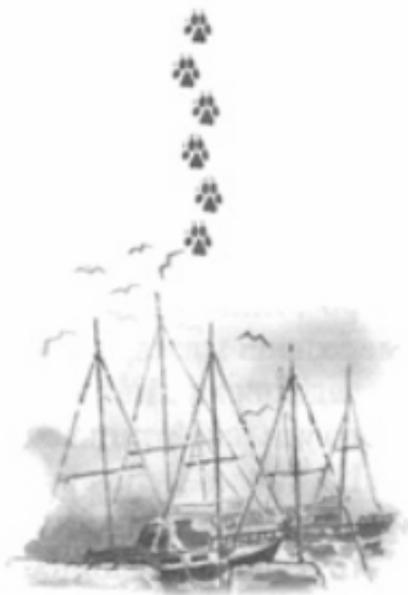
— И ведь это ещё только средняя Азия. А есть, наверно, и дальняя. Уж там-то жара... — фантазировал я.

Со временем я, конечно, привык к новому житью-бытью: палящему зною, невысоким деревьям, смуглой коже друзей-мальчишек. И сам стал смуглокожим, как узбек.

Спасибо Аксу, она сделала меня рыболовом, а потом — путешественником. И передо мной вскоре открылась та

самая дальняя Азия, о которой я мечтал в детстве.

А мальчишке-земляку я в тот раз ничего не сказал. Зачем торопиться? Вырастет, побродит по э той замечательной земле, сам узнает...

ПОДАРОК С СОЛНЕЧНОГО ОСТРОВА

Утренний хлеб

Дядя Янис — хле бопёк. Нелёгкая жизнь у пекаря. На раб оту он уходит среди ночи, когда соседи ещё спят. В пекарне сразу же принимается за дело: замешивает тесто, даёт ему взойти. Подошедшее тесто раскладывает по формочкам и отправляет в печь. Первый хлеб готов только к утру... Просыпается город, и дядя Янис возвращается домой.

Стрекочет мопед дяди Яниса, как цикада. Пересчитывают колёса рубчатые плиточки узкой дороги. Встаёт над черепичными крышами круглое солнышко. И так оно похоже... Ну, да, верно, на калач с розовой

поджаристой корочкой, который дядя Янис везёт своему любимому племяннику Петросу. Редкие встречные уважительно кланяются, улыбаются по-утреннему светло:

— Калимеро*, Янис!

— Калимеро.

— Удался сегодня хлеб?

— Спасибо, удался, — устало улыбается пекарь.

Дядина одежда вся пропахла утренним хлебом. И этот запах ещё долго будет стоять в доме... До тех пор, пока дядя не переоденется к завтраку.

Соберётся вся семья на балконе к утреннему кофе. Разрежут калач на ломти. Душистые, хрустящие — прямо тают во рту.

— Как такой хлеб у Яниса получается? — непременно пошутит кто-нибудь. — Руки у него грубые, как у кузнеца. А хлеб выходит такой нежный и душистый.

И все обязательно поглядят на дядю Яниса и дружно улыбнутся.

Да разве дело в том, что на руках дяди Яниса твёрдые мозоли? Главное, что душа у него мягкая. Петрос, племянник хлебопёка, знает: с чёрствой душой хорошего, свежего хлеба не испечёшь...

* Калимеро — доброе утро.

Канарейка

У Петроса в клетке на балконе живёт канарейка. Зелёная такая, а клюв махонький — с рисовое зёрнышко. Зато голосистая на диво.

Дядя Янис однажды специально подсчитал, сколько колен она выводит.

Больше двадцати! Иными словами, знает больше двадцати мелодий. А Петрос одну, и то с большим трудом, насвистывает. Вот тебе и птичка-невеличка!

Петрос сам ухаживает за своей канарейкой. Меняет каждое утро воду, сыплет в баночку корм. Время от времени подкладывает в клетку половинку яичка или кусочек яблока — любимое лакомство певуньи.

Но больше всего канарейка, конечно, любит петь. Поёт она и на рассвете, и днём... Вечером тоже поёт. Даже когда к Петросу приходят друзья и затевают прямо на полу всякие шумные игры, канарейка непременно принимает участие в общем гвалте. Скачет по жёрдочке, заливается, как сто тысяч канареек! И ведь не успокоится до тех пор, пока кто-нибудь из ребят не остановится и не скажет:

— Вот это голосина! Всех перекричала! Надо же!

Тогда канарейка садится в угол клетки и начинает поправлять клювом растрепавшиеся перья. Иногда Петросу кажется, что эта хитрая птичка и человеческую речь прекрасно понимает.

А ещё к анарейка постоянно приглядывает за тем, как Петрос одет. Например, ей очень нравится, когда мальчик надевает белую майку с нарисованной яхтой или синюю рубашку с м ножеством кармашков. А в от когда Петрос наряжается в красную куртку, канарейка почему-то начинает нервничать. Прыгает по клетке, бьёт крылышками по прутьям. При этом она не поёт, а громко и пронзительно верещит. А с тоит Петросу снять ненавистную ей к уртку, как птичка тут же замолкает.

И вот такая хорошая дружба однажды чуть не закончилась. И всё по вине Петроса.

Почистил как-то Петрос свежее яичко, положил его в клетку, а дверцу защёлкнуть забыл. Когда спохватился, канарейки не оказалось на месте — улетела.

Петрос обегал все комнаты, осмотрел люстру, заглянул за шкаф. Даже в ванную на всякий случай забежал. Но и в ванной канарейки не было.

Петрос выскочил на улицу, забегал взад-вперёд. Ни одного деревца, ни одного кусти-

ка не пропустил. Потом бросился расспрашивать ребят:

— Канарейка тут не пролетала?

— Нет, не пролетала. Вообще никто не пролетал.

Да, птичка будто растворилась в воздухе.

Провожаемый сочувственными взглядами ребят, Петрос понуро поплёлся домой. Снял телефонную трубку, набрал номер дяди Яниса и, всхлипывая, сказал:

— Дядя Янис, к-ка-на-рей-ка ул-ле-тела. Ч-что д-делать?

— Только не р еветь! — с трого-настрога наказал дядя. — Сейчас приду.

Через пять минут дядин мопед стоял у ворот.

Они отправились в парк, обошли все-все деревья и кусты. Солнце уже садилось за море, когда, усталые и угрюмые, дядя с племянником возвращались домой.

— М-да, — почесал в затылке дядя Янис, — упорхнула наша певунья. А ведь целых двадцать колен брала. Да каких!

Пытаясь сдержать набежавшие слёзы, Петрос запрокинул голову. И ... о ч удо! На перилах балкона сидела его канарейка!

Толкая друг друга, дядя с племянником кинулись в дом. Однако ловить беглянку не понадобилось. Птичка преспокойно впорхнула в свой домик и тотчас же запела.

О чём была её песня?

Наверное, о том, что видела канарейка, летая вокруг дома. О прекрасном зелёном парке. О белой, как скатерть, баскетбольной площадке. О разноцветных карусельных лошадках...

Но, может быть, песня была всё-таки больше о Петросе? Ведь это он наливал ей в чашку чистую воду и подкладывал кусочек самого сочного яблока!

Дельфин

Отец Петроса — завзятый рыболов. Весь их дом забит рыболовными снастями. А у причала покачивается небольшая лодка под парусами — яхта.

Однажды отец с сыном ушли на яхте к коралловым рифам, где хорошо ловилась меланкурья. Это такая рыбёшка — мелкая, но очень вкусная.

Петрос закинул удочку и сразу же вытащил первую рыбку. Скоро рыбой была усеяна вся корма яхты. Рыбки прыгали по дну лодки, поблёскивая, как солнечные зайчики.

Неожиданно солнышко скрылось за тучей, а у левого борта, где стояли отец и сын, забурлила вода и... показался дельфин.

— Смотри, — сказал отец, хлопнув Петроса по плечу, — кто к нам в гости пожаловал!

— Дельфин! — радостно воскликнул мальчик.

Никогда раньше он не видел так близко живого дельфина. Обрадованный, Петрос схватил первую попавшуюся рыбку и кинул её гостю.

Дельфин ловко поймал угощение и скрылся под водой. И сразу же поклёвка почему-то прекратилась. Зато рыболовы почувствовали толчки в дно яхты.

— Что это он там делает? — удивился Петрос. — Играет, что ли?

— Не думаю, — покачал головой отец. — Тут что-то другое...

Задрав голову, он одну-две минуты глядел на быстро растущую, наливающуюся свинцовой синевой тучу.

— Погода портится, давай-ка сматывать удочки, сынок.

Быстро убрали паруса. В наступившей тишине оглушительно взревел мотор, и судёнышко стрелой помчалось к берегу.

Когда рыболовы добрались до бухты, над их головами пронёсся первый сильный шквал ветра. Небо и море сразу потемнели. Волны с яростью обрушились на мол.

— Вот это ураган! — к рикнул Петрос в ухо отцу. — Откуда он только взялся?

— Откуда? Спроси у дельфина, — улыбнулся в ответ отец. — Он знает. Спасибо ему — предупредил.

Ракушка

Жила-была на свете рыбка. Не простая — золотая. И не в море, а в аквариуме у Петроса. Может быть, по этому рыбка всё время и разевала круглый рот? И Петрос — хозяин рыбки — всё время подбрасывал ей корм.

На дне аквариума лежали два пёстрых камушка. Красивые такие, но всего два. А в море вон сколько камней!

Однажды Петрос с отцом пошли купаться. Отец уплыл к неб ольшому островку. Петрос видел, как он нырял с прибрежных камней в глубину. Вволю нанырившись, он наконец-то приплыл обратно к сыну.

— Смотри! — сказал отец и разжал кулак. На его ладони отливала изумрудом большая ракушка.

— Ух, ты! — в осхищённо протянул Петрос. — Давай возьмем её домой, вот рыбка обрадуется!

Так и сделали. Вернулись домой, положили ракушку в аквариум. В нём словно светлее стало!

Петрос здорово обрадовался, а вот рыбка почему-то поскучнела. Сначала стала реже разевать круглый рот, а потом и вовсе всплыла брюшком кверху.

— Да, зря мы положили морскую ракушку в аквариум, — расстроился отец. — Вода ведь в аквариуме пресная — вот и испортилась.

Петросу стало очень обидно. Жила-была на свете золотая рыбка, и вот её не стало. А в сё из-за какой-то ракушки и его, Петросовой, глупости. Надо было хорошенько подумать, прежде чем делать.

Потом он даже немножечко поплакал втихомолку. И слёзы у него были такие же солёные и горькие, как морские брызги...

Там, на пристани...

Отец с вечера предупредил:

— Петрос! Завтра утром поедem в порт, встречать дядю Яниса.

— Ур-ра! — закричал мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Действительно, за месяц он сильно соскучился по любимому дяде, потому что тот часто брал Петроса с собой — и на море, и в свою пекарню, и в кино.

Вот и уезжая в отпуск, дядя сказал:

— Я бы взял тебя, Петрос, с собой, если бы не школа. Учись пока, а я привезу тебе какой-нибудь подарок из своего городка.

Дядя Янис родом с острова, затерянного далеко-далеко в море. Там низкие дома, сложенные из камня, плоские крыши и узкие улочки. Повсюду торгуют рыбой и фруктами, а в озле калиток расхаживают козы с колокольчиками. А вдали — куда ни помотришь — вода. Бирюзовое море!

Папа и Петрос приехали в порт рано утром. На пирсе стояли теплоходы, буксиры, катера — маленькие и большие. По пристани ходили люди — встречающие и провожающие, в цветных майках и ковбойках, с чемоданами и сумками, усыпанными пёстрыми наклейками. Из трюма одной баржи выгружали арбузы, и загорелые парни кидали их друг другу в руки легко, как мячики.

С моря веяло прохладой. Вдалеке над яхтами парили чайки.

Отец посмотрел на круглые часы на цепочке.

— Рановато мы приехали, — сказал он. — Теплоходещё не прибыл. Придётся ждать...

— Ничего, — улыбнулся Петрос. — Он

обязательно прибудет. А мы давай пока купим мороженое!

Отец с сыном взяли в крохотной будке по палочке орехового мороженого и отошли к низкой гранитной тумбе, к которой швартовались суда.

Не успел Петрос развернуть своё мороженое, как возле него появилась какая-то, как ему показалось, нахальная собачонка.

Крохотная, с обвислыми ушами. Она завертелась юлой возле ног, заскулила. Петрос рассердился и пнул её ногой.

— Зачем ты это сделал? — спросил папа.

— Пусть не пристаёт, — сердито ответил Петрос.

— Зря обидел животное, — произнёс папа с укоризной.

Он подозвал к себе собачку и ласково потрепал её по холке.

— Не обижайся на этого мальчика, — сказал отец, показывая на Петроса. — Он ещё не знает, какой трудной и коварной бывает жизнь.

Собачка слушала и по чему-то виновато виляла хвостом-обрубком. Вдруг

она взвизгнула и рванулась навстречу человеку в морской форме. Тот остановился и тоже склонился над собачкой. Погладил её, затем вытащил из сумки кусочек колбасы и положил на камень.

— Пойдём сядем, — сказал папа.

Отец с сыном устроились рядышком на деревянной скамье. Теплохода всё ещё не было — он явно запаздывал.

— У этой собачки зимой случилось несчастье, — сказал папа и вздохнул.

— Какое? — насторожился Петрос.

— Её хозяином был старый боцман, — начал рассказ отец. — Он часто брал собаку с собой в плавание. А если она оставалась дома одна, то каждый день прибегала на пристань. Садилась возле пирса и долго-долго смотрела на море. Однажды хозяин не вернулся, погиб во время шторма, вместе со шхуной. Но собачка всё равно каждый раз прибегает сюда и ждёт. Думает, что боцман жив, просто задержался в плавании. И многие матросы, грузчики, портовые рабочие знают об этом. Жалеют её и кормят.

Петрос вздохнул, ему стало стыдно за свой неразумный поступок. Он посмотрел по сторонам. Хотел отыскать собачонку, угостить её чем-нибудь, но преданной жи-

вотинки ни поблизости, ни вдали уже не было.

А теплоход с дядей Янисом всё не появлялся. Отец ещё раз глянул на часы, потом кивнул Петросу:

— Посиди здесь. А я схожу, узнаю у портового начальства, почему запаздывает теплоход. Такого не должно быть...

Вернулся папа мрачный.

— Плохо дело, — сказал он. — В море очень штормило. На теплоходе была какая-то маленькая авария. Но, слава Богу, все обошлось. Так мне сказали.

— Правда? — забеспокоился Петрос и впервые в жизни по-настоящему испугался за дядю Яниса.

— Правда, правда, — сказал отец, погладив сына по жёстким волосам.

И тут вдалеке, на горизонте, показалось крохотное белое облачко. Постепенно оно приближалось, и, наконец, превратилось в большой белоснежный теплоход.

— Кажется, дядин, — облегчённо вздохнул отец.

— Ур-ра! — как и вчера, захолопал, в ладоши Петрос. И даже запрыгал от радости.

А через некоторое время теплоход причалил к пирсу. Радостные пассажиры повалили по трапу на пристань. И, конечно же,

Петрос оказался в крепких объятиях своего любимого дяди.

Уже дома, в кругу семьи дядя с удовольствием рассказывал о своём городке, о друзьях детства и очень неохотно — о шторме, о пробоине, которую с трудом задраили матросы. И лишь потом дядя Янис вытащил из кожаного чемодана какой-то свёрток. Петрос осторожно развернул его и у видел...подарок. Это была красивая бронзовая статуэтка породистой овчарки. Петрос так обрадовался, что даже забыл дядю поблагодарить. А дядя Янис сказал, что такие собаки живут только на их острове. Что они самые сильные и самые преданные человеку.

Но Петрос почему-то погрустнел. Дядя Янис это заметил.

— Что, подарок не нравится? — спросил он.

— Нет, что вы, — улыбнулся Петрос. — Просто я вспомнил о другой собаке. Там, на пристани...

Хитрый рачок

Камни спускаются к морю гигантскими черепахами. А у с амой воды замерла совсем маленькая «черепашка». Петрос давно облюбовал её широкую плоскую

спинку. Если лечь на неё животом, кажется, что ты плывешь по волнам на маленькой лодке.

В прозрачной спокойной воде хорошо видны маленькие рыбки. Петрос любит наблюдать за тем, как они снуют по песчаному дну.

Раз, два, три, четыре, пять... Можно считать и полчаса, и час.

Только зачем? Всё равно собьёшься со счёта, ведь рыбок великое множество. А в сутках всего двадцать четыре часа, и вечером надо возвращаться домой — ужинать, спать...

Лежит Петрос на камне и наблюдает за рыбками.

Но что это? В ближайшей расщелине показался чёрный камушек. И у него, кажется, глаза — две бусинки. Только разве у камней бывают глаза?

Опустил Петрос ладошку в тёплую воду — потрогать камушек. А тот взял да и упорхнул вместе с рыбками. Чудеса! Живой, что ли, этот камушек?

Снова уставился Петрос в воду — наблюдает. Вот и камушек, тот самый. А ведь и впрямь живой! Спереди вылезли лапки, вернее, клешни. Тёмные, загнутые, будто рыболовные крючки.

Любопытно стало Петросу, что камушек предпримет дальше. А пока, он похоже, за рыбками следит. Так и есть — за рыбками! Вот один из мальков близко подплыл к камушку. Остановился в не решительности: плыть — не плыть? А камушек хватить его клешней — и в расщелину!

Поднял Петрос голову с камня-черепашки, помахал рукой Станакису: давай, мол, сюда! Тут такое творится... Не видит Станакис, замок из песка строит. Ну, наконец-то заметил, что ему сигналият!

Подскакал Станакис к Петросу по камням, присел на корточки.

— Что случилось?

— Тсс, — Петрос приставил палец к губам, а сам тихо шепчет: — Там живой камушек.

Станакис прилёг рядом, затих. Стали дружка вместе за живым камушком наблюдать.

А камушек снова за свои дела принялся. Тихо, осторожно так выкатился и клешней-крючком водит туда-сюда — видно, хочет ещё одну рыбку зацепить.

Встал Станакис, отряхнул с ладоней песок, усмехнулся:

— Чудак ты, Петрос. Вот чудак!

Петрос ужасно удивился словам друга. Уставился на Станакиса, как на живой камушек.

— Почему?

Нагнулся Станакис, поднял с пещеры камень-голыш, зашвырнул его далеко-далеко. Камень сверкающим блюдечком скользнул по воде и, будто споткнувшись, пошёл ко дну.

— Скажи, разве камни умеют плавать? — спросил Станакис Петроса.

— Нет, — мотнул тот головой.

— То-то и оно! Это вовсе не камушек, а морской рачок. Их много живёт у берега в расщелинах. Да и в самом море. Хочешь, поймем твой «камушек»?

— А как? — загорелся Петрос.

Станакис долго бродил между огромных камней, пока не нашёл железную банку из-под апельсинового сока. У какого-то мальчишки с удочкой выпросил маленькую рыбку, бросил её в банку.

— А теперь пошли к тому камню.

Привязали к банке шнурок от ботинка, опустили её на дно. Как раз перед расщелиной, где рачок только что охотился.

Медленно потянулось время. Охотник, как видно, решил передохнуть. Петрос даже устал от напряжения. Наконец ничего не подозревающий рачок показался из своего укрытия. Почуял рыбку, пополз за ней и... оказался в ловушке. Станакис тотчас же

выхватил баночку из воды и швырнул её на берег.

Ловушка с морским рачком упала на горячий песок. Мальчишки тут же окружили её. Теперь Петрос смог хорошенько рассмотреть свой «камушек». Два глазика-точки, две большие клешни с загнутыми крючками да ещё с обеих сторон по четыре лапки. Правда, одна из них оказалась обломанной.

— Лапку он потерял в драке с таким же рачком, — объяснил Станакис. — Отец рассказывал, что морские рачки очень драчливы.

Тут Петрос вспомнил, что Станакис происходит из старого рыбацкого рода. И для него море, можно сказать, родной дом.

— Ничего, — продолжал между тем Станакис, — отрастёт у твоего рачка новая лапка, лучше прежней будет.

Костяная спинка рачка была чёрная-чёрная. И круглая. Посмотреть сверху: ни дать ни взять — камушек!

— Хитрые эти рачки, — задумчиво сказал Станакис. — Даром что маленькие.

— Что же теперь с ним делать? — спросил Петрос.

— Возьми себе, — предложил Станакис. — Пусть денёк-другой поживёт у тебя. А там отпусти обратно в море.

«Верно, принесу домой, покажу сестрёнке. Он ведь такой забавный», — решил Петрос.

Ребята закрыли морского рачка в банке, чтобы не уполз, а сами побежали купаться.

Весело плескаться в тёплых волнах! Солнце, брызги, крики чаек...

Но солнце всё больше клонится и клонится за горизонт, напоминая, что пора домой: там родители ждут и, наверно, беспокоятся.

Станакис первым вылез из воды. За ним — Петрос. И сразу же мальчишки направились к банке. Как там морской рачок? Не скучает без них?

Петрос поднял накалившуюся на солнце банку: приложил к уху, прислушался. Не шевелится ли пленник? Тихо.

Мальчик открыл банку, заглянул внутрь. На дне лежал обыкновенный чёрный камушек. Петрос вытряхнул его из банки. Рачок не двигался.

— Умер, — прошептал Петрос. — Вот бедняга...

Расстроенный, Петрос отнёс рачка к родной расщелине. Осторожно опустил в воду. И в друг безжизненный камушек встрепенулся. Показались клешни, лапки с боков. «Мёртвый» рачок зашевелился

и... быстро-быстро поплыл к своему укрытию.

— Ожил! Ожил! — затанцевал от радости Петрос.

— Я же говорил, что они ужасно хитрые, — засмеялся Станакис. — Обдурил он тебя, Петрос. Теперь не поймаешь.

Но Петрос и не думал расстраиваться. Наоборот, ему стало очень весело и легко. Хорошо, что рачок оказался таким хитрым. Вот и хитрость, оказывается, может принести радость.

Подарок с солнечного острова

Дядя Янис обещал Петросу купить дыню — большую-большую и самую сладкую. И вот в субботу рано утром он отправился на мопеде к пристани. Сюда на катерах и широких баркасах весёлые греки-крестьяне привозили с соседнего острова солнечные дары.

Прошелестело утро с ветерком, миновал знойный полдень, уже длинные тени вечера обозначились у домов, а дядя всё не возвращался.

«Не случилось ли чего?» — тревожился Петрос, поминутно выглядывая в окно.

Наконец во дворе застрекотал дядин мопед. Петрос с нетерпением выскочил навстречу.

Но что это?! Сумка, пристегнутая к багажнику, была пуста.

— А дыня... Где дыня? — спросил Петрос упавшим голосом.

Дядя глянул на пустую сумку и сам будто удивился. Потом почесал затылок и, глядя в сторону, виновато сказал:

— Прости, Петрос. Встретил друга. Вместе росли в деревне, на острове. Он как раз привёз дыни — целую гору. Я помогал ему выгружать, а потом мы пошли в кофейню. Проговорили весь день, вспоминали детство... Столько лет не виделись! А про дыню я совсем позабыл... Ладно, ты не огорчайся! Завтра вместе исправим ошибку.

На другой день Петрос поехал на пристань вместе с дядей Янисом. Над морем всходило раннее солнце, и пристань пока была пуста. Но ещё и здали под одинокой пальмой Петрос с дядей заметили... три огромные жёлтые дыни. Когда подкатили поближе, увидели прикрепленный к пальме листок и нацарапанные карандашом слова:

«Это подарок с солнечного острова для яниса и его племянника петроса». А дальше — неразборчивая подпись.

Вечером всей семьёй ели на открытом балконе дыню. Пахучий её аромат волнами плывал по дому.

— Вкуснотища, — чмокал сладкими губами Петрос.

— Верно говоришь, — соглашался с ним дядя Янис. — Попробовал кусочек — и будто вернулся в детство, на солнечный остров.

Кузнечик

Пошли ребята купаться на море. И Петроса с собой взяли — даром что маленький.

Разделись мальчишки, все загорелые, как маслины. Стали нырять с высокого лобастого камня: кто «ласточкой», кто «матросиком», кто «бомбой». На лету обхватят колени обеими руками — и бултых в синюю волну! Только брызги в стороны!

Один Петрос сидит в сторонке и скучает. Он ещё не умеет хорошо плавать, но стесняется в этом признаться.

— Петрос, иди сюда! — кричит Станакис. — Научим нырять «матросиком».

— Фи, — свис тит важно Петрос, — это для меня пустяк...

— А как ты умеешь?

— Вот так, — Петрос отряхнул ладони и, высоко вскидывая ноги, побежал навстречу волне. Окунулся с головой, и волна вытолкнула его обратно на песок.

— Здорово! — смеются ребята.

А Станакис спрашивает:

— Это по-какому же ты нырял?

— «Кузнечиком», — не рас терялся Петрос.

— Ур-ра! — закричали мальчишки и побежали навстречу волнам.

Немного повзрослев, они уже стали забывать, как ныряют «кузнечиком».

Индеец

Петрос играет в индейца: с перьями в волосах и луком в руках сидит на дереве.

В это время распахиваются двери дома и во дворик выходит дядя Янис. Лысая голова его сияет, как большой апельсин.

— Петрос! — кричит братишка Дмитрий. — Если бы дядя Янис был индейцем, как бы его назвал вождь племени?

Петрос опускает лук. Немного подумав, серьёзно, без улыбки говорит:

— Босоногая голова!

Ку-ку

Дядя Янис — весёлый человек, он всегда разыгрывает Петроса. Например, приходит домой, нажимает на кнопку звонка. Петрос спрашивает:

— Кто там?

— Ку-ку, — отвечает дядя.

Теперь, когда дядя Янис появляется на пороге, племянник хлопает в ладоши, радостно, во весь голос кричит:

— Ура! К нам Ку-Ку пришёл!

Апельсины

Иногда, возвращаясь с работы, отец приносит Петросу какой-нибудь подарок: игрушку, марки, книжку. Но никогда не отдаёт сразу то, что принёс, такая уж у него привычка. Обычно он прячет подарок за спиной и говорит, загадочно улыбаясь:

— Петрос, отгадай, что я тебе купил!

Петрос принимается гадать. Он перечисляет и то, и сё, и пятое, и десятое. А папа знай себе улыбается...

Вот и сегодня, только войдя, прямо с порога папа крикнул:

— Петрос!

— Я здесь, — отозвался сын.

— К тебе в гости пожаловал Санта Клаус. Отгадай, какой новогодний подарок он тебе принёс?

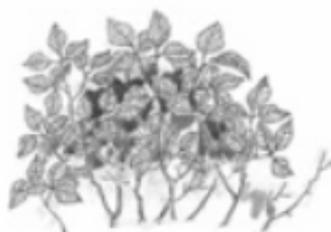
Петрос подошёл поближе, потом ещё поближе. Да вдруг как закричит:

— Апельсины!

— Гм-м, — удивился отец. — Как ты догадался?

Он повернулся спиной, и мальчик увидел в руках отца большой пакет с апельсинами.

— Смешной ты, папа, — улыбаясь довольный Петрос, — запах-то не спрячешь.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Сергеев.
О книгах Николая Красильникова 5

РАССКАЗЫ

ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Про Кисточку и Цезаря	11
Весна, гитара, мухоловки	20
Марфуша	29
Воронья верность	36
Кот, который летал	38
Голубые лягушки	40
Кто землю в огороде рыл?	43
Мишка и Кыш	45
Лёля	47
Как слон примерял бейсболку	51
Граф и пустельга	55
Находчивый петух (рассказ фронтовика)	62
Шаровая гостя	65
В поисках Перчика	67
Зачем к лисьей норе ручеёк прибежал?	72

ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА

Куда покажет солнышко	85
Ясное дело	88
Заяц на верёвочке	92
Фараон	98

Как Тимофей стал клушкой	101
«Опасная» ягода	106
Мои встречи с мишкой	108
Как медведь трактор пересилил	111
Гаргантюа таёжной реки	114
Бочка	117
Листопадник	122
Песня	127
Поросёнок и Скрипка	128
Обиженная Патрикеевна	131
Лисий танец в чистом поле	133
Как я охотился на шакала	136
Жулькин подранок	139

ПОД СИНИМ -СИНИМ НЕБОМ

Быль о сверчке	145
Длинноухие помощники	150
Ай спасибо, Айболит!	161
«Солнечный паук»	164
Дракончик на стене	167
Грецкий орех (рассказ художницы Н.С.Строгановой)	170
Настоящая собака	173
Мой друг динозавр	176
Наши кошки	179
Будь здоров, Филя!	184
Кабаньи яблоки	190
Красавчик	193
Красные утки	200
Ручной Карлуша	204
Голоса неба	209
Полынные острова	210

РЫБКА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

Мой омуток	217
Чудо-юдо	222
Необычная приманка	226
Коты-разбойники	232
Щучий заговор	237
«Бои без правил» на реке Аксу	239
Форелевые ванны	242
Рыбка с голубыми глазами	244

ПОВЕСТИ

ПЕТЬКА – РОЗОВЫЙ ПЕЛИКАН	249
В ГОСТЯХ У АЛИ-БАБЫ	277
ПОДАРОК С СОЛНЕЧНОГО ОСТРОВА	323

По вопросам приобретения книг издательства
«Аквилегия-М» обращайтесь по телефонам:
(495) 661-28-24, 589-80-15
akvil@mail.ru
Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства
www.akvil.net

Николай Красильников

ОХОТНИЧЬЯ избушка

Литературно-художественное издание

Художник Наталья Соколова

Редактор В.Митин
Дизайн серии К.Прокофьев
Верстальщик-дизайнер А.Ванин
Корректор М.Семёнова

Подписано в печать 14.12.12.
Гарнитура «LiteratumayaC». Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. №9442

Сертификат соответствия
№ РОСС RU.АГ23.Н05363 от 27.06.12

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 - книги, брошюры

Издательство «Аквилегия-М»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в «УЛЬЯНОВСКОМ ДОМЕ ПЕЧАТИ»
филиале ОАО «Первая Образцовая типография»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

